

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 12 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: irinamoro@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 12 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: irinamoro@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

I.V. Morozova, Dr. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жепниковска, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация;
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

И.В. Морозова, доктор филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Американская глубинка в литературе, политике и культуре США. <i>Ирина В. Морозова</i>	14
--	----

Региональное и расовое измерение американской глубинки

<i>Мария А. Филлимонова</i> Северокаролинская глубинка в «Дневнике благородной дамы» Дженет Шоу	21
---	----

<i>Глеб В. Александров</i> <i>The Devil was her Deity</i> : Народное колдовство в графстве Йорк, Южная Каролина, в XVIII–XIX вв.	36
---	----

<i>Елена М. Апенко</i> Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст	52
--	----

<i>Алла К. Никулина</i> У нас это возможно: «фашизм сердца» и американский Средний Запад в романе У. Гэсса «Тоннель»	64
--	----

<i>Инна В. Щепачева</i> Образ американской глубинки в творчестве Персиваля Эверетта	78
--	----

<i>Юрий В. Стулов</i> Как маленький городок попадает на первые страницы газет (роман К. Уайтхеда «Дни Джона Генри»)	87
---	----

Глубинка как фактор поэтики американского нарратива

<i>Ирина В. Морозова</i> Глубинка в южной готике	97
---	----

<i>Татьяна Н. Белова</i> Художественные принципы изображения «американской глубинки» в романе У. Фолкнера «Шум и ярость»	111
--	-----

<i>Тамара Л. Селитрина</i> Атмосфера школьного образования в американской глубинке как предпосылка готической поэтики прозы Стивена Кинга	120
---	-----

Татьяна Е. Комаровская
Гонерилья американской глубинки: роман Д. Смайли
«Тысяча акров» 131

Евгения М. Бутенина
Провинция и столица: диалог с Чеховым
(рассказ Джойс Кэрл Оутс «Дама с собачкой») 140

Ирина В. Брянцева
Образ американской глубинки в альтернативно-исторических
произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях 149

Историография глубинки

Лариса М. Троицкая
Путешествие на Дальний Запад американского орнитолога
и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1843) 159

Мария М. Сиротинская
Понимание прогресса в региональной американской прессе
начала 1850-х гг. (по материалам электронной базы
Библиотеки Конгресса США) 169

Лариса В. Байбакова
Битва за землю обетованную: попытки мормонов создать
теократическое государство на западе США 182

Ирина М. Супоницкая
Американская и российская глубинка: два образа жизни и мысли
(наблюдения бывшего земца) 191

Михаил М. Грузков
Битва за медные рудники Монтаны: превращение северо-западной
окраины в один из индустриальных центров США 203

К 100-летию юбилею киностудии Уолта Диснея

Мария В. Маркова
Волшебная сказка и волшебство мультипликации 213

Арина Р. Шевченко
Сказочный сюжет о принцессе и лягушонке сквозь призму столетий:
ответ на вызовы нового времени в интерпретации студии Дисней 226

CONTENTS

American Hinterland in the U.S. Literature, Politics, and Culture. <i>Irina V. Morozova</i>	14
--	----

The Regional and Racial Dimension of the American Heartland

<i>Maria A. Filimonova</i> The North Carolina hinterland in “The Journal of a Lady of Quality” by Janet Schaw	21
---	----

<i>Gleb V. Aleksandrov</i> The Devil was her Deity: Witchcraft and folk religion in York County, South Carolina, in the 18th – 19th centuries	36
---	----

<i>Elena M. Apenko</i> James Fenimore Cooper’s novels as a regional text	52
---	----

<i>Alla K. Nikulina</i> It can happen here. “The fascism of the heart” and the U.S. Midwest in “The Tunnel” by William Gass	64
---	----

<i>Inna V. Shchepacheva</i> The image of the American province in Percival Everett’s creativity	78
--	----

<i>Yurii V. Stulov</i> A small town becoming front-page news (“John Henry Days” by Colson Whitehead)	87
--	----

Hinterland as a Factor in the Poetics of the American Narrative

<i>Irina V. Morozova</i> The outback in Southern Gothic	97
--	----

<i>Tatiana N. Belova</i> Artistic principles of delineating the American “interior” in W. Faulkner’s novel “The Sound and the Fury”	111
---	-----

<i>Tamara L. Selitrina</i> The atmosphere of school education in the American outback as a premise of Gothic poetics of Stephen King’s prose	120
--	-----

<i>Tatiana E. Kamarovskaya</i>	
Goneril of the American countryside. J. Smiley's novel "A Thousand Acres"	131

<i>Evgenia M. Butenina</i>	
Provincial town versus capital city. A dialogue with Chekhov (Joyce Carol Oates' "The lady with the pet dog")	140

<i>Irina V. Briantseva</i>	
The image of the American remote places in alternate history fiction about the Second World War and its consequences	149

Historiography of the Hinterland

<i>Larisa M. Troitskaya</i>	
A journey to the Far West by the American ornithologist and animal painter John James Audubon (1843)	159

<i>Maria M. Sirotinskaya</i>	
View of progress by the regional American periodicals of the early 1850s (on materials of the Library of Congress electronic database "Chronicling America: Historic American Newspapers")	169

<i>Larisa V. Baibakova</i>	
The battle for the Promised Land. Mormons' attempts to create a theocratic state in the American West	182

<i>Irina M. Suponitskaya</i>	
American and Russian outback. Two ways of life and thought (observations of a former Zemstvo member)	191

<i>Mikhail M. Gruzkov</i>	
Copper kings' war in Montana. The emergence of the northwestern outskirts of the United States as an industrial center	203

On the 100th Anniversary of Walt Disney Studios

<i>Maria V. Markova</i>	
The wonder tale and the wonder of animation	213

<i>Arina R. Shevchenko</i>	
The fairy tale plot on the princess and the frog through the prism of ages. A response to the New Times' challenges in Disney's interpretation	226

Американская глубинка в литературе, политике и культуре США

Какая она, американская глубинка? Это зеленые долины, где мирно пасутся коровы, далекие холмы в романтической дымке, тучные поля, процветающие фермы и маленькие ухоженные городки с завидным чувством принадлежности своему сообществу и традиционным ценностям? Или это сторбленные сельскохозяйственные рабочие, разбитые дороги, «центры реализации», где толпятся мигранты со всех уголков мира, отсутствие образования, нравственный упадок, расовая нетерпимость и ужасающая бедность? Есть в американской глубинке и то и другое, и репрезентация этого противоречивого феномена в различного рода текстах представляется отдельной научной проблемой. Ее всестороннему изучению были посвящены VIII Международные чтения по американистике, названные в честь Алексея Матвеевича Зверева, известного российского филолога, литературного критика и специалиста по американской литературе, состоявшиеся 27–28 апреля 2023 г. в Российском государственном гуманитарном университете. Доклады участников конференции были посвящены междисциплинарному изучению проблем, связанных с жизнью американской глубинки, ее саморепрезентациям и осмыслению с позиций Другого. Участники вписали разговор о глубинке в общегуманитарное пространство с целью выявить те общие элементы, которые формируют характерное представление о жизни провинциальной Америки в разных дискурсивных практиках и контекстах в литературе, культуре, истории и политической мысли XVIII–XXI вв.

Кроме того, по традиции на чтениях был организован круглый стол, посвященный памятным датам в американской культуре. Не явилась исключением и эта конференция, где состоялось заседание круглого стола, приуроченного к 100-летию юбилею киностудии Уолта Диснея. Участниками круглого стола были предложены интерпретации продукции этой компании с точки зрения социокультурной повестки общества, гендерных и расовых стереотипов.

Содержание данного тематического выпуска представляет ряд статей участников конференции и состоит из трех разделов. Первый раздел выпуска «Региональное и расовое измерение амери-

канской глубинки» включает статьи, связанные с проблемами репрезентации региональной специфики американской глубинки в разных литературных и документальных текстах и жанрах. Открывает его статья Марии Александровны Филимоновой «Северокаролинская глубинка в “Дневнике благородной дамы” Дженет Шоу», в которой автор обращается к имагологическому исследованию глубинки на материале травелога XVIII в. Травелог консервативно настроенной шотландки Дженет Шоу, написанный в эпистолярной форме, излагает ее впечатления от поездки в Северную Каролину и раскрывает несколько важных аспектов не только имагологии революционной Америки в британском обществе, но и вопросов идентичности британцев. Автор справедливо утверждает, что в манере изложения «Дневник» Дженет Шоу следует заложенной Стерном традиции презентации не столько фактов, сколько авторской рефлексии на них.

В статье Глеба Владимировича Александрова «*The Devil was her Deity: Народное колдовство в графстве Йорк, Южная Каролина, в XVIII–XIX вв.*» предметом исследования становятся народные верования, «низовая» религиозность и фольклор глубинки. Автор статьи отмечает, что общую ткань народной культуры, фольклора и верований южного штата отличает известный синкретизм разных культур: карибские и африканские мотивы дополняют немецкий и английский субстрат, органично входят в нее и ирландские и шотландские мотивы, привнесенные многочисленными иммигрантами в начале XVIII в. Г.В. Александров утверждает, что эти факторы, как и фрагментированность церковной власти в колониях, разделенной между многочисленными деноминациями и локальными церквями, не позволила колониальной церкви дистанцироваться от народной религии столь же эффективно, как в Европе, в результате чего народная религия стала значительно более важной составляющей духовной жизни колонистов.

К образу американской глубинки на этапе ее формирования обращается в своей статье «Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст» Елена Михайловна Апенко. Изображая фронт в своих романах, Дж.Ф. Купер, как подчеркивает автор статьи, стремится выявить некие константы, обладающие значимостью как маркеры территориальной идентичности. В качестве важной темы романов американского писателя Е.М. Апенко отмечает актуальную на протяжении почти столетия проблему вопроса владения землей, заключающуюся в противостоянии юридических и фактических владельцев. Особое место отводится в статье исследованию локуса земли и дома в «топологическом сверхтексте» Купера, которые автор считает своего рода архетипическими, сыгравшими

важную роль в воссоздании писателем определенного этапа истории развития реального географического пространства, обозначенного конкретными топонимами округа Отсега, штат Нью-Йорк, и являющегося важной частью геонационального пространства американской глубинки.

Провинция Среднего Запада предстает как важный фактор формирования нравственного модуса человека в статье Аллы Константиновны Никулиной «У нас это возможно: “фашизм сердца” и американский Средний Запад в романе У. Гэсса “Тоннель»». В статье анализируется внутренний путь, ведущий человека от размышлений о собственной неудовлетворенности жизнью в провинции к неприятию мира в целом, желанию выместить на нем обиду за собственные неудачи. А.К. Никулина утверждает, что роман является значимым исследованием истоков «фашизма сердца», обнаруживающим их в жизни тихой американской провинции конца XX в. с той же отчетливостью, как и в Германии 1930-х гг.

Изображению и осмыслению глубинки отводится весьма важное место в афроамериканском литературном творчестве, о чем свидетельствуют две работы, заключающие первый раздел. Так, Инна Владимировна Щепачева в своей статье «Образ американской глубинки в творчестве Персиваля Эверетта» утверждает, что в романе П. Эверетта главным локусом становится американская сельская местность, составляющая оппозицию современному мегаполису, что является устойчивым топосом афроамериканской традиции. Противопоставляя жизнь большого города и провинции, П. Эверетт показывает, что жизнь в городе регламентируется формальными традиционными нормами приличия, тогда как американская глубинка выступает страшным местом, где зачастую проводятся опасные эксперименты. Для создания образа американской глубинки, утверждает И.В. Щепачева, писатель обращается к популярным стереотипам, связанным с пустынями Нью-Мексико, и обыгрывает их в постмодернистском ключе.

В свою очередь, Юрий Викторович Стулов в статье «Как маленький городок попадает на первые страницы газет (роман К. Уайтхеда “Дни Джона Генри”)» анализирует феномен провинциального городка, который, чтобы выжить, использует легенду о чернокожем рабочем Джоне Генри, победившем в соревновании с паровым молотом. В романе присутствует пародийное изображение менталитета американцев конца XX в. и атмосферы провинциальной Америки, рисует многомерный и неоднозначный мир американской глубинки. Среди основных тем романа Ю.В. Стулов выделяет расизм, который приобрел новые завуалированные формы, современное подобие «журналистики» как феномен эволюции

СМИ под влиянием развития цифровых технологий, разницу в ментальности жителей мегаполисов и маленьких городов.

Второй раздел «Глубинка как фактор поэтики американского нарратива», посвященный изучению поэтики глубинки в художественной литературе, открывает статья Ирины Васильевны Морозовой «Глубинка в южной готике», в которой автор объясняет специфику южного готического повествования и выделяет глубинку как его главный локус, характеризующийся укорененностью в традициях прошлого. И.В. Морозова утверждает, что южная глубинка превращается в топос, обобщенное место разворачивания смыслов, связанных с уникальным южным опытом жизни, с набором устойчивых фабульных формул, а также общих мотивов, проблем и сюжетов.

Разговор о южной глубинке продолжает в своей статье «Художественные принципы изображения “американской глубинки” в романе У. Фолкнера “Шум и ярость”» Татьяна Николаевна Белова, которая доказывает, что главная трагедия Юга заключается у Фолкнера в утрате былой чести и достоинства южан, отказе от морально-этических и религиозных ценностей, приведшем к упадку и разложению. Автор статьи обращает внимание на модернистскую поэтику романа: поток сознания, дискретные временные и пространственные сдвиги, искусство монтажа, импрессионистический подход к изображению чувств и эмоций своих гротескных героев и т. д.

К готическому повествованию в его новоанглийском изводе обращается Тамара Львовна Селитрина в статье «Атмосфера школьного образования в американской глубинке как предпосылка готической поэтики прозы Стивена Кинга», где рассматривается изображение жизни маленького городка в романе С. Кинга «Кэрри», подчеркивается пуританская составляющая новоанглийского сознания, не утратившая своих качеств и в XX в. Специальное внимание уделено приему «точки зрения» как в идейном, так и в пространственно-временном изображении действительности.

Компаративный характер носят статьи Татьяны Евгеньевны Комаровской и Евгении Михайловны Бутениной. В статье «Гонерилья американской глубинки: роман Д. Смайли “Тысяча акров”» Т.Е. Комаровская изучает шекспировские мотивы, а также традицию социального романа о земле XIX–XX вв. На первый план в романе Д. Смайли, утверждает автор статьи, выходят темы нравственного оскудения фермера, достигшего успеха за счет хищнического использования земли, и эпистемологические поиски своей идентичности его дочерей, при этом одной из основных тем романа становится тема экофеминизма.

Е.М. Бутенина, в свою очередь, в статье «Провинция и столица: диалог с Чеховым (рассказ Джойс Кэрол Оутс “Дама с собачкой”)» использует сравнительный анализ применительно к русскому и американскому разговору о провинциальной жизни. В частности, отмечается, что в противопоставлении безликой провинции и места судьбоносной встречи героев и в рассказе Чехова, и в рассказе Оутс важна удаленность от моря или близость к нему, к тому же приобретает и особое значение расстояние, преодоленное героинями по дороге к морю, символизирующее путь их внутреннего преобразования. В статье также анализируются черты феминизации «чеховского» рассказа Оутс.

Завершает раздел статья Ирины Вячеславовны Брянцевой «Образ американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях», в которой анализируется специфика локализации художественного пространства в повести С.М. Корнблата «Две судьбы» и романе Д. Куинна «После Дахау». Особое внимание в статье уделяется утверждению значимости глубинки как локации, активно задействованной в построении альтернативно-исторического нарратива в обоих исследуемых произведениях. С.М. Корнблат создает образы южной американской глубинки времен Второй мировой войны и ее двойника в футуристическом параллельном мире спустя 150 лет после предположительной победы стран Оси, и нарратив об Америке будущего выстраивается в форме антиутопического травелога, описывающего деградацию общества. В романе Д. Куинна американская глубинка предстает в виде намеченных авторскими словесными штрихами небольших городков, в которых происходят невероятные события и каждое место связано с определенным этапом жизни главного героя.

Третий раздел «Историография глубинки» содержит статьи, в которых авторы рассматривают и историю глубинки, и ее роль в истории США. Изображение фронта в XIX в. оказывается в центре внимания в статье Ларисы Михайловны Троицкой «Путешествие на Дальний Запад американского орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1843)». Рассматривая травелог американского натуралиста-орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона о его путешествии в целях сбора экземпляров фауны и флоры, наблюдений за животными для подготовки труда о природе региона, расположенного на восточных склонах Скалистых гор, автор статьи отмечает, что, написанный в форме дневника, он содержит описание не только природы, но и повседневной жизни индейцев и немногочисленных белых.

В статье «Понимание прогресса в региональной американской прессе начала 1850-х гг. (по материалам электронной базы Библио-

теки Конгресса США)» Мария Моисеевна Сиротинская анализирует восприятие «американского прогресса» в региональных газетах США начала 1850-х гг. Автор отмечает, что в данный период местные газеты были хорошо осведомлены о политических дебатах в Вашингтоне и Нью-Йорке. Оценки «американского прогресса» в значительной степени определялись партийно-политическими симпатиями редакторов и публицистов, а также их отношением к вопросу о роли и месте молодежи в политике, в общественной жизни.

Проблеме фронта и колонизации Запада посвящена статья Ларисы Вилоровны Байбаковой «Битва за землю обетованную: попытки мормонов создать теократическое государство на западе США». Специфической чертой общественной эволюции Запада, как отмечает автор статьи, являлась попытка создания мормонами теократического государства Дезерет во второй половине XIX в., которое сочетало бы основы теократического правления с традиционными республиканско-демократическими принципами, предусмотренными Конституцией США. Духовное наследие мормонов, утверждает Л.В. Байбакова, способствовало поддержанию устойчивого мифа среди американцев о возможности альтернативного развития отдельных регионов страны.

В статье Ирины Марковны Супоницкой «Американская и российская глубинка: два образа жизни и мысли (наблюдения бывшего земца)» представлен сравнительный анализ американской и российской глубинки на рубеже XIX и XX вв., основанный на работах общественного деятеля и писателя П.А. Дементьева, эмигрировавшего в 1881 г. в США и хорошо осведомленного о жизни провинции обеих стран. Основываясь на американском опыте, Дементьев настаивал на необходимости реформ в России, а различия американской и российской глубинки объяснял поощрением частной инициативы в Америке и ее подавлением в России.

Завершает раздел статья Михаила Максимовича Грузкова «Битва за медные рудники Монтаны: превращение северо-западной окраины в один из индустриальных центров США». В работе проанализирована деятельность «медных королей» в Монтане с целью иллюстрации роли американской глубинки в индустриальном развитии США в конце XIX – начале XX в. Индустриальное развитие региона, отмечает автор, спровоцировало исследование новых месторождений, вследствие чего между ключевыми владельцами компании началось противостояние за доминирование в регионе, приобретшее характер политической борьбы двух ключевых игроков – М. Дейли и У. Кларка – и приведшее в результате к скупке всех акций могущественной системой семейства Рокфеллеров.

Последний, четвертый, раздел содержит две статьи участников круглого стола, посвященного 100-летию юбилею со дня образования студии Дисней. В статье Марии Владимировны Марковой «Волшебная сказка и волшебство мультипликации» рассматривается контекст создания первого полнометражного анимационного фильма киностудии Уолта Диснея «Белоснежка и семь гномов» (1937) и высказывается гипотеза о том, что успех диснеевских экранизаций европейских сказок отчасти связан с типологическим сходством технологии мультипликации и поэтики народной сказки. На примере «Белоснежки» автор убедительно показывает, каким образом анимационный фильм отвечал на запросы эпохи Великой депрессии и стал эталонной экранизацией сказки.

Арина Рафаильевна Шевченко, в свою очередь, в статье «Сказочный сюжет о принцессе и лягушонке сквозь призму столетий: ответ на вызовы нового времени в интерпретации студии Дисней» обратилась к компаративному анализу анимационного фильма компании Дисней «Принцесса и лягушка» (2009) и детской книги американской писательницы Элизабет Доусон Бейкер «Принцесса-лягушка» (2002), интерпретирующей сюжет сказки Братьев Гримм «Король-лягушонок, или Железный Генрих» (1812). В ходе анализа, выстроенного согласно принципам историко-литературного и сопоставительного методов исследования, автор приходит к выводу об эволюции сказочной традиции и архетипов в контексте современной гетерогенной действительности, где обращение к классике выступает в качестве своеобразной платформы для реализации актуальных идей расовой и гендерной идентификации.

Статьи тематического сборника в целом показывают актуальность обращения к проблемам традиционных американских феноменов социальной и культурной жизни, демонстрируют вариативность и продуктивность подходов к изучению как художественного и документального текстов, так и текстов других медиа и одновременно ставят перед исследователями новые задачи, показывают перспективные направления изучения американской литературы, истории и культуры.

И.В. Морозова

Региональное и расовое измерение американской глубинки

УДК 82-992

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-21-35

Северокаролинская глубинка
в «Дневнике благородной дамы» Дженет Шоу

Мария А. Филимонова

*Курский государственный университет, Курск, Россия,
mar-filimonova@yandex.ru*

Аннотация. Травелогографические исследования последних десятилетий позволяют воспроизвести двойственное мироощущение путешественника, оказавшегося погруженным в чужую и чуждую культуру. Травелог может многое сообщить и о той культуре, которая в нем описывается, и о той, которая сформировала его автора. Немалый интерес в этом плане представляют женские травелогии XVIII в., когда британские дамы стали предпринимать далекие путешествия, открывали для себя экзотический Восток, как Мэри Уортли-Монтегю, или не менее экзотическую Россию, как Элизабет Джастис, Элизабет Димсдейл или Джейн Рондо. В русле общей традиции британского женского травелога XVIII в. стоит и «Дневник благородной дамы» шотландки Дженет Шоу. Этот документ, написанный в эпистолярной форме и описывающий путешествие мисс Шоу в Северную Каролину, раскрывает несколько важных аспектов имагологии революционной Америки в британском обществе. Это и восприятие Америки как незападного общества, и интерпретация его предположительно западных черт в контексте географического детерминизма Просвещения. Это и реакция консервативно настроенного автора на общество в состоянии революции. Интересно еще и то, что мисс Шоу ретранслирует расхожие штампы британской пропаганды ее времени, что позволяет судить о механизмах работы и степени эффективности проправительственных СМИ Великобритании. Наконец, «Дневник благородной дамы» проливает свет на проблемы идентичности внутри Британской империи XVIII в.

Ключевые слова: травелогография, Американская революция XVIII в., образ страны, лоялизм в Америке, Дженет Шоу

Для цитирования: Филимонова М.А. Северокаролинская глубинка в «Дневнике благородной дамы» Дженет Шоу // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 21–35. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-21-35

© Филимонова М.А., 2025

The North Carolina hinterland in “The Journal of a Lady of Quality” by Janet Schaw

Maria A. Filimonova

Kursk State University, Kursk, Russia, mar-filimonova@yandex.ru

Abstract. Travelogographic studies of recent decades allow us to reproduce the dual worldview of a traveler who finds himself immersed in a foreign and alien culture. A travelogue can tell us a lot about the culture that it describes, and about the one that shaped its author. Female travelogues of the 18th century are of considerable interest in this regard, as British ladies of the period began to take long trips, discovered the exotic East, like Mary Wortley Montagu, or no less exotic Russia, like Elizabeth Justice, Elizabeth Dimsdale or Jane Rondeau. The Journal of a Lady of Quality by Janet Schaw stands in line with the general tradition of the British female travelogue of the 18th century. This document, written in epistolary form and describing Miss Schaw’s journey to North Carolina, reveals several important aspects about the imagology of revolutionary America in British society. There is both the perception of America as a non-Western society, and the interpretation of its supposedly non-Western features in the context of the Enlightenment geographical determinism. There is also the reaction of a conservative-minded author to a society in a state of revolution. It is also interesting that Ms. Schaw retransmits the common clichés of British propaganda of her time, which allows us to judge the mechanisms and the degree of effectiveness of the pro-government media in the UK. Finally, The Journal of a Lady of Quality sheds light on the problems of identity within the British Empire of the 18th century.

Keywords: travelography, the American Revolution of the 18th century, the image of a country, loyalism in America, Janet Schaw

For citation: Filimonova, M.A. (2025), “The North Carolina hinterland in ‘The Journal of a Lady of Quality’ by Janet Schaw”, *RSUH/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 21–35, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-21-35

«Дневник благородной дамы» – один из интересных образцов британского травелога XVIII столетия, описывающий путешествие по трем разным регионам: Вест-Индии, Северной Каролине и Португалии. Текст рукописи был случайно обнаружен в Британском музее и впервые опубликован в 1921 г. Йельским университетом. После этого вышло несколько переизданий; последнее по времени имело место в 2022 г. Первоначально документ был анонимным (в каталоге Британского музея он был обозначен просто как «Днев-

ник леди»). Но на Антигуа в частном архиве была найдена еще одна копия, содержащая посвящение Александру Шоу, «брату, другу и соратнику автора по путешествиям, от истинно любящей Дженет Шоу»¹. Таким образом, личность неизвестной леди была раскрыта.

О ее биографии, впрочем, известно мало. Она родилась в 1730-х гг., происходила из старинной шотландской семьи – лоулендского клана Шоу. Исследовательница Линда ван Неттен-Блимке относит ее к верхушке среднего класса [Van Netten Blimke 2022], и это представляется оправданным. Отец Дженет, Гидеон Шоу, был регистратором табака и владел скромным поместьем в 14 акров близ Эдинбурга. Старший брат Дженет, Роберт, еще в юности перебрался в Новый Свет и там преуспел. Его плантация находилась в нескольких милях от Уилмингтона (Северная Каролина). После смерти Гидеона Шоу дела шотландской ветви семьи расстроились. Поместье близ Эдинбурга пришлось продать. Младший брат Дженет, Александр Шоу, тот самый, кому посвящен «Дневник», задумал обосноваться в Америке. В 1774 г. Александр и Дженет Шоу в сопровождении своих трех племянников взошли на борт пакетбота «Ямайка», направлявшегося в Вест-Индию и Северную Каролину. В день отплытия мисс Шоу начала свой дневник.

Первоначально все шло удачно. Брат и сестра остановились на островах Сент-Кристофер и Антигуа, где были приняты в семьях местной элиты. Александр получил назначение в таможенное управление Сент-Кристофера, но не приступил сразу к своим обязанностям. Вместо этого Александр и Дженет Шоу отплыли в Северную Каролину, где надеялись обзавестись плантацией.

Политическая обстановка не благоприятствовала их планам. Брат и сестра Шоу прибыли в Северную Каролину в феврале 1775 г., буквально накануне Войны за независимость. Военные действия с апреля того же года происходили главным образом на территории Новой Англии. Новости из Массачусетса приходили на Юг нерегулярно и не отличались точностью². Но антианглийское движение развивалось и в Северной Каролине, и мисс Шоу, равно как и тем лоялистским семьям, с которыми она общалась, становилось психологически некомфортно. Существовала также

¹ *Schaw J.* Journal of a lady of quality being the narrative of a journey from Scotland to the West Indies, North Carolina and Portugal in the years 1774–1776. New Haven: Yale University Press, 1921. P. 1–3. Далее отсылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.

² В «Дневнике» есть описание сражения при Банкер-хилл, но лишнее каких-либо деталей. Мисс Шоу даже не знает исхода сражения (p. 210).

опасность репрессий со стороны американских патриотов. Осенью 1775 г. Дженет Шоу покинула Америку и через Португалию вернулась в Эдинбург. О ее дальнейшей жизни нет почти никакой информации.

Она путешествовала по району реки Кейп-Фир. Еще в 1526 г. испанские конкистадоры назвали ее Иорданом за ее природные богатства³. Джованни да Верраццано описал этот регион как «открытый край, поднимающийся над песчаным берегом, со многими прекрасными полями и равнинами, полный могучими лесами, некоторые из них очень густы, а некоторые редки. Он изобилует разными сортами деревьев, столь приятен и сладостен для глаз, как только можно вообразить» [Hanbury-Tenison 2005, p. 226]. В XVIII в. это была удобная транспортная артерия, связывавшая побережье Северной Каролины с ее фронтиром.

На реке Кейп-Фир располагался один из крупнейших городов Северной Каролины, Уилмингтон, который был также центром антианглийских протестов в этой колонии. Его экономика была основана на поставках корабельного леса и древесины в Великобританию. Отсюда же в метрополию шли деготь, терпентин и другие необходимые в кораблестроении товары. В то же время район Кейп-Фир представлял собой глубинку, далекую от Ньюберна, центра политической власти колонии, где всего за несколько лет до Войны за независимость губернатор Трайон выстроил великолепную резиденцию. Да и сама Северная Каролина была провинциальной в сравнении с более космополитичными Массачусетсом, Виргинией, Пенсильванией или Южной Каролиной.

Дневник Дженет Шоу почти не изучался, хотя он не только представляет собой интересный источник по фактологии Американской революции в Северной Каролине, но и позволяет изучить некоторые другие темы, такие как история повседневности, механизмы британской пропаганды, проблемы идентичности внутри Британской империи и др. Внимание исследователей он привлекал в основном в общем контексте изучения шотландской дневниковой прозы или творчества шотландских писательниц [Edwards 2004; McMillan 2020; Van Netten Blimke 2022]. Кроме того, предметом исследования был колониальный дискурс в описаниях Вест-Индии, вышедших из-под пера Дженет Шоу; ее отношение к расовой проблеме в Вест-Индии и Северной Америке; ее наблюдения над трансатлантическими миграционными процессами [Bohls 1994; Bohls 1995; Bannet 2006].

³ *Mazzocchi J.* Cape Fear River. URL: <https://www.ncpedia.org/rivers/cape-fear> (дата обращения 04.03.2024).

«Дневник благородной дамы» представляет моментальный срез американского общества на стадии трансформации и с этой точки зрения также заслуживает анализа. Предметом исследования в данной статье будет имагология северокаролинской глубинки в травелоге Дженет Шоу.

Прежде всего следует сказать, что изучаемый текст полностью вписывается в британскую литературную традицию XVIII в., что естественно. Дженет Шоу жила в Эдинбурге во времена шотландского Просвещения и была отлично знакома с работами его представителей. В одном из эпизодов дневника, содержащем описание опасной бури, помещена ремарка автора: «Нынче мы обнаружили, что встречаем смерть подобно философам, а не христианам: с лордом Кеймсом в руках вместо Библии» (р. 45).

Весьма вероятно также, что на прозу Дженет Шоу повлияло знаменитое «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна и в целом сентименталистская литература. Недаром Линда ван Неттен-Блимке определяет Дженет Шоу как «сентиментальную империалистку» [Van Netten Blimke 2022, ch. 2]. Да и в целом исследователи женских травелогов делают вывод, что их авторы вообще склонны скорее к позиции «сентиментального», нежели «авторитетного» рассказчика [Пургина 2017, с. 86].

Литературоведы подчеркивают: Стерн ставит на первый план не описание нравов, обычаев, природы и т. п., но отношение путешественника к увиденному [Набилкина, Кубанев 2013, с. 125]. Дженет Шоу следует той же модели. Подробные описания в ее дневнике неизменно сопровождаются внутренней позицией путешественницы, снабжены эмоциональной окраской. В одном из своих программных заявлений она раскрывает свой намеренный субъективизм: «Мои мнения и описания будут зависеть от моего здоровья и настроения в момент, когда я стану писать. По этой причине мои мнения по тому же предмету могут показаться различными» (р. 20). Столь же характерно для нее введение в текст стернианских олицетворений.

Как многие путешественницы, Дженет Шоу выбрала для своего повествования эпистолярную форму. В самом начале она представляет свои путевые заметки как серию писем неизвестному адресату: «Я собираюсь писать вам каждый день, но вы не должны ожидать регулярного дневника» (р. 20). В целом заявленную форму мисс Шоу не выдерживает. Заявка на использование эпистолярного стиля здесь – просто удобная литературная маска, позволяющая путешественнице вписаться в существующую традицию. XVIII век отмечен расцветом «романа в письмах». Частные письма охотно публиковались и в газетах того времени.

Для XVIII в. типично и то промежуточное положение между дневником, созданным для себя, и общедоступной публикацией, которое занимал «Дневник благородной дамы» при жизни его автора. Дневник мисс Шоу не был опубликован при ее жизни⁴, но он также не был адресован одному читателю или читательнице. Исследователи обращают внимание на наличие нескольких копий рукописи: очевидно, что она была предназначена, как минимум, для циркуляции в кругу родных и друзей автора [McMillan 2020, pp. 119–120].

Анализ текста травелога следует начать с проблемы идентичности, поскольку эта тема возникает на самых ранних этапах путешествия Дженет Шоу. Внутри Британской империи существовали сложные соотношения цивилизации и дикости, которые отразились и на собственной идентичности мисс Шоу, и на ее восприятии чужих идентичностей. Ее собственное положение относительно британской имперской идентичности двойственно. Она шотландка. Между тем на протяжении XVIII в. происходила как политическая, так и культурная колонизация Шотландии [Малкин 2016; Апрыщенко 2016]. Историк В.Ю. Апрыщенко приходит к выводу, что благодаря Просвещению шотландское чувство национальной идентичности в XVIII в. хотя и было достаточно сильным, однако по большей части не являлось антианглийским. Это была концентрическая лояльность, не противостоящая британской идентичности, а пытающаяся найти в ней свое место. Исследователь приводит слова Дэвида Юма, который писал своему другу: «Можно ли серьезно говорить, что я стану англичанином?» Но в то же время Юм называл Лондон столицей своей страны и иронизировал по поводу своего провинциального происхождения [Апрыщенко 2016, с. 425, 428].

Дженет Шоу гордилась своим происхождением и полемически заявляла: «Напрасно будут мне говорить о более прекрасных климатах, о более богатых почвах, ничто никогда не сравнится с Шотландией» (р. 42). В то же время, что вполне ожидаемо, оказавшись в Новом Свете, она ощущала себя в большей степени британкой, нежели шотландкой. Имперская идентичность возобладала над региональной. Кроме того, как это вообще характерно для ментальности Американской революции, проблема идентичности осложнялась политическим аспектом. Дженет Шоу противопоставляет себя американцам, как Британию противопоставляет Америке, но не с географической точки зрения. Амери-

⁴ Это характерно для женских травелогов XVIII в. Большинство их не было опубликовано при жизни авторов [Новикова 2023, с. 180].

канцы для Дженет Шоу – это прежде всего те, кто восстал против метрополии, американские патриоты.

Не менее важна идентичность социальная. В своем травелоге мисс Шоу позиционировала себя как *lady of quality* – калька с французского *femme de qualité*. Это не то же самое, что аристократка – да мисс Шоу и не была аристократкой. Это понятие из XVII в. подразумевало даму, которая наделена благородной внешностью, манерами, утонченной культурой⁵. Словом, оно эквивалентно чуть более позднему понятию *comme il faut*. Такая авторепрезентация противопоставляла путешественницу окружающему ее варварству Америки.

Она постоянно использует противопоставление цивилизации и дикости – одну из излюбленных градаций в универсалистской культуре Просвещения. Центром, откуда исходит цивилизация, воображается Лондон. Прочие регионы империи заведомо ближе к дикости. Даже на пространстве Британских островов нет культурной однородности. Лоуленд Шотландии – место вполне «цивилизованное», что, в сущности, означает: англизированное. Но, попав на Оркнейские острова⁶, Дженет Шоу впервые столкнулась с «дикостью». «Дикость» в ее травелоге передается прежде всего через пейзаж. Вот как мисс Шоу воспринимала Оркнейские острова: «Мне причинял страдание вид вересковых пустошей, замерзших гор и диких устрашающих скал. Я с отвращением отвернулась от столь безрадостной сцены» (р. 33).

Иной вариант «дикости» в ее дискурсе представляет Вест-Индия. Это также «дикость», но эстетизированная до степени идеала. Путешественница восхищалась непривычной щедростью тропической природы и резюмировала: «Это кажется восхитительным зрелищем, эльфийской сценой или возможностью заглянуть в Элизиум» (р. 91). Историк Элизабет Болс приходит к выводу, что Дженет Шоу эстетизирует вест-индские сахарные плантации, тем самым оправдывая присутствие Британии в данном регионе и создавая воображаемую гармонию плантационного общества [Bohls 1994, p. 365]⁷.

⁵ *La dame de qualité*. URL: <https://www.lamesure.org/article-la-dame-de-qualite-52328462.html> (дата обращения 04.03.2024).

⁶ В «Дневнике благородной дамы» они ошибочно названы Шетландскими.

⁷ Ева Тейлор Баннет в своем анализе «Дневника благородной дамы» отмечает, что общество Вест-Индии не было таким образцом патриархальной гармонии, каким оно казалось мисс Шоу. В 1770 г. произошел бунт рабов на Сент-Китсе, в 1773 г. восстали свободные темнокожие на Сент-Винсенте [Bannet 2006, p. 146].

С этой точки зрения интересно отметить, что американский ландшафт в описании Дженет Шоу не эстетизируется – в нем для путешествующей шотландки нет ничего «эльфийского». И одновременно целесообразность британского присутствия в этом регионе ставится под сомнение. Это четко прослеживается в описании прибытия в устье реки Кейп-Фир: «Наконец передо мной Америка – унылая пустошь, бесплодные белые пески и печальные, клонящиеся сосны. На протяжении многих миль ни одного приветливого коттеджа, чтобы усладить взор. Все кажется мрачным, диким и пустынным. И ради этого было истрачено столько денег, пролиты потоки британской крови? О милая страна, как дорого ты купила это обиталище медведей и волков!» (р. 141). Бросается в глаза довольно отчетливое совпадение первого впечатления мисс Шоу от Северной Каролины и от Оркнейских островов.

Природа Америки скорее пугающая. Оказавшись ночью в лесу, Дженет Шоу вспоминает «все, что когда-либо слышала о львах, медведях, тиграх и волках» и боится стать добычей «лесных чудовищ» (р. 147).

Первым американским городом на ее пути оказался Брансуик-таун в устье реки Кейп-Фир. Поскольку губернатор Трайон незадолго до этого перенес колониальную столицу в Ньюберн, Брансуик оказался в упадке. Дженет Шоу дает характерное описание: «Хотя это лучший морской порт провинции, он весьма жалок: несколько редких домов на опушке леса, ни улиц, ни планировки» (р. 145). Словом, довольно характерный образ «варварского» поселения, лишённого признаков цивилизации. Свое восприятие автор распространяет на Америку в целом, хотя, конечно, на деле перед ней приметы американской «глубинки».

С самого начала намечаются несколько тем, которые и в дальнейшем будут развиваться в «Дневнике» при описании Америки: пустынность, неосвоенность, дикость. Америка предстает как населенная не людьми, а хищными животными. В дальнейшем этот мотив будет подхвачен при описании северокаролинцев. Их дегуманизация, бестиализация весьма характерны для Дженет Шоу.

Исследовательница Элизабет Болс отмечает, что мисс Шоу при описании сахарных плантаций Вест-Индии избегает темы труда [Bohls 1994, p. 375]. Действительно, в «Дневнике» богатства плантаторов подаются как дар щедрой Природы (р. 95). При описании Каролины, напротив, тема труда и лени присутствует постоянно.

Даже когда северокаролинский пейзаж кажется ей прекрасным, а не устрашающим, она неизменно подчеркивает утилитарный аспект. Постоянный мотив: то, что могло бы приносить пользу, находится в небрежении. Дженет Шоу обнаруживает, что в Северной Каролине

великолепный дикий виноград; прекрасная почва, подходящая для выращивания корнеплодов (р. 174–175). Она отмечает: «Я видела очень мало овощей, и те очень плохи. Это тоже собственная вина <американцев>» (р. 175). Сочетание эстетизма и утилитаризма прослеживается в описании реки Кейп-Фир в «Дневнике»: «Ничто не может быть прекраснее берегов этой реки; тысячи красот как цветочного, так и лесного племени нависают над ней и отражаются в ней с новым блеском. Но они расточают свою красоту на пустынный воздух, и сосны, которые с торжественной серьезностью колышутся за берегом, кажется, сетуют на то, что они тоже существуют без цели, хотя и могут быть полезны и приятны. Ибо те благородные деревья, которые могли бы украсить дворцы королей, брошены на произвол грозы или губительной длани времени» (р. 158–159).

То, что в других случаях могло восприниматься европейскими наблюдателями как естественное состояние или как пасторальный идеал, здесь представляется скорее как свидетельство «неполноценности» местных жителей. Дженет Шоу саркастически описывала образ жизни северокаролинских фермеров: «Если они могут вырастить столько кукурузы и свинины, чтобы прокормиться самым жалким образом, они больше ничего не просят; и поскольку очень малая часть их времени тратится для этой цели, остальное время они проводят, прогуливаясь по лесу с ружьем, или сидят в тени деревьев, попивая новоанглийский ром, превращенный в грог, самый отвратительный напиток, какой вы можете себе представить» (р. 153).

Будучи лоялисткой, Дженет Шоу не приемлет эгалитаризм. В Америке, по ее мнению, господствует «самое отвратительное равенство», и она сомневается в том, что американский джентльмен чем-то отличается от «американского хама» (American clown) (р. 153).

При этом мисс Шоу свойственна этнизация и расиализация классовых и политических различий. Это касается не только американцев. Например, группа законтрактанных слуг, которых везли в Америку на том же пакетботе, на котором плыла мисс Шоу, уроженцы Оркнейских островов, напоминают ей «только что пойманных йеху декана Свифта» (р. 28). Северокаролинцам она также приписывает физическую неполноценность: «Их внешний вид во всех отношениях противоположен силе и энергичности, которой так примечательны британские крестьяне. Они высокие и худощавые, с короткой талией и длинными конечностями, желтоватым цветом лица и томными глазами, когда не возбуждены алкоголем. Их ступни плоские, суставы ослаблены, а походка неровная» (р. 153). В духе популярных в эпоху Просвещения физиологических и медицинских теорий Дженет Шоу искала причины такой

неполноценности в «расслабленном» образе жизни северокаролинских фермеров, разжижении крови из-за неправильного питания и «постоянных медленных лихорадок, которые истощают их тело, расслабляют нервы и ослабляют весь организм» (р. 153).

К темнокожим каролинцам она относится еще более высокомерно, чем к белым. По замечанию Линды ван Неттен-Блимке, ее расизм контрастирует с основным трендом сентименталистской литературы (включая самого Стерна), которая склонялась к аболиционизму [Van Netten Blimke 2022, ch. 2].

Следует учитывать также, что восприятие Дженет Шоу в высшей степени политизировано. Она не могла смотреть на северокаролинских патриотов, «не думая о смоле и перьях» (р. 154). Показателен в этом смысле забавный эпизод, связанный в «Дневнике» с неким молодым человеком, которого шотландка поначалу приняла за «американца» (т. е. за революционера). Она создавала выразительный негативный образ: «Его бледный, жалкий вид вызывал у меня отвращение, его белые руки сильно оскорбляли меня, так как я не могла отделаться от мысли, что он намеренно выставляет их напоказ. Его серьезность, поскольку он был чрезвычайно серьезен, напугала меня, но в конце концов это создание было достаточно робким и жантильным, оно поклонилось, как будто когда-то знало, что значит входить в приличное жилище, говорило голосом, который казался очеловеченным, и вступило в разговор очень похоже на разумное существо» (р. 181). Затем она узнала, что встретила вовсе не патриота, а королевского чиновника. С этого момента ее отношение к нему радикальным образом изменилось, она находила его «ни дикарем, ни фатом», но «по-настоящему приятным молодым человеком» (р. 182).

При описании американских патриотов Дженет Шоу постоянно прибегала к приему бестиализации. В описании, приведенном выше, очень показательны эпитеты типа «голос, который казался очеловеченным». «Сынов Свободы» она сравнивала с хищными животными. Постоянно упоминалось об их «свирепости и бесстыдстве» (р. 180), «невежественном рвении» (р. 154). Характеристику жены Корнелиуса Харнетта, активного «Сына Свободы» и в будущем делегата Континентального конгресса, Дженет Шоу снабдила следующим комментарием: «Уверена, я была бы счастлива с ней познакомиться. Но это невозможно: ее муж – *животное во всех отношениях*, и потом он президент комитета и великий подстрекатель того жестокого и несправедливого обращения, которому сейчас подвергаются друзья правительства» (р. 179)⁸.

⁸ Курсив мой. – М. Ф.

Описывая сцену несостоявшегося наказания лоялиста, мисс Шоу создает яркий контраст между безжалостностью патриотов и собственной обостренной чувствительностью, подобающей жантовой даме: «Я услышала, как кричат о дегте и перьях. Я была готова лишиться чувств при мысли об этом ужасном действе. Я бы с радостью ушла с балкона, но я так боялась, что жертвой станет кто-то из моих друзей, что не могла двигаться... Это был несчастный английский грум мистера Нейлсона. Вы вряд ли можете понять, что я перечувствовала, глядя, как его, бедолагу, тащат вперед, напуганного до беспамьятства». Вина грума, по крайней мере, в интерпретации Дженет Шоу, состояла в том, что он улыбнулся при виде патриотического ополчения. Наказание, впрочем, было заменено изгнанием из города (р. 190–191).

Наконец, мисс Шоу воспроизводит некоторые характерные темы британской имперской пропаганды. Одна из них, например, представляла собой зеркальное отражение пропаганды американской. Обе стороны играли на противопоставлении свободы и тирании, но для американских патриотов источником тирании были власти метрополии, а для британских пропагандистов – Конгресс. Дженет Шоу, со своей стороны, часто упоминала о попытках Континентального конгресса регулировать питание американцев, их рекреационные практики. Она сетовала: «Конгресс запретил все виды развлечений, даже игру в карты» (р. 149). Говоря о королевском губернаторе Северной Каролины, путешественница подчеркивала его «мягкость», «гуманность», в противовес «свирепости» «Сынов Свободы». Сама она, впрочем, была сторонницей более жесткого курса на подавление революции и заявляла: «Он (губернатор Мартин. – *М. Ф.*) достойный человек по всем отзывам, но мягкие методы не годятся с этими мужланами» (р. 156–157).

Трудно сказать, угрожали ли патриоты самой Дженет Шоу. Вероятно, нет. Однако она все же была изрядно напугана происходящим в Америке. Оказавшись наконец на борту британского фрегата, она делилась своими чувствами: «Порадуйтесь со мною, друзья мои, я наконец в безопасности. Вы предположите, что я спаслась от горшочка с дегтем. В самом деле, я не знаю, что могло случиться, если бы я осталась дольше» (р. 210–211). Наконец, она не могла отказать себе в прощальном высказывании, соединяющем в себе сентиментализм и пессимизм относительно перспектив революционной Америки: «Прощай, несчастная земля, мое сердце обливается кровью от жалости к тебе. Немного значит для тебя, кто станет побежденным, кто триумфатором. Ты обречена гибели, кто бы ни победил» (р. 211).

В целом травелог Дженет Шоу вписывается в традицию британского колониального дискурса. Исследовательница западных травелогов Е.С. Пургина отмечает следующие общие характеристики британского колониального травелога: этноцентричность и дихотомия «свой–чужие»; эстетизация ландшафта как способ его символического «освоения»; вневременность повествования; особый акцент на опасности и приключениях [Пургина 2017, с. 84]. Не все эти особенности свойственны Дженет Шоу. Американская революция, драматизм переживаемых Америкой событий исключают модус вневременности. Опасности, с которыми сталкивается путешественница, связаны не столько с силами неукротенной природы, сколько с силами политическими. Самый страшный образ, связанный у Дженет Шоу с Америкой, – даже не медведи и аллигаторы, а пресловутый «горшочек с дегтем», которого она счастливо избежала. Зато этноцентричность, концентрация на экзотичности, чуждости природы и нравов, жесткая дихотомия «свой–чужие» – сквозные темы ее «Дневника».

Для Дженет Шоу Британия – идеал цивилизации, стабильности, безопасности, социальной гармонии. Если в ней есть представители социальных низов, то они воспринимаются путешественницей как нечто чужеродное для британской повседневности («йеху»). Америка представляет противоположный полюс. Это страна в состоянии революции, где господствуют хаос, жестокость, опасность. Не случайно в отношении американцев неоднократно употребляется слово *ferocity* (свирепость, дикость), уподобляющее их диким животным.

Интересно при этом, что Северная Каролина в травелогe репрезентируется как незападное общество. Например, лень – один из характерных стереотипов при описании неевропейских обществ [Саид 2006, с. 279, 390]. К этому в «Дневнике благородной дамы» добавляются другие элементы стандартного описания восточной деспотии, такие как экономический упадок⁹, немотивированная агрессивность, тираническое правление. Источником жестокости в ее восприятии выступают американские революционеры, источником тирании – Континентальный конгресс. Интересно и то, что особенности Северной Каролины как одной из относительно неразвитых колоний, более того, особенности северокаролинской «глубинки» в представлении мисс Шоу переносятся на Америку вообще.

⁹ Ср. ее описание сельского хозяйства Шотландии и Северной Каролины (р. 163).

Как это свойственно многим евроцентричным дискурсам Просвещения, общество, описанное как незападное, тем самым характеризуется как неполноценное. При этом для Дженет Шоу не характерен распространённый в ее эпоху исторический оптимизм. По крайней мере, в отношении Америки она не верит в прогресс. Даже возможный триумф британского оружия и подавление революции, по ее убеждению, не приведут ни к каким благоприятным последствиям.

Литература

- Апрыщенко 2016 – *Апрыщенко В.Ю.* Шотландия в Новое время: В поисках идентичностей. СПб.: Алетейя, 2016. 715 с.
- Малкин 2016 – *Малкин С.Г.* Лаборатория империи: мятеж и колониальное знание в Великобритании в век Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 657 с.
- Набилкина, Кубанев 2013 – *Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А.* Травелог – лингвокультурологическая основа образа города и государства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8–2 (24). С. 124–129.
- Новикова 2023 – *Новикова А.Д.* Женское путешествие по Европе эпохи Просвещения: влияние дорожно-транспортной системы на практики мобильности и представления о пространстве // Диалог со временем. 2023. Вып. 82. С. 179–194.
- Пургина 2017 – *Пургина Е.С.* Колониальный дискурс в женском травелоге: «Письма из Индии» Элизы Фей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 84–98.
- Саид 2006 – *Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. 640 с.
- Bannet 2006 – *Bannet E.T.* Trading roots and 18th-century migrations. Reframing Janet Schaw // Recording and reordering. Essays on the 17th – and 18th-century diary and journal / ed. by D. Doll, J. Munns. Lewisburgh: Bucknell University Press, 2006. P. 137–157.
- Bohls 1994 – *Bohls E.A.* The aesthetics of colonialism. Janet Schaw in the West Indies, 1774–1775 // Eighteenth-Century Studies. 1994. Vol. 27. No. 3. P. 363–390.
- Bohls 1995 – *Bohls E.A.* Women travel writers and the language of aesthetics, 1716–1818. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 309 p.
- Edwards 2004 – *Edwards Ph.* The story of the voyage. Sea-narratives in 18th century England. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 244 p.
- Hanbury-Tenison 2005 – *Hanbury-Tenison R.* The Oxford book of exploration. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2005. 576 p.
- McMillan 2020 – *McMillan D.* Some early travellers // History of Scottish women's writing / ed. by D. Gifford. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2020. P. 119–124.

Van Netten Blimke 2022 – *Van Netten Blimke L. Political affairs of the heart. Female travel writers, the sentimental travelogue, and revolution, 1775–1800*. Lewisburgh: Bucknell University Press, 2022. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2v55brx> [доступ для зарегистрированных пользователей] (дата обращения 20.06.2023).

References

- Apryshchenko, V.Yu. (2016), *Shotlandiya v Novoe vremya. V poiskakh identichnosti* [Scotland in Modern times. In search of identities], Aleiteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Bannet, E.T. (2006), “Trading roots and 18th-century migrations. Reframing Janet Schaw”, in Doll, D. and Munns, J., eds., *Recording and reordering. Essays on the 17th- and 18th-century diary and journal*, Bucknell University Press, Lewisburgh, PA, USA, pp. 137–157.
- Bohls, E.A. (1994), “The aesthetics of colonialism. Janet Schaw in the West Indies, 1774–1775”, *Eighteenth-Century Studies*, vol. 27, no. 3, pp. 363–390.
- Bohls, E.A. (1995), *Women travel writers and the language of aesthetics, 1716–1818*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Edwards, Ph. (2004), *The story of the voyage. Sea-narratives in 18th-century England*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hanbury-Tenison, R. (2005), *The Oxford book of exploration*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, USA.
- Malkin, S.G. (2016), *Laboratoriya imperii: myatezh i kolonial'noe znanie v Velikobritanii v vek Prosveshcheniya* [The laboratory of Empire. Rebellion and colonial knowledge in Britain in the Age of Enlightenment], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- McMillan, D. (2020), “Some early travellers”, in Gifford, D., ed., *History of Scottish women's writing*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK, pp. 119–124.
- Nabilkina, L.N. and Kubanev, N.A. (2013), “Travelogue – linguistic and cultural basis of the image of the city and the state”, *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, vol. 24, no. 8–2, pp. 124–129.
- Novikova, A.D. (2023), “Women’s journey through Europe of the Enlightenment. The influence of the road system on mobility practices and ideas about space”, *Dialogue with time*, iss. 82, pp. 179–194.
- Purgina, E.S. (2017), “Colonial discourse in women’s travelogue. Letters from India by Eliza Fey”, *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, seria 2. Gumanitarnye nauki*, vol. 19, no. 4 (169), pp. 84–98.
- Said, E. (2006), *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], Russkii mir, Moscow, Russia.
- Van Netten Blimke, L. (2022), *Political affairs of the heart. Female travel writers, the sentimental travelogue, and revolution, 1775–1800*, Bucknell University Press, Lewisburgh, PA, USA, available at: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2v55brx> [access for registered users] (Accessed 20 June 2023).

Информация об авторе

Мария А. Филимонова, доктор исторических наук, Курский государственный университет, Курск, Россия; 305000, Россия, Курск, ул. Радищева, д. 33; mar-filimonova@yandex.ru

Information about the author

Maria A. Filimonova, Dr. of Sci. (History), Kursk State University, Kursk, Russia; 33, Radishchev St., Kursk, Russia, 305000; mar-filimonova@yandex.ru

УДК 2-545(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-36-51

The Devil was her Deity:
Народное колдовство в графстве Йорк,
Южная Каролина, в XVIII–XIX вв.

Глеб В. Александров

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Москва, Россия, glaleksandrov@gmail.com

Аннотация. Представления о колдовстве в той или иной форме характерны практически для всех человеческих обществ и зачастую неотделимы от представлений религиозных, по крайней мере от того комплекса идей, представлений и практик, который обычно обозначают как народную религию, folk religion. Специфика народной религиозности на территории нынешних Южных штатов США в колониальный период остается относительно малоизученной, в первую очередь вследствие недостатка источников. Тем не менее до определенной степени она может быть реконструирована благодаря доступным сегодня материалам, собранным и обработанным интересующимися локальной историей представителями местных элит. Настоящая статья посвящена народному колдовству и «низовой» религиозности в графстве Йорк, Южная Каролина, в XVIII–XIX вв. В статье рассматриваются локальные особенности, отличающие народную культуру Южных колоний, в частности Каролины, и от Европы, и от других английских колоний, эволюция народной религиозности в колониальный период и в первые десятилетия после обретения США независимости, а также ее влияние на формирование специфической южной религиозности.

Ключевые слова: колдовство, народная религия, Южная Каролина, колониальная Северная Америка, XVIII–XIX вв.

Для цитирования: Александров Г.В. *The Devil was her Deity*. Народное колдовство в графстве Йорк, Южная Каролина, в XVIII–XIX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 36–51. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-36-51

© Александров Г.В., 2025

The Devil was her Deity:
Witchcraft and folk religion in York County,
South Carolina, in the 18th – 19th centuries

Gleb V. Aleksandrov

HSE University, Moscow, Russia, glaleksandrov@gmail.com

Abstract. The notions of sorcery and witchcraft exist, in some way, in most human societies, and are often intrinsically connected with religion, or at least with the complex of ideas, concepts and practices usually referred to as folk religion. The specifics of folk religiosity in Southern colonies and later Southern states of the US, are under-researched in some aspects – while contemporary syncretic religions are explored in great detail, folk religion of the colonial period remains somewhat underexplored, mostly due to insufficient sources. However, it can be reconstructed, at least to some degree, using materials collected by members of local elites interested in local history and ethnography. This article examines the ideas of witchcraft in York County, South Carolina, in the 18th – 19th centuries. The key questions touch upon are the local specifics in comparison to wider colonial culture, the evolution of the ideas of witchcraft in the late colonial and early independence period, and the influence of folk religion on the emergence of specific southern religiosity.

Keywords: folk magic, folk religion, South Carolina, colonial North America, XVIII–XIX century

For citation: Aleksandrov, G.V. (2025), “*The Devil was her Deity: Witchcraft and folk religion in York County, South Carolina, in the 18th – 19th centuries*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 36–51, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-36-51

Представления о колдовстве в той или иной форме характерны практически для всех человеческих обществ и зачастую неотделимы от представлений религиозных, по крайней мере от того комплекса идей, представлений и практик, который обычно обозначают как народную религию, folk religion. Термин «народная религия» достаточно многозначен, но, на наш взгляд, вполне подходит для описания того комплекса идей, верований и представлений, который и составлял значительную часть внутреннего мира колонистов. Из всех существующих определений народной религии наиболее продуктивным нам представляется определение, предложенное Доном Йодером – не самое новое, но не потерявшее актуальности. Йодер предложил сложное компаундное определение, включающее целый ряд аспектов феномена народной религии: эволюционный

(народная религия как совокупность сохраняющихся элементов существовавших ранее форм религии – пережитки дохристианских верований в католической Европе или элементы католицизма в протестантских колониях); народная религия как сочетание элементов доминирующей и субалтерной религиозных традиций (например, в случае синкретических религий, соединяющих христианство с религиозными традициями коренных американцев или рабов африканского происхождения); фольклорный, взаимодействие веры, ритуала, обычая и мифологии в традиционных обществах; «народная» интерпретация и выражение религии». Последним и, на наш взгляд, наиболее полезным стало комплексное определение, объединившее вышеуказанные аспекты – народная религия как «совокупность всех религиозных взглядов и практик, существующих вне и параллельно с строго определенными теологическими и литургическими формами официальной религии» [Yoder 1974]. Ту же идею можно выразить несколько короче, определив народную религию как «относительно неотрефлексированные аспекты повседневных практик и верований, ориентированные на взаимодействие с или воздействие на нечто за пределами повседневного здесь-и-сейчас; повседневная трансцендентность» [Varul 2015]. Народная религия в таком понимании, безусловно, включает в себя широкий спектр практик и представлений, в том числе и те, которые можно назвать «народным колдовством», «целительством» и так далее. Во многих исторических работах можно столкнуться с представлением о том, что вера в колдовство и другие формы народной религиозности, безусловно, актуальные для Средневековья, в Новое время начинают постепенно отмирать и наконец полностью или почти полностью исчезают благодаря распространению идей Просвещения и к XIX в. перестают играть какую-либо значимую роль в жизни общества на Западе [Thomas 1971; Demos 2004]. Но многочисленные антропологические работы показывают, что на самом деле эти представления вполне переживают влияние Просвещения и сохраняют актуальность по сей день, продолжая влиять на мировоззрение носителей современных культур и, соответственно, на общество в целом (пожалуй, лучшей обобщающей работой по этой тематике на сегодняшний день остается [Ankarloo, Clark 2002]). Настоящая статья посвящена народному колдовству и «низовой» религиозности в Йорк Каунти, Южная Каролина. Наше исследование будет ограничено географически одним небольшим графством в Южной Каролине, а хронологически – периодом с середины XVIII по середину XIX в. Нас будут интересовать в первую очередь локальные особенности, отличающие народную культуру Южных колоний, в частности Каролины, и от Европы, и от других

английских колоний. Ключевой вопрос, на который кажется необходимым обратить внимание, – как менялась народная религиозность по мере развития колоний и оказала ли какое-то влияние на формирование специфической южной религиозности?

Религия оказала колоссальное влияние на развитие культуры и общества США, служа, помимо прочего, одним из важных маркеров американской идентичности даже сегодня [Straughn, Feld 2010]. Но американская религиозность неоднородна, и специфические ее формы определили, среди прочих факторов, формирование Юга США как самостоятельного культурного региона. Современная южная идентичность во многом строится вокруг религиозности южан, значимости церкви и церковной общины для в том числе повседневного быта южан, особенно в сельских районах Глубокого Юга, в глубинке. Наиболее распространены в этом регионе различные протестантские деноминации, в первую очередь баптисты и методисты. Но современная религиозная культура Юга сформировалась относительно поздно, на волне второго Великого Пробуждения¹. Если сегодня Юг считается, возможно, наиболее религиозным регионом США, то в колониальный период и после Войны за независимость ситуация была обратной, Библейским Поясом колониальной Америки был Север, в первую очередь Новая Англия. На Юге же церковь была значительно менее важна, оставаясь в первую очередь уделом местной элиты, простые же люди, plain folk, хотя, безусловно, ходили в церковь, мало участвовали в жизни церковной общины – настолько, что ряд исследователей склонны считать, что южане того периода были нерелигиозны². Такой подход подразумевает, что религиозность связана исключительно с организованной церковью. Однако народная религиозность, не связанная обычно с организованной религией, не подразумевающая институционализации, оказывается зачастую не менее важна и оказывает значимое влияние на развитие культуры и общества. Народная же религиозность на Юге изучена очень неравномерно. Если современные ее формы, в частности различные синкретические традиции, изучены весьма детально, то народная религия ко-

¹ Второе Великое Пробуждение – период религиозного оживления (ревайвализма), широкого распространения новых деноминаций и резкого роста общего уровня религиозности в США с конца XVIII по середину XIX в.

² *Harvey P. Race, culture, and religion in the American South* // Oxford Research Encyclopedia of Religion. URL: <https://oxfordre.com/religion/view/10.1093/acrefore/9780199340378.001.0001/acrefore-9780199340378-e-7> (дата обращения 11.03.2024).

лониального периода гораздо менее известна. Отчасти это связано с недостаточностью доступных источников. Тем не менее, на наш взгляд, специфика народной религиозности и ее эволюции может быть изучена хотя бы в каких-то аспектах и на основе доступных сегодня материалов.

Нужно сразу отметить, организованная религия сыграла свою роль в развитии Юга, пусть и не столь значимую, как в Новой Англии – так, вопросы веротерпимости точно так же становились камнем преткновения в политике колоний, религиозные соображения, как и на Севере, влияли на разработку местного законодательства (пусть опять-таки и не в такой степени) [Bruce 1974; Dreisbach 2019]. Но и богословские вопросы, и проблемы церковной организации занимали преимущественно представителей колониальной элиты, Большинству же населения колоний, что Северных, что Южных, не только богословие, но и даже основы христианской догматики были знакомы не слишком хорошо. Как отмечал Джон Батлер в классической статье 1979 г. на новоанглийском материале, вопреки представлениям о религиозности колонистов большинство из них не читали Библию, слабо представляли себе, в чем отличия католицизма от протестантизма и тем более между разными протестантскими деноминациями, и вполне спокойно обходились без доступа к церкви на протяжении многих лет. При этом всевозможные формы народной религиозности, в том числе веры в колдовство, были распространены весьма широко [Butler 1979].

Разнообразие народных верований на территории США чрезвычайно велико. При этом одна из особенностей Америки – активная синкретизация различных фольклорных, мифологических и религиозных традиций. Классическими примерами такого рода синкретизма, неизбежно находящего свое отражение в фольклоре отдельных регионов, могут считаться вуду в Луизиане, худа в штатах атлантического побережья, и позже – брухерия и культ святой Смерти на Юго-Западе страны (впрочем, почитатели Санта Муэрте в последние десятилетия появляются во все большем количестве на всей территории страны). Справедливости ради нужно отметить, что само по себе выделение таких четко оформленных традиций – до некоторой степени артефакт исследовательской оптики, и насколько сами их носители до относительно недавнего времени воспринимали их как некую целостную систему представлений, неясно. Народная религия редко артикулируется в настолько ясных категориях. Тем не менее во всех этих случаях смешиваются традиции европейские, африканские, карибские и, пусть и в менее выраженном виде, собственно американские, индейские. В некоторых случаях связь с другими традициями не так очевидна,

например, в Пенсильвании с ее специфической формой народного колдовства, паувау, которая, несмотря на название, содержательно основана практически полностью на европейском субстрате, хотя функционально она довольно близка другим американским синкретическим культам [Александров 2020].

До некоторой степени такая синкретизация происходила и в Южной глубинке – приток поработенных африканцев, а также иммигрантов из разных регионов Европы создавал не менее плодородную почву для появления синкретических верований, чем, например, в Луизиане. Отчасти это верно – многие аспекты традиционной культуры региона имеют очевидные африканские корни. Например, еще недавно широко распространенный обычай красить потолок террасы вокруг дома в светло-голубой, *haint blue*, непосредственно заимствован из обычаев гулла, населяющих прибрежные районы и острова Каролины и Джорджии. Широко распространены по всему Югу и рассказы про лесную каргу *boo hag*, восходящие к африканскому фольклору.

Логично было бы предположить, что народные представления о сверхъестественном в целом будут проникнуты теми же синкретическими элементами. Неизбежно возникает вопрос, когда начинается эта синкретизация? Когда именно карибские и африканские мотивы начинают дополнять немецкий и английский субстрат и в какой момент в общую ткань фольклора Южной Каролины органично включаются ирландские и шотландские мотивы, привнесенные многочисленными иммигрантами, поток которых на территорию будущего штата, а тогда колонии, начался в начале XVIII в.?

К сожалению, количество доступных нам источников невелико. В целом фольклор Юга очень хорошо изучен, но большинство записей – достаточно поздние, материалов же, касающихся раннего периода, в целом очень немного. Одним из немногих и потому особенно ценных источников касательно интересующего нас региона становится *Reminiscences of York* Мориса Мура. Мур, уроженец Йорка, родился в конце XVIII в. и прожил долгую жизнь, значительная часть которой была посвящена изучению локальной истории. Свои заметки и наблюдения Мур публиковал в виде колонки в газете *Yorkville Enquirer*, позже, уже в середине XIX в., его колонки были опубликованы отдельной книгой. Заметки Мура посвящены самым разным темам, от участия уроженцев Йорк Каунти в Войне за независимость до юмористических зарисовок местных нравов времен молодости Мура. Три из записанных им историй представляют значительный интерес для нашей темы.

Работа Мура интересна в первую очередь тем, что отражает представления, характерные для эпохи его юности и даже предше-

ствующей ей – многие из историй, в том числе интересующие нас, записаны Муром со слов представителей старшего поколения и представляют нам пусть и ограниченный и снабженный комментариями автора, но все же срез фольклорных представлений, характерных для второй половины и конца XVIII в.

Первая история описывает встречу местного шерифа, Адама Мика, с призраком. Впрочем, встречались с призраком, поселившимся на Старом Поле Гордона, как жители городка Буллокс Крик называли пустошь неподалеку от поселения, многие³. Но большинство, столкнувшись с загадочной фигурой, преследующей путников по ночам, предпочитали сбежать – за пределы поля призрак не выходил, и, чтобы оказаться в безопасности, достаточно было добраться до опушки леса. У шерифа же хватило духу, когда, однажды задержавшись где-то, он возвращался домой глубокой ночью, не бежать, а остановиться и поговорить с призраком. О чем они говорили, не знал не только Мур, но даже брат шерифа. Вернувшись домой, тот туманно заявил, что пока не может ни о чем рассказывать, но, возможно, готов будет рассказать когда-нибудь позже. Вскоре шериф покинул родные места и отсутствовал несколько месяцев – где, зачем и что он там делал, он также не рассказывал даже ближайшим родственникам и друзьям. Но по возвращении заявил, что, как бы там ни было, призрак больше не будет тревожить местных жителей, и оказался прав⁴.

При всем очаровании этой истории, мастерски пересказанной Муром, проследить здесь связь с какой-либо традицией не представляется возможным. Истории о встречах с призраками распространены в мировой культуре настолько широко, что считать их атрибутом даже, например, европейского наследия в самом широком смысле не представляется возможным. Скорее уж здесь можно было бы увидеть параллели с готическими романами, если бы к моменту записи Муром этой истории их популярность была уже достаточно широка. Сблaзн увидеть в этом сюжете ирландский или шотландский элемент есть, но никаких реальных оснований для этого нет, скорее уж наоборот – встреча с призраком не заканчивается здесь трагически, например, да и шериф, помимо мужества, не проявляет каких-то выдающихся качеств, например смекалки, характерной для героев кельтских легенд, успешно переживающих встречу со сверхъестественным [O hOgain 1985].

Следующая история гораздо более плодотворна. Потому что в ней речь идет о ведьмовстве. Понятно, что в популярном вообра-

³ Moore M. Reminiscences of York. York: Yorkville Enquirer, 1901. P. 18.

⁴ Ibid. P. 19.

жении ведьмы в колониальной Америке ассоциируются в первую очередь с Салемской охотой на ведьм и, соответственно, Новой Англией. Но неразумно было бы забывать, что в Южных колониях суды над ведьмами случались не реже, чем на Севере, народное колдовство практиковалось не менее активно. Тем интереснее для нас восприятие ведьмовства – как это общее место европейской культуры того времени изменилось под влиянием специфического контекста Южных колоний?

История сама по себе довольно проста. Некий местный житель по фамилии Рейни тяжело болел. При этом «все его недуги приписывались всем местным обществом» некой Болси Фокс, «широко известной ведьме»⁵. Как сложилась ее репутация, Мур не поясняет, но интересно, что он, возможно неосознанно, прекрасно иллюстрировал социальный характер обвинений в колдовстве – собственно, если все многообразие причин, приводящих к появлению таких обвинений, пытаться свести к одной фразе, то лучшей формулировки, чем «по согласию всего местного общества» и не придумаешь. Мур описывает классический случай обвинения в ведовстве, примеры ровно того же сценария можно найти и в Салеме, и в Южных колониях, и в колдовских процессах Европы XV–XVII вв. Болезнь неизвестного происхождения, сложившаяся репутация ведьмы у одинокой бедной пожилой соседки, очевидного кандидата в ведьмы. Чуть менее традиционно «лекарство» – хотя в Йорк Каунти использовались в том числе и вполне традиционные методы борьбы с колдовством, здесь жители Йорка разработали незаурядный план – предполагалось, что все женщины округа соберутся в доме болящего и пожелают ему выздоровления, сказав “God bless you”. Изворотливая ведьма нашла способ избежать кары. Сперва она просто пыталась не явиться на организованный молебен, так что полковнику Лэйси пришлось за ней ехать, причем лошадь полковника, обычно вполне бойкая, едва двигалась от тяжести сухонькой с виду старушки. Но даже доставленная таким образом на место ритуала, она и тут не сдалась – вместо положенного благословения произнесла “*my god bless you*”⁶. Ну а поскольку ее Бог это, очевидно – и для персонажей истории, и для самого Мура – дьявол, исцеления не произошло. Можно предположить, что, если события происходили хотя бы в общих чертах так, как их описывает Мур, женщина произнесла “*may God bless you*”, но в сочетании с ее репутацией этой незначительной оговорки хватило, чтобы объяснить в глазах соседей неэффективность ритуала. История эта как

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 20.

нельзя лучше демонстрирует смешанный характер американского восприятия повседневного сверхъестественного, с одной стороны, вполне классическое ведьмовство и весь связанный с ним комплекс поверий. С другой – очевидная ассоциация ведьмы именно с дьяволом, характерная, как показал, в частности, Робин Бриггс, для элитарной культуры раннего модерна, и лишь позже проникающая в культуру народную [Briggs 2002]. Здесь, очевидно, этот процесс уже вполне завершен, хотя, например, во время Салемских процессов он еще только начинается и народные представления о ведьмах были еще довольно далеки (см., к примеру [Breslaw 1996]) от, в формулировке Бриггса, «нарратива дьявола». Интересен и способ борьбы с ведьмой – коллективный ритуал, довольно отчетливо напоминающий коллективный благодарственный молебен. В европейском контексте с ведьмой обычно борются либо сама жертва, либо ее ближайшее окружение, здесь же ситуация напоминает скорее коллективные действия, характерные для некоторых регионов Африки – впрочем, вряд ли речь идет о заимствовании, скорее о приспособлении протестантского благодарственного моления (которое с точки зрения официальной церкви не должно иметь столь выраженного магического характера) к борьбе с ведьмой. Видимо, влияние раннего кальвинизма с его подчеркиванием важности единства конгрегации, духовной и социальной близости религиозной общины было актуально и на Юге. В целом же ситуация прекрасно иллюстрирует то, как протестантизм, с одной стороны, неизбежно влиял на народную культуру, а с другой – ставился ей на службу и к ней приспособливался, выходя далеко за пределы «высокой» теологии, осуждающей использование молитвы, тем более коллективной, в магических целях (что, впрочем, не мешало кальвинистам, в том числе проповедникам, использовать ее именно в этом качестве, одновременно осуждая склонность католиков к «колдовской» молитве (подробнее см., например [Hall 1990, pp. 199–204])).

Третья из приведенных Муром историй, пожалуй, еще ближе к классическому европейскому нарративу, по крайней мере в некоторых аспектах, что примечательно, поскольку она является и наиболее поздней – Мур был непосредственным свидетелем части описываемых событий⁷. Здесь жертвой колдовства стал Мози Гэби. Как и в предыдущем случае, виновницей считали живущую неподалеку одинокую пожилую женщину, уже имеющую репутацию ведьмы. Под воздействием ее чар несчастный Гэби с жутким криком вскакивал по ночам и убегал из дома, возвращаясь лишь под утро.

⁷ Moore M. Op. cit. P. 20.

По его рассказам, ведьма скакала на нем как на коне и ездил на нем на шабаш, устраиваемый где-то за окраиной Йорка. В остальное время Гэби страдал от периодических приступов ступора. Интересно, что справиться с проблемой своими силами родственники даже не пытались – они прожили больше пяти лет с заколдованным Мози, постепенно привыкли к его состоянию настолько, что даже не просыпались, когда он посреди ночи выбегал из дома, а дети привыкли по утрам вычищать из дядиных волос колючки. Избавлением стало прибытие в Йорк некоего д-ра Бриндла, знаменитого witch-doctor⁸ из соседнего графства. Он организовал занятный ритуал – сперва дал Мози какое-то лекарство, от которого того немедленно вытошнило комком шерсти, иголок и прочего мусора. Затем была поймана черная кошка и подвергнута фактически пытке – несчастное животное хлестали (судя по всему, к счастью, чисто символически) на протяжении нескольких часов, с перерывами, но каждый раз строго нечетным количеством ударов. Наконец, доктор заявил, что вскоре явится виновник – под благовидным предлогом будет просить о какой-то небольшой услуге, которой ни в коем случае не следует оказывать. Обессиленный колдун не сможет покинуть дом, пока вконец не ослабеет, и только тогда можно будет наконец сделать то, о чем он просит, а Мози будет освобожден от чар. Так и произошло, и бедная старая миссис Браггарт провела у соседей большую часть дня, не в силах покинуть двор, пока наконец не получила желаемое – стакан сливок в данном случае – и не убежала, после чего бедняга Мози перестал мучиться⁹.

Третья история Мура – интересное сочетание архаичных и более современных элементов. С одной стороны, нужно отметить, что в норме за лекарством от наведенной ведьмовством болезни обращаются все же гораздо раньше. Судя по тому, что этого не сделали, в самом Йорке, видимо, не было уже к тому моменту подходящих специалистов, местных «знающих» – хотя все еще были люди, которых по тем или иным причинам считали ведьмами. Показательно также, что семья Гэби не попыталась прибегнуть к религиозным методам, в отличие от персонажей предыдущей истории, живших примерно на поколение раньше. Вероятнее всего, они, как и большинство жителей колоний того периода, не отличались чрезмерной религиозностью. Интересна и фигура спасителя, уже мало напоминающего классического деревенского колдуна – тут и титул «доктор», и очевидная «игра на публику» – сам Мур встретился с «доктором» на следующий день после исцеления Гэби и, кстати,

⁸ Ibid. P. 22.

⁹ Ibid.

доказал, по крайней мере сам себе, что целительные способности «доктора» – банальное мошенничество¹⁰. Наконец, он вообще не был местным, а был своего рода странствующим целителем – в общем, фигура уже гораздо ближе к современному хилеру или экстрасенсу, чем классическому деревенскому колдуну.

С другой стороны, само лечение идеально вписывается в классическую фольклорную модель. Настолько, что сюжет об испытании колдуна – с заперением его в доме, невозможностью его покинуть и последующим разрушением чар – встречается повсеместно от Йорк Каунти до верховий Камы, где Христофоровой были описаны былички, почти аналогичные истории, приведенной у Мура [Христофорова 2011]. Сами «мучения», которым подвергался Гэби, служивший временным «скакуном» ведьмы, повторяют мотивы европейских ведьмовских нарративов. Ритуал, предшествующий появлению ведьмы, вполне архаичен. В целом же история эта как нельзя лучше показывает живучесть народных представлений о ведьмах и ведьмовстве, сохранявших актуальность до, как минимум, начала XIX в.

Примечательно здесь скорее отсутствие синкретических элементов и заимствований, которых стоило бы ожидать – все описанное Муром полностью вписывается в западноевропейскую фольклорную традицию, здесь не прослеживается даже ирландско-шотландского влияния, не говоря уж об африканском. Возможных объяснений два – либо народная культура Йорк Каунти оказалась поразительно монолитной и устойчивой и успешно избежала всякого внешнего влияния, либо дело в избирательной памяти – Мур по тем или иным причинам сознательно избегал описания таких синкретических элементов. Он последовательно описывает своих героев в положительном тоне – даже Мози Гэби фигура хоть и комическая, но вызывающая сочувствие, а ведьмы набросаны настолько общими словами, что, по сути, лишены всякого намека на индивидуальность. Разумно предположить, что Мур транслировал предрассудки своего времени и, стараясь создать максимально положительный образ жителей Йорк Каунти, приписывал им «чисто» европейскую культуру, конструировал идиллический пасторальный образ, отрезая все, что в него не вписывалось.

Показательно, что, подходя к ситуации с вполне рационалистических позиций, Мур при этом не пытался как-то на нее повлиять, переубедить участников истории, объяснить им, что речь идет о, например, психическом заболевании, а не колдовстве. Более того, отвергая сверхъестественную подоплеку исцеления Гэби, Мур во-

¹⁰ Moore M. Op. cit. P. 22.

обще не предлагает альтернативного объяснения происходящему и не ставит под сомнение, по крайней мере в открытую, самого факта «колдовской» болезни. Он даже добавляет в свое повествование эпизод, в котором несколько явно рационально мыслящих местных джентльменов пытаются доказать, что никакого колдовства нет, самым простым способом – удержав Гэби силой. Они терпят неудачу, причем весь эпизод скорее подтверждает именно «колдовское» объяснение происходящего¹¹.

Так или иначе, с учетом всех ограничений, тексты Мура ясно показывают два важных момента – во-первых, народная культура Южных колоний даже в ее максимально «обеленном» варианте была по-прежнему пронизана представлениями о сверхъестественном, о колдовстве, ведьмах и призраках, составляющих важную часть картины мира большинства населения колоний. Идеи Просвещения, рационализм и «разочарование» мира оставались даже в середине XIX в., по всей видимости, элементом исключительно элитарной культуры.

Во-вторых, для народной культуры Йорк Каунти был все же характерен ряд особенностей, обойти которые вниманием Мур не смог. Колониальный контекст неизбежно наложил свой отпечаток. Наиболее яркая особенность – очевидное во второй истории слияние протестантской религиозности и народных представлений о колдовстве. Американский протестантизм не подавлял народную культуру, а, напротив, приспособивался к ней, отдаляясь все дальше от теологических основ и приближаясь к народной религии – чего в католицизме, например, не допускала сама организационная структура церкви. С другой стороны, на примере Йорк Каунти мы видим начало трансформации, которая со временем приведет народную культуру к ее современной форме, переходный этап от деревенского колдуна к экстрасенсу, телепроповеднику и другим подобным фигурам, выполняющим по сути те же функции, но в современном контексте и в совершенно другом масштабе.

Более того, распространенность народной религии и сокращение дистанции между ней и религией организованной неизбежно повлияли и на развитие последней, причем особенно это очевидно именно на Юге. В современных евангелических церквях используется широкий спектр магических практик, от лечения до экзорцизма и предсказания, заимствованных непосредственно из народной религии. В католицизме и крупных протестантских деноминациях такие практики всегда воспринимались с осторожностью и со временем все менее признавались частью официальной церковной

¹¹ Ibid. P. 21.

практики, все дальше отдаляя официальную церковь от народной религии. Американские же церкви, напротив, кооптировали элементы народной религии, а не дистанцировались от них, обеспечивая себе широкую массовую поддержку, что доказывает важность этих народных религиозных практик для значительного процента населения. Такие общины часто объединяются вокруг харизматичных лидеров-проповедников, авторитет которых строится на личном духовном опыте в гораздо большей степени, чем на образовании и развитой теологии. Способности, которые приписывают себе такие лидеры, в том числе целительство и способность пророчествовать, во многом схожи с возможностями традиционных «знающих людей». Если в Старом Свете организованная религия и народная религия постепенно разошлись все дальше и дальше, в Новом Свете они, напротив, сблизились, придав народной религиозности обычно нехарактерную для нее организационную мощь.

Причина этих изменений, на наш взгляд, в самом колониальном контексте. Сама по себе народная культура колоний прямо вырастает из английской и тесно с ней связана. Ее влияние на повседневную жизнь было, возможно, чуть более выраженным, чем в метрополии, в силу обилия бытовых проблем и характерного для ранних колоний чувства постоянной угрозы со стороны враждебного окружения. С другой стороны, влияние организованной церкви в колониях, даже в южных, никогда не было столь же сильным как в Англии. Даже в раннем Массачусетсе с его пуританизмом у отдельных церквей и общин не было политического и общественного влияния, даже близко сравнимого с англиканской церковью в метрополии. Ключевым отличием колоний было и то, что здесь недовольные доминированием конкретной церкви могли относительно легко покинуть пределы поселения или даже колонии и переселиться. Именно так поступили, например, последователи Энн Хатчинсон, изгнанной из Массачусетса по религиозным мотивам, заселившие Провиденс. Сама фрагментированность церковной власти в колониях, разделенной между многочисленными деноминациями и локальными церквями, не позволила колониальной церкви дистанцироваться от народной религии столь же эффективно, как в Европе. В результате народная религия стала значительно более важной составляющей духовной жизни колонистов. С этой точки зрения магические практики современных мегацерквей, и популярность всякого рода экстрасенсов, и периодические волны интереса к эзотерике всех видов, и даже распространение синкретических религий – не рудименты архаичных верований, а неотъемлемая часть духовной жизни Америки, ее ключевая составляющая. Развиваясь со временем и приобретая новые черты,

зачастую под внешним влиянием, она непосредственно вырастает из важности народной религии в раннемодерном обществе, которое в колониальном контексте не подавлялось, а расцвело и повлияло, в свою очередь, на организованную религию и на общество в целом гораздо сильнее, чем в Старом Свете.

Литература

- Александров 2020 – Александров Г.В. «Давно потерянный друг»: Колдовство и целительство пенсильванских немцев в XX–XXI вв. // In Umbra: Демонология как семиотическая система: Альманах. Вып. 9. М.: РГГУ, 2020. С. 213–236.
- Христофорова 2011 – Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2011. 432 с.
- Ankarloo, Clark 2002 – Witchcraft and magic in Europe / ed. by B. Ankarloo, S. Clark. Vol. 6. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2002. 130 p.
- Breslaw 1996 – Breslaw E. Tituba, the reluctant witch of Salem. N.Y.; L.: New York University Press, 1996. 270 p.
- Briggs 2002 – Briggs R. Witches and neighbours. The social and cultural context of European witchcraft. N.Y.: Penguin, 1998. 480 p.
- Bruce 1974 – Bruce D.D. Religion, society and culture in the Old South. A comparative view // American Quarterly. 1974. Vol. 26. No. 4. P. 399–416.
- Butler 1979 – Butler J. Magic, astrology, and the early American religious heritage, 1600–1760 // The American Historical Review. 1979. Vol. 84. No. 2. P. 317–346.
- Demos 2004 – Demos J. Entertaining Satan. Witchcraft and the culture of early New England. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2004. 562 p.
- Dreisbach 2019 – Dreisbach D. Introduction. Christianity and American law // Great Christian jurists in American history / Ed. by D.L. Dreisbach, M.D. Hall. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 1–15.
- Hall 1990 – Hall D. Worlds of wonder, Days of Judgement. Popular religious belief in early New England. Cambridge: Harvard University Press, 1990. 328 p.
- O hOgain 1985 – Ó hÓgáin D. The hero in Irish folk history. Dublin: Gill and Macmillan, 1985. 354 p.
- Straughn, Feld 2010 – Straughn J.B., Feld S.L. America as a “Christian nation”? Understanding religious boundaries of national identity in the United States // Sociology of Religion. 2010. Vol. 71. No. 3. P. 280–306.
- Thomas 1971 – Thomas K. Religion and the decline of magic. Studies in popular beliefs in 16th – and 17th-century England. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 853 p.
- Varul 2015 – Varul M. Consumerism as folk religion. Transcendence, probation and dissatisfaction with capitalism // Studies in Christian Ethics. 2015. Vol. 28. No. 4. P. 447–460.
- Yoder 1974 – Yoder D. Toward a definition of folk religion // Western Folklore. 1974. Vol. 33. No. 1. P. 1–15.

References

- Aleksandrov, G.V. (2020), “ ‘The Long-Lost Friend’. The witchcraft and healing among Pennsylvanian Germans in the 20th and 21st centuries”, in *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Almanakh* [In Umbra. Demonology as a semiotic system], iss. 9, Moscow, pp. 213–237.
- Ankarloo, B. and Clark, S., eds. (2002), *Witchcraft and magic in Europe*, vol. 6, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA.
- Breslaw, E. (1996), *Tituba, the reluctant witch of Salem*, New York University Press, New York, USA, London, UK.
- Briggs, R. (2002), *Witches and neighbours. The social and cultural context of European witchcraft*, Penguin, New York, USA.
- Bruce, D.D. (1974), “Religion, society and culture in the Old South. A comparative view”, *American Quarterly*, vol. 26, no. 4, pp. 399–416.
- Butler, J. (1979), “Magic, astrology, and the early American religious heritage, 1600–1760”, *The American Historical Review*, vol. 84, no. 2, pp. 317–346.
- Demos, J. (2004), *Entertaining Satan. Witchcraft and the culture of early New England*, Oxford University Press, Oxford, New York, USA.
- Dreisbach, D. (2019), “Introduction. Christianity and American law”, in Dreisbach, D. and Hall, M., eds., *Great Christian jurists in American history*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Hall, D (1990), *Worlds of wonder, Days of Judgement. Popular religious belief in early New England*, Harvard University Press, Cambridge, UK.
- Khristoforova, O.B. (2011), *Kolduny i zhertvy: Antropologiya koldovstva v sovremennoi Rossii* [Sorcerers and victims. Anthropology of sorcery in contemporary Russia], OGI, Moscow, Russia.
- Ó hÓgáin, D. (1985), *The hero in Irish folk history*, Gill and Macmillan, Dublin, Ireland.
- Straughn, J.B. and Feld, S.L. (2010), “America as a ‘Christian nation’? Understanding religious boundaries of national identity in the United States”, *Sociology of Religion*, vol. 71, no. 3, pp. 280–306.
- Thomas, K. (1971), *Religion and the decline of magic. Studies in popular beliefs in 16th- and 17th-century England*, Weidenfeld and Nicolson, London, UK.
- Varul, M. (2015), “Consumerism as folk religion. Transcendence, probation and dissatisfaction with capitalism”, *Studies in Christian Ethics*, vol. 28, no. 4, pp. 447–460.
- Yoder, D. (1974), “Toward a definition of folk religion”, *Western Folklore*, vol. 33, no. 1, pp. 1–15.

Информация об авторе

Глеб В. Александров, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; glaleksandrov@gmail.com

Information about the author

Gleb V. Aleksandrov, Cand. of Sci (History), HSE University, Moscow, Russia; 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066; glaleksandrov@gmail.com

УДК 82-31(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст

Елена М. Апенко

*Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,
eapenko@yandex.ru*

Аннотация. Большая часть произведений Дж.Ф. Купера может рассматриваться как своего рода «топологический сверхтекст», поскольку их место действия – округ Отсего, штат Нью-Йорк, во времена, когда именно там проходила граница между освоенными и еще «дикими» землями – знаменитый фронтир. Образ американской глубинки на этапе ее формирования реализуется в изображении определенного топоса, обладающего особыми характеристиками. Литературные описания последовательно вовлекаются в продуцирование знания об объекте реальности. Писатель стремится выявить некие константы, обладающие значимостью как маркеры территориальной идентичности. Во-первых, во всех повествованиях постоянно рассматривается вопрос владения землей. Описывая прошлое своей родной провинции, Купер представил одну из характерных черт организации жизни вдалеке от «центра», актуальную для глубинки в Штатах вообще вплоть до конца XIX в.: противостояние юридических и фактических владельцев. Во-вторых, Купер подробно исследует образно-смысловой диапазон локуса дома, важный в любой культурной системе и особенно значимый для людей, пришедших на новое место. Земля и дом в «топологическом сверхтексте» Купера – это своего рода архетипические локусы, которые сыграли важную роль в воссоздании автором истории развития фронта – реального географического пространства, обозначенного конкретными топонимами и являющегося важной частью геонационального пространства американской глубинки.

Ключевые слова: топологический сверхтекст, фронтир, территориальная идентичность

Для цитирования: Апенко Е.М. Романы Джеймса Фенимора Купера как локальный текст // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 52–63. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

© Апенко Е.М., 2025

James Fenimore Cooper's novels as a regional text

Elena M. Apenko

*Independent researcher, Saint Petersburg, Russia,
eapenko@yandex.ru*

Abstract. The better part of *James Fenimore Cooper's* novels where the author pictures different episodes of Otsego county's (NY) life in the days of "frontier" can be estimated as a kind of "topological supertext". He evokes images of American province at its birth with all its basic characteristics. Literary descriptions thus produce knowledge of a real object. He strives to define certain constants: geography, landscapes, human behavior, that can be interpreted as tokens of territorial identity. The issue of land ownership is one of the permanent items in all the novels. Cooper presents it as a matter of importance for the inhabitants of his native county, but the opposition of the legal owners that quite often are far from the estate and those who settle down and cultivate it in reality is one of the typical features of American movement to the Pacific up to the end of the 19th century. J.F. Cooper also reveals semantics of the image and the idea of house that is crucially important in all the cultures, and especially for the newcomers. So, Land and House in Cooper's "topological supertext" can be defined as archetypal loci vital for the chronicle of the American frontier history. All this was of great importance for the national self-identification.

Keywords: Topological supertext, frontier, tokens of territorial identity

For citation: Apenko, E.M. (2025), "James Fenimore Cooper's novels as a regional text", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 52–63, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-52-63

Формирование представления о территории Соединенных Штатов и осмысление окружающего пространства являлись, как известно, едва ли не центральными задачами раннего американского романтизма. Знание авторами того или иного региона молодой страны становилось основой для создания художественного пространства их произведений. Творческие свершения классика американской романтической литературы Джеймса Фенимора Купера – ярчайший тому пример. Вся его жизнь была связана с одним регионом Америки – штатом Нью-Йорк. Он вырос в достаточно глухом его уголке «у истоков Саскуиханны» – третьей по величине и протяженности реки Северной Америки. Река эта вытекает из озера Отсега, расположенного на полпути между столицей штата Олбани и Великими озерами, в частности озерами Онтарио и Шамплейн, где Купер проходил матросскую службу. С 1817 г.

и до отъезда в Европу он жил на юге штата – в округе Вестчестер, и в самом Нью-Йорке. Вернувшись домой, обосновался в родовом Отсега-холле в Куперстауне, все там же, на берегах Отсега.

В этом реальном географическом пространстве и разворачиваются события всех «сухопутных» американских романов Купера, за исключением «Прерии». Место действия «Шпиона» (1821) – округ Вестчестер. Следующий роман Купера – это «Пионеры, или У истоков Саскуиханны» (1823). Земли, которыми владеют герои так называемой «Хроники Литтлпейджей, или Трилогии в защиту земельной ренты» («Сатанстое», «Землемер» и «Краснокожие»), созданной в 1845–1846 гг., расположены и в Вестчестере, и в верховьях Саскуиханны. «В одном переходе от Саскуиханны» обосновался капитан Уиллогби из «Вайандоте» (1843). На еще безымянном Отсега выстроил свой водяной дом Том Хаттер из «Зверобоя» (1841). Неподалеку, на берегу озера Лейк-Джордж, стоял форт Уильям-Генри, гарнизоном которого командовал полковник Мунро в «Последнем из Могикан» (1826). Русский перевод названия “The Pathfinder, or The Inland Sea” – «Следопыт, или На берегах Онтарио» (1840) уточняет место действия романа.

Не только место, но и время действия всех романов обозначено автором четко: события «Зверобоя» разворачиваются «между 1740 и 1745 годами»; «Последний из могикан» – это «Повествование о 1757 годе». Время действия «Сатанстое» – 1758, «Следопыта» – 1759, «Вайандоте» – 1776, а «Землемера» – 1784 и «Пионеров» – 1793–1794 гг.¹

Все это не случайно. В 1740–1790 гг. эти края были американской глубинкой особого рода, именно там проходила «граница между дикостью и цивилизацией», тот самый знаменитый «фронтир», который стал одной из первых примет американской цивилизационной уникальности. Мы традиционно выделяем среди этих произведений знаменитую Пенталогию – цикл романов, связанных образом их центрального персонажа Натти Бампо. Но с точки зрения места и времени действия всех перечисленных выше, а не только входящих в Пенталогию куперовских произведений мы, как представляется, можем рассматривать их и как некую целостность, к которой применимы слова Н.Е. Меднис: это «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [Меднис 2003, с. 13]. Подоб-

¹ Действие романа «Краснокожие» разворачивается в другую историческую эпоху – в конце 1830-х гг., поэтому он исключен из анализа в данной статье.

ную систему исследовательница определяет как «сверхтекст» и, уточняя понятие, пишет следующее: «Каждый сверхтекст имеет свой образно и тематически обозначенный центр, фокусирующий объект, который в системе внетекстовые реалии – текст предстает как единый концепт сверхтекста. В роли такого центра для топологических сверхтекстов выступает тот или иной конкретный локус, взятый в единстве его историко-культурно-географических характеристик» [Меднис 2003, с. 9–10]. В рассматриваемых произведениях американского писателя именно фронтир в его «историко-культурно-географическом» единстве является таким фокусирующим объектом.

Иконография ландшафта фронтаира в текстах Купера много раз становилась объектом изучения исследователей. Однако преимущественное внимание уделялось принципам описания бескрайних просторов и дикой природы региона. Такая специфика анализа визуальных интерпретаций пространства определялась тем, что в центре внимания традиционно находилось изображение автором жизни Натти Бампо и его друзей-индейцев, т. е. тех обитателей фронтаира, кто, образно говоря, существовал «по ту сторону» этой границы – в мире “wilderness”. Изучение образов «дикого» пространства помогало и понять поведение героев внутри этого пространства, и их собственные личностные качества. Гораздо меньше внимания уделялось тому, какой рисует писатель жизнь «по эту сторону фронтаира», существование тех, кто пришел в далекие края и решил осесть там навсегда. Каковы же ее основные характеристики, если мы будем рассматривать куперовские произведения как топологический сверхтекст? В пределах данной статьи остановимся на двух.

Во всех повествованиях постоянно рассматривается вопрос владения землей. Суть его коротко и четко представлена в романе «Зверобой». Натти Бампо говорит, что землей около озера «сообща владеют минги и могикане»². Но по мнению Тома Хаттера, это его собственность, поскольку он живет на озере уже пятнадцать лет. И есть еще официальные лица из Олбани и Нью-Йорка, которые считают себя вправе распоряжаться, поскольку «земля должна иметь какого-нибудь владельца»³, и, естественно, речь не об индейцах.

Судьба собственников-индейцев общеизвестна, в том числе и благодаря Куперу. В качестве еще одного примера можно привести выдержку из главы IV романа «Сатанское».

² Купер Дж.Ф. Зверобой // Купер Дж.Ф. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Детская литература, 1961. Т. 1. С. 26.

³ Там же.

«– Вот список тех предметов, которые были вручены индейцам в уплату за землю!

“Пятьдесят одеял с желтыми каймами; десять чугунных котлов вместимостью по четыре галлона каждый; сорок фунтов пороха; семь ружей английских; двенадцать фунтов бус; пять галлонов ямайского рома высшего качества; двадцать музыкальных рожков; три дюжины томагавков английского производства высшего качества”.

И это все! – воскликнул я, дочитав список до конца. – Скажу по совести, что сорок тысяч акров превосходной земли недорого обходятся в колонии Нью-Йорк! Ведь все это стоит не дороже двухсот долларов, считая в том числе и ром, и томагавки первого качества.

– Ровно двести сорок два доллара уплачено за все эти предметы! – сказал с уверенностью Дирк. – Я это видел по счетам!

– Недорого, – заметил я. – И, вероятно, ружья, ром и остальные предметы обмена были из специально изготовленных для этой цели!

– Нет, Корни, ты возводишь напраслину на наших родителей: они люди честные и справедливые!»⁴.

Платили «честные» Литтлпейджи не грубыми фальшивками, которые изготавливались специально для таких «обменов», а настоящими предметами.

Что происходило после такой «справедливой» сделки, подробно описано в романе «Вайандоте». «Правом на приобретение крупных, никем не занятых участков в плодородной и богатой стране воспользовались прежде всего, конечно, офицеры колоний»⁵. Купер с сарказмом замечает: «Три или четыре тысячи акров... должны были удовлетворить аппетиты ... шотландцев и англичан, привыкших на родине к поместьям, несравненно более скромным по размерам»⁶.

На юге колонии подобные большие поместья существовали еще с голландских времен. Принципы юридического оформления частной собственности на землю принадлежали английскому общему праву, действие которого транслировалось на колониальную жизнь.

⁴ Купер Дж.Ф. Сатанстое. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheyms-satanstoe-91443.html?ysclid=lryxhqjg75734048547# с. 8–9 (дата обращения 21.01.2024).

⁵ Купер Дж.Ф. Вайандоте. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheyms-vayandote_ili_hizhina_na_holme-246238.html?ysclid=lryxq7emgy614066242# с. 1 (дата обращения 21.01.2024).

⁶ Там же. (Три-четыре тысячи акров – это более полутора тысяч гектаров. – Е. А.)

Они более-менее работали в освоенных частях колонии. А в глубинке приобретение собственности в «новых» местах начиналось за тысячи километров от выделяемых земель по приблизительным картам, которые изготавливались в Европе и изобиловали ошибками и белыми пятнами. Герой «Зверобоя» Гарри Непоседа рассказывает о беседе с королевским землемером: «Он слышал, что тут есть озеро, и кое-что о нем знает – например, что здесь имеются вода и холмы. ...Я ...нагородил ему, что в здешней стране имеется ручеек грязной воды и к нему ведет тропинка, ...он показал мне пергамент, на котором изображено озеро, – правда, там, где никакого озера нет, милях этак в пятидесяти от того места, где ему следует быть»⁷.

После того как концессия была утверждена и бумаги выправлены, необходимо было отправить кого-нибудь разыскать эти земли. «Я слышал об одном фермере, приобретшем в тех краях концессию в десять тысяч акров, который вот уже пять лет не может найти своего участка!» – замечает один из героев «Сатанстое»⁸. Поэтому тот самый королевский землемер становился важной фигурой, он должен был не только нанести землю на карту, но и в натуре обмерить ее и оставить систему зарубок, обозначающих границы владения. Но труд его и его команды часто бывал сопряжен со смертельной опасностью, поскольку не только индейцам не нравилось это вторжение, но и белым скваттерам. Не все желавшие обосноваться на краю цивилизации хотели за это платить. Том Хаттер из «Зверобоя» как раз и является таким скваттером. Подробнее же всего психология и образ жизни этих пришельцев в «дикий» мир изображены Купером в романе «Землемер». Скваттер Аарон Тимбернан с говорящим прозвищем Тысячаакров семнадцать раз перебирался с места на место, вырубая лес и сплавливая его в Олбани. Скваттеры стремились «по своему усмотрению распоряжаться землей, которой они владели, но не унижаться до того, чтобы покориться действию закона»⁹.

Описывая прошлое своей родной провинции, Купер представил одну из характерных черт организации жизни вдалеке от «центра», актуальную для глубинки в Штатах вообще вплоть до конца XIX в. Слова: хочется, чтобы «не было бы других межей, кроме тех, которые проводил бы карабин»¹⁰, и шерифы «приходят

⁷ Купер Дж.Ф. Зверобой. С. 47–48.

⁸ Купер Дж.Ф. Сатанстое. С. 9.

⁹ Купер Дж.Ф. Землемер. URL: https://bookscafe.net/read/kuper_dzheymys-zemlemer-257369.html?ysclid=lryy2l2zir524844149# с. 50 (дата обращения 21.01.2024).

¹⁰ Там же. С. 52.

иногда в леса, но никогда из них не возвращаются»¹¹ – вполне могли бы принадлежать не скваттеру из куперовского романа, а какому-нибудь герою популярного вестерна. «Что для них законы? Они никогда не видели законов, не слышали о них и понятия о них не имеют»¹².

В самом конце XIX в. Фредерик Джейсон Тернер в своей знаменитой лекции «Значение фронта в американской истории» определил роль фронта в выработке самостоятельной правовой системы касательно земельной собственности как важнейшую: «Можно с уверенностью сказать, что законы относительно земли, тарифов и внутреннего улучшения... были обусловлены идеями и нуждами фронта»¹³. Романы Купера – одно из первых литературных изображений столкновения принципов англосаксонского права, привезенного в Новый Свет из Старого, и реальной жизни в американской глубинке. Они вполне могут быть иллюстрацией и другого тезиса Тернера: «самым важным воздействием фронта стало развитие демократии», поскольку «условия фронта... стали важным фактором для объяснения Американской революции, когда личная свобода иногда путалась с полным отсутствием действительного правительства...»¹⁴. Именно такое чувство личной свободы и позволяет Аарону Тысячаакров предложить свое видение взаимоотношений на земле: «Господин Литтлпейдж имеет права на эту землю на бумаге, как я слышал, а я владею этой землей. Да и смешно было бы не воспользоваться таким местом, где есть и лес, и место для мельницы, и другие условия. ...Если генерал не помешает мне спокойно отправить мой лес на рынок, собрать хлеб, унести двери, окна и все железные вещи, одним словом, все, что можно взять от мельницы, то я согласен удалиться отсюда весной, чтобы тот, кто займет это место, мог бы сделать посев»¹⁵.

В.Н. Топоров убедительно показал, что пространство конституируется из вещей [Топоров 1983]. И в ряду тех объектов-вещей, из которых формируется внутреннее и внешнее пространство жизни человека, первостепенное место занимает дом. Константный локус дома важен в любой культурной системе, как правило, именно он интерпретируется как некое ядро личностной модели мира. Для людей, пришедших на новое место, «дом» значит особенно много.

¹¹ Купер Дж.Ф. Землемер. С. 51.

¹² Там же.

¹³ Тернер Ф.Дж. Значение фронта в американской истории. URL: http://az.lib.ru/t/turner_f_d/ (дата обращения 21.01.2024).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Купер Дж.Ф. Землемер. С. 55.

Каков же образно-смысловой диапазон локуса дома в «топологическом сверхтексте» Купера?

«Замок Водяной Крысы» – дом Тома Хаттера – представляет собой крепкое сооружение из могучих бревен, возведенное на сваях посреди озера, которое служит защитным рвом («Зверобой»). Вот как выглядит дом капитана Уиллогби, решившего обосноваться в лесной глуши в канун Войны за независимость («Вайандоте»): «Новый дом, построенный на этом холме, производил скорее впечатление казармы, так мало напоминал он обыкновенные дома; без окон наружу, обнесенный со всех сторон, кроме северной, высокой каменной стеной, он вполне отвечал стратегическим планам капитана на случай нападения индейцев. Ворота были сделаны в южной стене...»¹⁶. Первый дом семейства Литтлпейджей в новообретенных местах был тоже срублен из необработанных бревен и вызвал у представителя младшего поколения семьи ассоциации с тюрьмой и крепостью. И в этом случае в описании присутствует значимая деталь – все окна и двери выходят во внутренний двор, куда ведет лишь один проход¹⁷.

Перед нами «дом» как самый архаический тип жилья, «своя» территория, противостоящая окружающему враждебному миру (хаосу), защищенная от него глухой стеной, прежде всего приспособленная для обороны. Вместе с тем писатель отмечает и важную психологическую деталь: пытаюсь освоить и «присвоить» новую реальность, поселенцы означивали «новое» через «старое», перенося в дикие края не только правовую практику, но и культурные стереотипы своей старой родины. «Странно звучали названия “вилла“ и “замок“ среди пустынной страны, где не было никакого жилья, и то, что носило эти названия, являлось, обыкновенно, лишь грубым, кое-как сколоченным срубом из бревен, нередко даже не очищенным от коры»¹⁸.

Однако дом как место противостояния внешнему миру оказался необходим лишь на первом этапе формирования глубинки. Эти «крепости с бойницами», как пишет Купер, суть «памятники детства нашей страны», которые можно встретить «повсюду в тех местах, которые ныне слывут ...средоточием американской цивилизации»¹⁹. Микромир дома как убежища – первая стадия «обживания» пространства, завершившаяся, по мнению писателя, в его штате где-то в 80-е гг. XVIII столетия. В романе «Землемер» поместье

¹⁶ Купер Дж.Ф. Вайандоте. С. 5.

¹⁷ См.: Купер Дж.Ф. Землемер. С. 33.

¹⁸ Купер Дж.Ф. Вайандоте. С. 1.

¹⁹ Купер Дж.Ф. Зверобой. С. 20.

Литтлпейджей Равенснест представляет собой уже не блокпост, а поселок, где есть гостиница, школа, магазин, церковь. Действие романа разворачивается в 1784 г., т. е. после Войны за независимость. И, как пишет автор, «время, когда считали необходимым укреплять жилища от опасности внезапных нападений, давно уже миновало»²⁰. На смену пришли все еще примитивные постройки, но непременно с какими-то «архитектурными украшениями». Не только фермы, но и хижины в лесной глуши уже не окружаются какими-либо защитными сооружениями. Вместо этого рядом с ними разбивают огороды, прямо граничащие с лесом. И снова писатель отмечает как значимую, казалось бы, мелкую деталь: практически во всех домах «было не меньше четырех»²¹ дверей. В данном случае дом не только характеризует обжитое пространство как открытое для внешнего мира, но и раскрывается как психологический локус, транслирующий уверенность и оптимизм обитателей поселка.

И наконец, символом окончательно устоявшейся жизни провинции выступает дом судьи Темпла из «Пионеров». Напомню, что дело происходит в 1790-е гг. «Дом был каменный, большой, квадратный и, как ни странно, удобный»²². Он не только был комфортабельным жильем для семьи, но и свидетельствовал о богатстве и престиже его хозяина. Дом окружал большой фруктовый сад. «Кроме того, от ворот к подъезду вела аллея из молодых ломбардских тополей, которые тогда только-только были завезены в Америку»²³. Центральная улица поселка «была неширока, хотя вокруг на сотни миль простирались леса, населенные лишь зверями и птицами. Но так решил ее отец, и так хотели поселенцы. Им нравилось все, что напоминало условия жизни в Старом Свете, а городок, пусть даже лежащий среди глухих лесов, – это уже почти цивилизация»²⁴. Приметы и стандарты этой «цивилизации» по-прежнему пока еще европейские: завезенные с другого континента (!) в лесные края деревья, компактность поселения, приглашение «архитектора» для постройки дома, хотя он всего лишь хвастливый плотник, и т. д., но именно они демонстрируют уверенность в стабильности жизни в своем, освоенном и обжитом мире.

Глубина и степень «семантического обживания пространства» [Топоров 1983, с. 237] особенно четко маркируются рукотворными знаками, организующими пространство и представляющими образ

²⁰ *Купер Дж.Ф.* Зверобой. С. 45.

²¹ *Купер Дж.Ф.* Землемер. С. 24.

²² *Купер Дж.Ф.* Пионеры. С. 487.

²³ Там же. С. 486.

²⁴ Там же. С. 502.

жизни и привычки людей. В романе «Сатанстое» писатель так определяет различие между провинцией и центром, каковым конечно же были города на побережье Атлантики, в первую очередь Нью-Йорк: «В Олбани главной роскошью богатых людей являлись кровные рысаки, щегольская упряжка и обильный стол, в Нью-Йорке же роскошь выражалась серебром, хрусталем и ценной посудой, дорогим столовым бельем и иногда ценными картинами старых мастеров»²⁵.

Как отмечал В.Н. Топоров, «вещь перерастает свою “вещность” и начинает жить, действовать, “веществовать” в духовном пространстве» [Топоров 1995, с. 21]. В текстах Купера интерьер дома напрямую характеризует и вкусы обитателей, и их социальный статус, и страну, и время. Интерьер «крепостей» Хаттера, Уиллогби и Литтлпейджей прост, даже примитивен. Как проявление стремления к красоте расценивается то, что в комнатах дерево стен гладко выстругано. Там минимум необходимых предметов обихода и лишь иногда несколько вещей, свидетельствующих, что в доме живут женщины, нечуждые желания создать какое-то подобие уюта. При этом Уиллогби получает хороший доход, а Литтлпейджи по-настоящему богаты, и, более того, их имения в Вестчестере, неподалеку от Нью-Йорка, давно прекрасно обустроены.

А вот характеристика обстановки столовой в доме судьи Темпла: «Буфет красного дерева, инкрустированный слоновой костью и снабженный огромными медными ручками, стонал под тяжестью серебряной посуды. ...На стене вдали от печки висел термометр в футляре из красного дерева, соединенный с барометром... По обе стороны печи с потолка свисали две стеклянные люстры, ...а к косякам многочисленных боковых дверей, ведущих во внутренние комнаты, были прикреплены золоченые канделябры»²⁶. И, подобно ломбардским тополям среди американского леса, в комнате красовались маленькие гипсовые бюсты Гомера, Шекспира, Франклина и Вашингтона. Это лишь малая часть многостраничного описания, которое должно было подтвердить приобщение героев, живущих уже не «на побережье», а в той самой глубинке, к «цивилизации». Примечательно, что писатель каждый раз отмечает происхождение вещей – европейские, привезенные с побережья или сделанные местными умельцами.

Многочисленные и многословные описания в романах Дж.Ф. Купера внешнего и внутреннего пространства часто становились объектом критики, расценивались как недостатки его творческой манеры. Однако их подробность и статичность четко

²⁵ Купер Дж.Ф. Сатанстое. С. 35.

²⁶ Купер Дж.Ф. Пионеры. С. 506–507.

обусловлены авторскими задачами. Жертвуя эстетической и эмоциональной составляющими, автор добивался квазизрительности, столь важной для нативизма. Насыщенные подробностями словесные картины должны были прежде всего создать визуальный облик нового мира, но описания интерьера имели и другую цель: «конкретный, данный человек – мера всех вещей. Но и обратно: конкретная, данная вещь – мера всех людей, и только в этом своем качестве вещь приближает нам мир...» [Топоров 1995, с. 17]. В нашем случае это мера укорененности пришельцев в пространстве фронта.

Таким образом, представляется, можно утверждать, что земля и дом в «топологическом сверткесте» Купера – это своего рода архетипические локусы, которые сыграли важную роль в воссоздании автором определенного этапа истории развития реального географического пространства, обозначенного конкретными топонимами и являющегося важной частью геонационального пространства американской глубинки. Возможно, именно поэтому более столетия весь остальной мир представлял Америку «по Куперу»...

Литература

- Меднис 2003 – *Меднис Н.Е.* Сверткесты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 109 с. URL: <https://www.raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf?ysclid=ls69x7x1uz873739613> (дата обращения 04.02.2024).
- Топоров 1995 – *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
- Топоров 1983 – *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.

References

- Mednis, N.E. (2003), *Sverkhteksty v russkoi literature* [Supertexts in Russian literature], NGPU, Novosibirsk, Russia, available at: <https://www.raspopin.den-za-dnem.ru/pic-00004/2021-pdf/Mednis-sverh.pdf?ysclid=ls69x7x1uz873739613> (Accessed 4 Feb. 2024).
- Toporov, V.N. (1983), “Space and text”, in *Tekst: semantika i struktura* [Semantics and structure of the text], Nauka, Moscow, USSR.
- Toporov, V.N. (1995), *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoye* [Myth. Rithual. Image. Selected researches of mythopoetics], Progress – Kultura, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена М. Апенко, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; eapenko@yandex.ru

Information about the author

Elena M. Apenko, Cand. of Sci (Philology), independent researcher, Saint Petersburg, Russia; eapenko@yandex.ru

У нас это возможно:
«фашизм сердца» и американский Средний Запад
в романе У. Гэсса «Тоннель»

Алла К. Никулина
*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия,
alla_nikoulina@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется значимость нравственно-этического содержания философского романа Уильяма Гэсса «Тоннель». Несмотря на важность для авторского замысла внешних деталей организации текста, писатель намеренно заостряет внимание на проблемах морального выбора, затрагивающих основы человеческого существования. На примере судьбы центрального персонажа произведения – профессора средне-западного университета США, пишущего работу о немецком фашизме, – автор раскрывает внутренний путь, ведущий человека от размышлений о собственной неудовлетворительной жизни к неприятию мира в целом, желанию выместить на нем обиду за собственные неудачи. Роман вырастает в значимое исследование универсальной человеческой ситуации, «фашизма сердца» как психологического фактора, формирующегося задолго до превращения фашизма в политическое явление. В статье утверждается мысль о сознательности и целенаправленности обращения писателя к теме моральной ответственности человека за совершаемый им личностный выбор и последовательном ее раскрытии на протяжении всего повествования. Привлекая читателя изображением узнаваемых ситуаций, логичностью и убедительностью рассуждений главного персонажа, Гэсс стремится предостеречь его от необдуманных действий, показывая, с какой легкостью современный человек оказывается способен перешагнуть невидимую внутреннюю границу, отделяющую его от чудовища, если позволит собственному сознанию некритично принимать факты и поддаваться воле обстоятельств.

Ключевые слова: Уильям Гэсс, философский роман, фашизм, Средний Запад

Для цитирования: Никулина А.К. У нас это возможно: «фашизм сердца» и американский Средний Запад в романе У. Гэсса «Тоннель» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 64–77. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-64-77

It can happen here.
“The fascism of the heart” and the U.S. Midwest
in “The Tunnel” by William Gass

Alla K. Nikulina

*M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia,
alla_nikoulina@mail.ru*

Abstract. The article discloses the importance of moral and ethical themes in “The Tunnel”, the philosophical novel by William H. Gass. Despite the primary attention given to the formal elements of the text organization, the writer, at the same time, deliberately focuses on the problems of moral choice, finding the latter crucial for the continuation of human existence. Developing the story of the central character, a professor at the U.S. Midwestern university, who is finishing a long study on German fascism, the author reveals the danger of passing from ruminating about one’s own unsatisfactory life to rejection of the world at large and a desire to take revenge on it for one’s own failures. The novel grows into a significant study of the universal human situation, the “fascism of the heart” as a psychological factor that is formed long before fascism turns into a political phenomenon. The article reveals the writer’s conscious and intentional desire to discuss the topic of moral responsibility of a person in the situation of an individual choice, and demonstrates its consecutive realization throughout the narrative. Luring the readers into recognizable situations with the help of logical and convincing reasoning on the part of the main character, Gass seeks to warn them against rash actions, showing how easily civilized people could step over the invisible inner boundaries separating them from “monsters” if they allow their consciousness to accept facts uncritically and fail to resist the circumstances.

Keywords: William Gass, philosophical novel, fascism, Midwest

For citation: Nikulina, A.K. (2025), “It can happen here. “ ‘The fascism of the heart’ and the U.S. Midwest in ‘The Tunnel’ by William Gass”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 64–77, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-64-77

Роман «Тоннель» (*The Tunnel*, 1995) – наиболее известное художественное произведение Уильяма Гэсса, охарактеризованное критиками как «самый прекрасный, самый сложный, самый тревожный роман» из опубликованных за последние десятилетия XX в. [Silverblatt 1995]. Автор создавал его на протяжении почти половины жизни, постоянно изменяя и совершенствуя текст.

Внимание Гэсса как писателя было всегда сосредоточено на художественной форме. Известен его публичный диспут с Джоном

Гарднером, состоявшийся в 1979 г.¹, в котором последний отстаивал принцип морально-нравственного воздействия литературного произведения на читателя, в то время как Гэсс утверждал необходимость для литературы исходить из художественного, эстетического принципа. Произведения Гэсса насыщены тщательно продуманными техническими элементами на уровне организации текста, виртуозной игрой с языком. Не случайно именно формальные аспекты всегда привлекали пристальное внимание критиков, изучавших литературное творчество писателя [Saltzman 1991; Silverblatt 1995; Kellman 2020].

При этом, как бы заостренно противопоставление этического и эстетического ни звучало в теоретических рассуждениях самого Гэсса, он не был аморалистом. «Как писатель я нахожу для себя более удобным не поддерживать никакую идею. Но и безыдейность тоже...» – заявлял он². Он просто не считает, что начинать разговор о литературе нужно именно с моральных аспектов; плохо и непрофессионально написанное произведение не спасет даже заключенная в нем высокая нравственная идея, поскольку оно не будет произведением искусства. Но при этом книга, способная поразить читателя своим внутренним эстетическим совершенством, неминуемо будет способствовать и развитию его духа. Хорошо написанное произведение, с точки зрения Гэсса, становится своеобразным искуплением зла, послужившего тематическим материалом для его создания; говоря об этом, писатель приводит в пример произведения С. Беккета: «Они говорят о том, как ужасен мир. Но сами-то они не ужасны»³.

Этическое содержание творчества Гэсса на сегодняшний день исследовано в значительно меньшей степени, чем его языковое новаторство, поэтому в рамках данной статьи нам видится необходимым обратиться именно к морально-нравственному аспекту наиболее известного романа писателя «Тоннель» в целях демонстрации его принципиальной значимости для раскрытия художественного замысла произведения. Используя методы историко-культурного и контекстуального анализа, мы стремимся показать, что экспери-

¹ *LeClair T.* William Gass and John Gardner. A debate on fiction // *Conversations with John Gardner* / ed. by A.R. Chavkin. Jackson: University of Mississippi Press, 1990. P. 172–182.

² *Ibid.* P. 173.

³ *Silverblatt M.* Interview with William H. Gass / Transcript of the broadcast “Lannan Readings & Conversations: William Gass”, 1998. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interview-with-michael-silverblatt-1998-ab8cdbe33563> (дата обращения 05.06.2022).

ментирование с повествовательной формой, погружение рассказчика в создаваемую им сложную словесную реальность становятся в произведении средством постановки важных нравственных вопросов, затрагивающих основы человеческого существования, и это придает роману несомненную философскую глубину.

В романе «Тоннель» Гэсс обращается к темам нацизма, фашизма, холокоста. Когда перед публикацией книги журналист спросил писателя, считает ли тот возможным заниматься формальными экспериментами на таком внешне совершенно не подходящем для подобного материала, Гэсс ответил, что принимает эту ситуацию как вызов, собираясь выяснить, «можно ли красиво писать о гротескном» [Saltzman 1991].

Роман содержит много тщательно проработанных деталей на уровне организации текста. Для писателя был важен внешний вид книги: по его настоянию она была издана в тяжелом черном переплете без указания на нем имени автора – зримый кусок тьмы, который читатель должен взять в руки. Автор хотел, чтобы многие страницы романа по своему дизайну напоминали материальные предметы действительности, упоминаемые повествователем (лист газеты, поднос и др.), но технически это невозможно было воплотить. Тем не менее в романе есть страницы с пустым квадратом посередине и обтекающим его текстом, диаграммами, рисунками рассказчика. Структура текста продумана так, чтобы двенадцать глав романа раскрывали двенадцать основных тем, организованных в каждом разделе в различных комбинациях в соответствии с двенадцатитоновой музыкальной системой Шенберга. В этом отношении можно согласиться с С. Келлманом, утверждавшим, что «“Тоннель” нужно скорее изучать, чем просто читать» [Kellman 2020]. Многие формальные элементы могут остаться незамеченными неподготовленным читателем, но для автора подобная организация текста представляла предмет гордости.

Все технические детали, однако, становятся, в первую очередь, значимым средством раскрытия образа центрального персонажа романа – профессора истории Уильяма Фредерика Колера из университета Индианы. Именно он выступает повествователем в романе, а текст, который он создает, изначально задумывается им как предисловие к законченному историческому труду о немецком фашизме. Но вместо предисловия Колер очень быстро сбивается на рассказ о себе, стремление осмыслить свое жизненное положение и описать задуманное им грандиозное предприятие, которое он и начинает осуществлять параллельно с написанием текста: рытье тоннеля из подвала собственного дома в абстрактное никуда. Собственно, читателю так и не будет до конца понятно,

действительно ли Колер физически роет тоннель параллельно с ведением повествования, или тот остается только значимым символом в сознании персонажа: рассказчик в романе представляется абсолютно «ненадежным повествователем», как неоднократно подчеркивал Гэсс в своих комментариях. Читатель находит много логических нестыковок в рассказах Колера о прошлом, он нередко лжет и сам признает за собой этот факт, а иногда сознательно эпатирует читателя, поэтому с точностью утверждать, что фактически имело место в жизни Колера, а что им намеренно искажено или переосмыслено, невозможно. Он, по его собственным словам, еще в детстве научился жить «в двойном контексте»⁴: в реальном мире унылой среднезападной действительности и в блестящем словесном мире литературы и сочиняемых им самим воображаемых историй.

Безрадостное детство Колера прошло в провинциальной Айове в маленьком бесцветном городке с претенциозным названием Гранд. Домашняя обстановка была далека от идеальной: «У меня была <...> мать-алкоголичка, отец вел себя как маленький фюрер, и дом, который я помню с детства, всегда казался темным, мрачным, грязным, сырым, в нем всегда толпились люди, пахло болезнью и женщинами» (р. 235). Повторявшиеся из года в год невыносимые пыльные бури, нашествия саранчи – «чудовища хаоса» – создавали невыносимые условия существования: «Год за годом лето врывалось к нам в апреле как апокалиптическое бедствие» (р. 98). Ощущение потерянности и несвободы демонстрировала даже местная речка, дно которой было «заключено в воду, как в тюрьму» (р. 304).

Вероятно, уже здесь берут истоки представлений Колера о действительности как о чем-то «неустанно преследующем человека, наихудшем». В жизни, в отличие от поэзии или истории, он не находит ничего прекрасного. Историческое время в его восприятии – это не драматический поток событий, но нечто «еле движущееся, вялотекущее» (р. 126). Возможно, поэтому Колер-философ в качестве первоосновы мира, в отличие от древнегреческих философов, избрал бы не огонь и не воду, а грязь.

Убогость и серость провинциальной жизни переносятся рассказчиком на формирующуюся в его восприятии картину мира. Он последовательно развенчивает образы героев прошлого, характеризуя их как мелких негодяев, пекущихся исключительно о собственных эгоистических интересах. В его представлении не существует ни

⁴ *Gass W.H. The Tunnel. N.Y.: Alfred A. Knopf, Inc., 1995. P. 501.* Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках с указанием страницы.

добра, ни подлинного, значимого зла: весь мир представляется ему чередой тривиальных непрекращающихся бед.

В детстве Колер любил кино и книги. Поэзия стала для него спасением от унылой рутины действительности. Именно увлечение поэзией немецкого романтизма повлекло его в 1930-е гг. на учебу в Германию, где его наставником стал Магус Табор, известный среди студентов как «неистовый Мег» – страстный проповедник идеи сверхчеловека и «духовного превосходства Германии». Хотя многие черты Табора, по утверждению Гэсса, были заимствованы им у реального исторического прототипа – крупного немецкого историка Генриха фон Трейчке, на общефилософском уровне эта фигура во многом оказалась близка к Мартину Хайдеггеру, призывавшему к субъективному пересозданию времени [Auerbach 2020]. Именно в таком подходе к осмыслению действительности Гэссу всегда виделась наибольшая опасность: то, что воспринимается как прекрасное в художественном творчестве, становится опасным, когда начинает претендовать на философскую истинность и принимать форму политической идеологии.

Колер утверждает, что в зрелом возрасте «променял поэзию на историю» (р. 76), однако на протяжении всего повествования нередко смешивает эти понятия: «мы – историки, поэты прошлого» (р. 69). Как понимает читатель, именно неизжитые «поэтические» склонности и приводят его в конце концов к подмене действительного анализа исторического прошлого и собственного настоящего к абстрактному философствованию, игре словами с целью произвести больший выразительный эффект, в результате чего моральные критерии начинают терять четкость, а «вина и невинность в гитлеровской Германии» (как называется книга Колера) оказываются всего лишь ничего не значащими и потому легко заменяемыми словами на бумаге, а не фактами действительности.

Только «писательство» дает Колеру возможность почувствовать собственную значимость. Его академическая деятельность в провинциальном университете Индианы скучна и ничем не примечательна. Его студенты – «милые американцы» (р. 181), абсолютно посредственные, малообразованные и не стремящиеся к знанию. Его коллеги – такие же ничем не примечательные обыватели, в восприятии Колера выглядящие довольно гротескными фигурами: один находит удовольствие в сочинении вульгарных стишков, другой высокопарно рассуждает о банальностях, третьего интересует в истории только «то, что рифмуется» (р. 179), т. е. только то, что подходит под его собственные представления о ней. Семейная жизнь также не приносит Колеру удовлетворения. Отношения с женой становятся все хуже: некогда веселая и искренняя, она для

него теперь грозная внешняя сила – «этаким Моби Дик». Их «раздельное существование бок о бок» (р. 648) тяготит рассказчика. С сыновьями, покинувшими дом и уехавшими учиться в другие такие же ничем не примечательные высшие учебные заведения, он никогда не был близок.

Глубокая внутренняя неудовлетворенность жизнью выливается для Колера в растущее неприятие человечества, которое, как ему кажется, практически полностью состоит из ничемных и неприятных особей: «В нас примерно столько же ценности, сколько в жевательной резинке» (р. 140). Как следствие, по справедливому утверждению М. Силверблатта, «тоннель начинает формироваться в самом Колере <...> – <...> это его нежелание видеть ничего, кроме своих собственных бед; Колер выкапывает и выбрасывает из жизни самую ее суть, все глубже зарываясь и выхолащивая ее содержание» [Silverblatt 1995]. Таким же образом А. Салцман характеризует рассказчика в романе как «обладающего зауженным полем зрения» (tunnel visioned): Колер концентрирует внимание только на том, что соответствует его умонастроению, и не замечает ничего другого [Saltzman 1991]. Все в истории человечества кажется ему недостойным, бессмысленным. Замкнутость подвала, в котором он находится на протяжении всего повествования, и темное окно, не выходящее никуда, перед которым он сидит каждый день, выступают символами ограниченности и слепоты.

Колер осознает свое абсолютное одиночество, неоднократно на протяжении повествования высказывая сожаление о том, что не имеет возможности ни с кем поделиться своими мыслями. Хотя он и утверждает, что «истории не по пути с одиночеством» (р. 80), его собственный опыт доказывает обратное. В окружающем мире не осталось никаких связей, которые он мог и хотел бы поддерживать: «Помню ли я своих родителей? Я отказываюсь их помнить. Мою семью? Нет, точно нет» (р. 16). Хотя он как профессор-историк осуждает молодежь за отсутствие желания изучать и понимать прошлое – «никакого завтра не будет, если не существует вчера» (р. 191) – его собственная жизненная позиция оказывается в прямом противоречии с его призывами, когда он заявляет: «отмени прошлое, запрети настоящее, уничтожь будущее – таков был мой лозунг» (р. 388).

Сознательно сведя к минимуму все отношения с окружающими, отгородившись от внешнего мира «барьерами из слов», Колер в конце концов попадает в созданную им самим ловушку, по утверждению А. Салцмана [Saltzman 1991]. Живя в оторванном от повседневной действительности мире собственной речи, выступая для себя единственным слушателем и критиком, он неминуемо на-

чинает утрачивать ценностные ориентиры, приближаясь к полному нравственному релятивизму, когда «действительность позволяет нам верить во что угодно, по нашему собственному выбору: в это, или в прямо противоположное, или даже в то и другое одновременно» (р. 256). Проводя большую часть времени в подвале наедине со своей книгой, он подменяет жизнь абстрактными рассуждениями о жизни, полагая себя философом, размышляющим над принципами мироустройства: «Что есть истина? Только то, что у меня толстая жена – толще, чем я сам» (р. 16). Словесные рассуждения постепенно вытесняют из сознания Колера образы действительности, что он в конце концов вынужден признать: «Писать – значит прятаться от истории, отказываться действовать» (р. 639). Именно так он и существует, стараясь не покидать своего подвала без необходимости. Он не испытывает интереса к другим людям и утверждает, что хочет понять «только самого себя». Не случайно Д. Ауэрбах характеризует его как «образец витгенштейновского немислимого солипсизма» [Auerbach 2020].

Разочарование во внешнем мире ведет Колера к утрате смысла существования. В порыве страсти он восклицает, что готов был бы продать душу дьяволу ради обретения полной насыщенной жизни, но только предложения ни разу не поступало. Для дьявола нужна сила характера, которой у Колера нет. Все, на что хватает его смелости, как видит читатель, – это завести любовную интрижку со студенткой, задушить кота жены, тайно набить грязью ящики ее любимой мебели. Он – абсолютная посредственность во всех отношениях. Магус Табор с его ницшеанской идеологией породил не сверхчеловека, а гротеск на базе посредственности. В минуты поэтического вдохновения Колеру нравится представлять себя мрачным злодеем, бросающим вызов мещанской морали: «Выбирайся из этого сонного городка в Индиане и полетим в Германию, где убийство стало музой» (р. 91). Но одновременно он не может не признать, что эта актерская поза не имеет ничего общего с его настоящей ситуацией мелкого обывателя: «Вот вы чего жаждете? Ничего. И я тоже» (р. 183). «Я абсолютно ординарен» (р. 211), – констатирует Колер со смешанным чувством горечи и вызова, хотя первое чувство на протяжении романа оказывается доминирующим. Как бы ни старался рассказчик маскировать свою человеческую несостоятельность и бесплодность псевдофилософскими рассуждениями об изъянах человеческой природы в целом, он как человек, все же способный думать, не может не осознавать своей истинной ситуации: «Лу, я не способен продолжить нас» (р. 307).

«Три вещи в жизни особо важны для меня, они составляют мою святую троицу: оконное стекло, белизна страницы и чернота класс-

ной доски», – утверждает Колер, рассуждая о своем призвании философа, писателя и преподавателя (р. 309). В действительности же то, что видит читатель, оказывается совсем не так благородно: Колер никогда не решится разбить свое символическое «окно», не выйдет из душного подвального мира мрачной полуправды в большой мир подлинного исторического видения; никогда не закончит начатую книгу, не заполнит пустоту страницы чем-либо значимым; никогда не станет настоящим учителем – тем, кого слушают, за кем идут – несмотря на попытки стать идеологом воображаемой «Партии разочарованных».

Неудовлетворенность Колера жизнью ведет его не к попытке изменить себя, а к поиску виновных во внешнем мире. Неважно, кто это будет: правительство, администрация университета, не разделяющие его точку зрения коллеги, насмехающаяся над ним жена, евреи, американцы, европейцы, человечество в целом. Главное – убежденность в своем внутреннем превосходстве над оппонентом и ощущение гарантированной безнаказанности своих действий. Воображаемая «Партия разочарованных», создателем которой мнит себя Колер, – это, по сути, партия трусов: «Только шанс нанести безответный удар даст нам возможность проявить себя» (р. 298). В юности во время учебы в Германии Колер оказался свидетелем печально известной Хрустальной ночи: массовых еврейских погромов, прокатившихся по стране, во время которых прежде тихие и уважаемые немцы, по его словам, «восстали, как боги, из могил своей бюргерской жизни» (р. 307). Он тоже невольно устремился вслед за толпой и даже бросил камень в случайную витрину, хотя сразу же убежал, испугавшись своих действий, и впоследствии считал свое поведение всего лишь «подростковой шалостью». Однако сейчас, прожив большую часть жизни и считая себя опытным и образованным человеком, он вполне сознательно заявляет, что «взорвал бы мир, если бы получил такую возможность – чудесный шанс сравнять любой счет» (р. 433). Осуждая человечество за потворство злу во всех его формах, он тем не менее признает, что и сам поддержал бы «прекрасные зверства Гитлера» (р. 453) и в первых рядах отправился бы их осуществлять, так как это придало бы хоть какой-то смысл его пустой и бессмысленной жизни: «на какое-то время я бы поднялся в полный рост, на какое-то время я бы стал победителем <...>, и у меня было бы место в строю, я узнал бы чувство превосходства, я был бы частью команды-победительницы <...>, я был бы не больше чем мизинцем, но в большом кулаке» (р. 460).

Роман охарактеризован самим Гэссом как книга «преимущественно о Среднем Западе», о «разложении души и разума»

[Auerbach 2020]. В книге много говорится о нацистской Германии, Гитлере, холокосте, поскольку это основные темы Колера-историка, к которым он неминуемо возвращается. Но «Тоннель» написан, прежде всего, не о ситуации в Германии, а о фашизме как трансисторическом явлении. «Проблема, возникающая при размышлении об образе персонажа, – отмечает М. Силверблатт, – заключается не в том, что он – чудовище, а в том, что чудовище обладает узнаваемыми человеческими чертами» [Silverblatt 1995]. Как следствие, роман вырастает в значимое исследование универсальной человеческой ситуации, «фашизма сердца» (р. 364) как психологического фактора, формирующегося задолго до превращения фашизма в политическое явление и ждущего лишь подходящего момента для проявления своей агрессивной сущности. Так называемые пассивные эмоции, перечисленные на первой странице романа и трактуемые Гэссом в духе Спинозы: зависть, злоба, страх, уныние, лицемерие, жалость к себе, мстительность и целый ряд других – в конечном итоге становятся благодатной почвой для формирующегося «фашизма сердца».

Характерно, однако, что персонаж в романе не предстает абсолютным воплощением зла: типичность многих ситуаций, убедительность его речи способны заставить читателя соглашаться с ним в определенные моменты развития повествования, принимать его сторону. Именно в этом состоит замысел Гэсса, согласно его собственному утверждению: «Я хочу заставить читателя сказать Колеру “да”, хотя Колер – чудовище» [Nix 2002, р. 84]. Тем самым автор заставляет читателя задуматься о своей собственной «чудовищности», неминуемо обнаруживающейся в подавляемой глубине сознания. Более того, Гэсс намеренно наделяет рассказчика узнаваемыми чертами собственной биографии: образы родителей Колера практически полностью списаны автором со своих родителей; Гэсс, как и Колер, восхищался Ницше в юности, он так же сознательно в студенческие годы «променял» поэзию романтизма на строгий классицизм, хотя позже и осознал излишнюю категоричность подобного поворота, попытавшись найти приемлемую золотую середину. Заметное сходство деталей биографии автора и персонажа приводило в смущение литературных критиков, испытывавших склонность отождествлять Гэсса и Колера. Писатель признавал, что вводил подобные детали в произведение вполне намеренно: в качестве своеобразной проверки критики на умение читать внимательно, проникать в суть изображенного, не удовлетворяясь впечатлениями от поверхностного просмотра текста [Silverblatt 1995]. Гэсс неоднократно характеризовал себя как автора, разделяющего позицию Дж. Свифта: «Я ненавижу человечество.

Но я люблю людей»⁵. Его книга, как и книга Колера – «обвинение человечества», по его собственным словам [Madera 2013]. «Мы все, в некотором роде, и есть каждый»⁶, – комментировал это Гэсс, привлекая внимание к тому, с какой легкостью современный человек может перешагнуть невидимую внутреннюю границу, отделяющую его от «чудовища», если позволит собственному сознанию некритично принимать факты и плыть по течению обстоятельств. «Мы паразитируем на Земле. И впереди нас ожидает много катастроф. В этом, как мне кажется, и заключается идея моего произведения, если в нем вообще есть идея», – заявлял он⁷.

Гэсс всегда подчеркивал, что он не «среднезападный писатель», каковым его именовали многие критики [LeClair 1977]. Он, действительно, провел большую часть жизни на Среднем Западе, и сюжеты большинства его произведений разворачиваются именно там, но подобное художественное решение является его сознательным выбором. Средний Запад становится для него метафорой человеческого существования в целом [Никулина, Баранова 2023]. Как истинный философ, он стремится к значимым обобщениям: «Я думаю метафорами, чувствую метафорами...» – утверждает он [LeClair 1977]. Средний Запад для него – это «вечная катастрофа», место, где человек обнаруживает себя лицом к лицу с пустотой существования и оказывается вынужденным ежедневно делать значимый экзистенциальный выбор, определяющий его человечность или отказ от нее. Автор характеризовал роман «Тоннель» как книгу «о банальности зла; точнее – о зле банальности» [Saltzman 1991], о том, как легко человек принимает сторону зла, если позволяет окружающей действительности и «пассивным эмоциям» управлять собой. Гэсс отрицает существование абсолютной истины в мире, но признает необходимость для каждого человека сделать собственный человеческий выбор: «Мы должны придать этому смысл»⁸. Книга Гэсса, как он сам считает, поднимает проблему «ответственности обычного человека» [Madera 2013]. В этом отношении, как настойчиво он ни дистан-

⁵ Gerke G. Interview with William H. Gass // Tin House. 2012. Winter. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-greg-gerke-2011-88b925ca2a55> (дата обращения 03.06.2022).

⁶ Silverblatt M. Interview with William H. Gass / Transcript of the broadcast “Lannan Readings & Conversations: William Gass”, 1998. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interview-with-michael-silverblatt-1998-ab8c8dbe33563> (дата обращения 05.06.2022).

⁷ Gerke G. Interview with William H. Gass...

⁸ Ibid.

цировался бы на словах от важности морально-нравственного содержания литературы («Я ненавижу идеологии, все, какие только бывают» – [Madera 2013]), он остается философом-моралистом. Это противоречие подметил еще Гарднер в уже упоминавшемся диспуте: «Билл Гэсс – маскирующийся моралист <...>. Я не согласен с его теорией, но и его собственные книги ее не подтверждают»⁹. Содержание романа «Тоннель» и художественные средства, используемые автором для обрисовки центрального персонажа, ясно свидетельствуют о том, что ценностный релятивизм для писателя неприемлем.

Таким образом, несмотря на значимость для авторского замысла внешних деталей организации текста, роман Гэсса – это прежде всего произведение, исследующее на содержательном уровне истоки «фашизма сердца» и обнаруживающее их в жизни тихой американской провинции конца XX в. с той же отчетливостью, как и в Германии 1930-х гг. Писатель был удивлен тем, что критика после выхода в свет его произведения не провела параллелей с известным романом Синклера Льюиса, хотя, с его точки зрения, параллели очевидны с романом Синклера «У нас это невозможно». Силверблатт в своем исследовании приводит слова Гэсса: «То, что я пытаюсь здесь сказать: нет, возможно. И уже происходит. Меня ужасает фашизм, скрывающийся под самой поверхностью. Да и не особо скрывающийся уже»¹⁰. Данное заявление автора ясно указывает на его духовные приоритеты и художественные намерения. В романе «Тоннель» нравственная проблематика приобретает первостепенную значимость. Гэсс придает поднимаемым в произведении темам необходимую философскую широту: хотя сюжет концентрируется на судьбе конкретного персонажа, использование многозначных художественных деталей подводит читателя к осознанию универсальности затронутых проблем. «Фашизм сердца» долгое время не проявляет себя в публичных действиях, символически прячась в подвале, зарываясь в землю гротескными изгибами темного тоннеля, но, выйдя однажды на свет при благоприятствующих ему обстоятельствах, может оказаться неуправляемой разрушительной силой. Роман Гэсса с помощью художественных средств убедительно моделирует подобную ситуацию и заставляет читателя задуматься над собственным нравственным выбором.

⁹ *LeClair T.* William Gass and John Gardner. A debate... P. 176.

¹⁰ *Silverblatt M.* Interview with William H. Gass...

Литература

- Никулина, Баранова 2023 – *Никулина А.К., Баранова Н.В.* Художественный образ американского Среднего Запада в романах У. Гэсса и Д.Ф. Уоллеса как метафора человеческого существования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. Вып. 1. С. 103–112.
- Auerbach 2020 – *Auerbach D.* Glass and dirt. “The Tunnel” in twelve antitheses // The Tunnel at 25. An online symposium. 2020. URL: <https://thetunnelat25.com/glass-and-dirt-the-tunnel-in-twelve-antitheses/> (дата обращения 05.06.2022).
- Hix 2002 – *Hix H.L.* Understanding William H. Gass. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 189 p.
- Kellman 2020 – *Kellman S.G.* ‘The Tunnel’ into the future // The Tunnel at 25. An online symposium. 2020. URL: <https://thetunnelat25.com/the-tunnel-into-the-future/> (дата обращения 05.06.2022).
- LeClair 1977 – *LeClair T.* The art of fiction // The Paris Review. 1977. Iss. 70. URL: <https://www.theparisreview.org/interviews/3576/the-art-of-fiction-no-65-william-gass> (дата обращения 03.06.2022).
- Madera 2013 – *Madera J.* Sentenced to depth // Rain Taxi. Spring 2013. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-john-madera-2012-4b48ee6fd0c4#.5mcgjt0dc> (дата обращения 01.06.2022).
- Saltzman 1991 – *Saltzman A.M.* Language and conscience // The Review of Contemporary Fiction. Fall 1991. URL: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-arthur-m-saltzman-1991-40d86feafe73> (дата обращения 01.06.2022).
- Silverblatt 1995 – *Silverblatt M.* A small apartment in hell // Los Angeles Times. 1995. March 19. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1995-03-19-bk-44339-story.html> (дата обращения 05.06.2022).

References

- Auerbach, D. (2020), “Glass and dirt. ‘The Tunnel’ in twelve antitheses”, *The Tunnel at 25. An online symposium*, 2020, available at: <https://thetunnelat25.com/glass-and-dirt-the-tunnel-in-twelve-antitheses/> (Accessed 5 June 2022).
- Hix, H.L. (2002), *Understanding William H. Gass*, University of South Carolina Press, Columbia, SC, USA.
- Kellman, S.G. (2020), “ ‘The Tunnel’ into the future”, *The Tunnel at 25. An online symposium*, available at: <https://thetunnelat25.com/the-tunnel-into-the-future/> (Accessed 5 June 2022).
- LeClair, T. (1977), “The art of fiction”, *The Paris Review*, iss. 70, available at: <https://www.theparisreview.org/interviews/3576/the-art-of-fiction-no-65-william-gass> (Accessed 3 June 2022).

- Madera, J. (2013), "Sentenced to depth", *Rain Taxi*, Spring, available at: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-john-madera-2012-4b48ee6fd0c4#.5mcgjotdc> (Accessed 1 June 2022).
- Nikulina, A.K. and Baranova, N.V. (2023), "The artistic image of the U.S. Midwest in the novels by W. Gass and D.F. Wallace as a metaphor of human existence", *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, vol. 15, iss. 1, pp. 103–112.
- Saltzman, A.M. (1991), "Language and conscience", *The Review of Contemporary Fiction*, Fall, available at: <https://medium.com/the-william-h-gass-interviews/william-h-gass-interviewed-by-arthur-m-saltzman-1991-40d86feafe73> (Accessed 1 June 2022).
- Silverblatt, M. (1995), "A small apartment in hell", *Los Angeles Times*, March 19, available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1995-03-19-bk-44339-story.html> (Accessed 5 June 2022).

Информация об авторе

Алла К. Никулина, кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия; 450008, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а; alla_nikoulina@mail.ru

Information about the author

Alla K. Nikulina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia; 3a, Oktyabrskoi revolutsii St., Ufa, Russia, 450008; alla_nikoulina@mail.ru

Образ американской глубинки в творчестве Персиваля Эверетта

Инна В. Щепачева

*Казанский федеральный университет, Казань, Россия,
inna.schepacheva@yandex.ru*

Аннотация. Для афроамериканской литературной традиции всегда было характерно противопоставление большого города и глубинки, индивидуума и общины, что восходит еще к коллективному сознанию афроамериканцев. В творчестве современного афроамериканского писателя Персиваля Эверетта американская глубинка играет если не первостепенную, то существенную роль, поскольку довольно часто местом действия своих романов писатель выбирает небольшие американские города и их окрugi. Примером такого произведения может служить роман «Американская пустыня» (*American Desert*, 2004). Действие романа начинается в Лос-Анджелесе, а затем переносится в южный малонаселенный штат Нью-Мексико, который знаменит своими безлюдными пустынями и отсутствием больших городов. Обращаясь к каноническим топосам афроамериканской литературы, Эверетт противопоставляет две локации, изображая особенности образа жизни героев, их обычаи и нравы, отношение к семейным ценностям, религии, медицине, государству и т. д. Жизнь в городе регламентируется традиционными нормами приличия, соблюдение которых носит формальный характер, тогда как американская глубинка выступает местом для проведения устрашающих и опасных экспериментов. Кроме того, для создания образа американской глубинки писатель обращается к популярным стереотипам, связанным с пустынями Нью-Мексико, и обыгрывает их в постмодернистском ключе.

Ключевые слова: афроамериканская литература, Персиваль Эверетт, американская глубинка, Лос-Анджелес, теории заговора, пустыня

Для цитирования: Щепачева И.В. Образ американской глубинки в творчестве Персиваля Эверетта // Вестник РГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 1. С. 78–86. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-78-86

The image of the American province in Percival Everett's creativity

Inna V. Shchepacheva

Kazan Federal University, Kazan, Russia,

inna.schepacheva@yandex.ru

Abstract. The African American literary tradition has always been characterized by the opposition between city and province, individual and community, which goes back to the collective consciousness of African Americans. In the work of the contemporary African-American writer Percival Everett, the American outback plays, if not a primary, then a significant role, since quite often the writer chooses small American towns and their surroundings as the setting for his novels. An example of such a work is the novel *American Desert* (2004). The narration starts in Los Angeles and then moves to the southern, underpopulated state New Mexico, which is famous for its desolate deserts and the absence of large cities. Addressing canonical topoi of African American literature, Everett contrasts two locations, depicting the peculiarities of the characters' lifestyle, their customs and mores, their attitude to family values, religion, medicine, the state, etc. Life in the town is regulated by traditional standards of decency and its formal following, while the American province serves as a place for frightening and dangerous experiments. In addition, to create the image of the American province, the writer turns to popular stereotypes associated with New Mexico deserts and plays with them in a postmodern way.

Keywords: African American literature, Percival Everett, American province, Los Angeles, conspiracy theories, desert

For citation: Shchepacheva, I.V. (2024), "The image of the American province in Percival Everett's creativity", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 78–86, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-78-86

В своем творчестве современный американский писатель афроамериканского происхождения Персиваль Эверетт (Percival Everett, род. 1956 г.) часто заявляет о своей принадлежности, в первую очередь, к американской литературной традиции и осознанно избегает явных расовых категорий и топосов афроамериканской литературы, о чем не раз упоминал в своих интервью. «Это абсолютная правда, что любое произведение афроамериканского писателя затрагивает расовые вопросы. К сожалению, это новая американская действительность. Если же в произведении нет никаких упоминаний о расе, то произведение не заслуживает лестных

комментариев»¹. Но, несмотря на все настойчивые и, возможно, в большей степени провокационные заявления Эверетта, афроамериканская составляющая явно присутствует в творчестве писателя. В этом плане показательным становится роман 2004 г. «Американская пустыня» (*American Desert*), где главным местом действия становится американская сельская местность, составляющая оппозицию современному мегаполису, что, по мнению российской исследовательницы И.В. Гусаровой, является устойчивым топосом именно афроамериканской традиции, выраженном в «противопоставление города и деревни, индивидуума и общины» [Гусарова 2003, с. 7]. Действие романа начинается в Лос-Анджелесе, а затем переносится в южный малонаселенный штат Нью-Мексико. Главным героем романа является университетский профессор Теодор Стрит, который за долгие годы преподавания в учебном заведении не может получить достойную должность, хотя достаточно профессионально справляется со своими обязанностями. Проблемы как на работе, так и в семье приводят его к мысли о самоубийстве, однако на пути к предполагаемому месту самоубийства он попадает в страшную автомобильную аварию и ему отрезает голову. Главный герой воскресает на третий день после своей смерти. Естественно, что это событие не может остаться незамеченным, и Теда несколько раз похищают государственные, медицинские и религиозные организации, и, таким образом, главный герой оказывается в пустыне на юге страны.

Роман разделен на четыре части, и лишь события первой части книги разворачиваются в Лос-Анджелесе. Образ города показан через его жителей, в первую очередь через университетских преподавателей, которые представляют собой обособленную группу, не вписывающуюся в общество и не способную в нем существовать. «Он – университетский преподаватель; он совершенно не умеет незаметно растворяться в толпе, не говоря уже о том, чтобы выжить и одновременно заботиться о жене и детях. Пытаться тайно переселить куда-то преподавателя английского – все равно, что изменить имя профессионального баскетболиста и попробовать спрятать его в чужой команде»².

Сардоническому осмеянию подвергается образ декана факультета с именем Орвилл Орсон. Весьма карикатурно описанная внешность Орсона совпадает с его манерой поведения. Эверетт

¹ *Qian J.* Art makes us better. The millions interviews Percival Everett. URL: <https://themillions.com/2022/06/art-makes-us-better-the-millions-interviews-percival-everett.html> (дата обращения 01.03.2024).

² *Everett P.* American desert. URL: э (дата обращения 01.03.2024).

называет его «жирным боровом», который был специалистом по Джойсу, «но которого всей душой презирал (он посвятил свою карьеру тому, чтобы выставить великого прозаика посредственным, пусть и пронырливым писакой) <...> Независимо от погоды, Орсон носил подтяжки и льняной костюм в полоску. Его потная и мясистая ладонь втиснулась в потную, мясистую ладонь священника»³. Создавая комичный образ университетских преподавателей, писатель явно говорит об их несостоятельности ни как ученых, ни как удачных руководителей.

Следующей группой представителей городской среды, к негативному описанию которой обращается писатель, являются образы журналистов и СМИ в целом. В романе образ журналистки Барби Бекер олицетворяет собой классический образ журналиста-папарацци. Ее говорящее имя Барби не случайно, оно свидетельствует о внешней красоте и успешности тележурналистки на экранах телевизора, но на самом деле, в личной жизни Барби одинока и глубоко несчастна. «Эта женщина выглядит на свой возраст и ни годом меньше, кожа давно испорчена косметикой, взгляд пуст и неосмысленный – после стольких лет самообмана и неуверенности в себе»⁴. Эта цитата из романа как нельзя лучше описывает свойственные мегаполисам телевизионные сообщества, где на первый план выходит внешность, а не внутреннее содержание человека, а новости зачастую представляют собой искаженные и провокационные «сенсации».

Научному и современному Лос-Анджелесу Эверетт противопоставляет пустыню штата Нью-Мексико. Рассуждая о выборе места действия, Эверетт называет две причины. Во-первых, штат Нью-Мексико является пейзажем, способным передать американскую действительность. «Впервые увидев юго-западный пейзаж, я понял, что это мой пейзаж. Лос-Анджелес не отражает то, что я имею в виду, когда говорю “Запад”, хотя этот город мне нравится больше, чем любой другой. Я бы провел лето в Нью-Мексико, взяв лошадей и уехав в горы на несколько недель»⁵. Кроме того, Эверетт упоминает расистское прошлое этого региона. Известно, что долгое время штат Нью-Мексико был территорией, открытой для рабства. Как признается сам автор, «на Севере, в частности в Нью Йорке, никогда не было такого сосредоточения черных людей, как на Юге. Но в таком случае американский Юг становится своеобразным «козлом отпущения» за широко распространенный расизм на этой

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ *Qian J.* Art makes us better...

территории. Но, несмотря на это, все-таки вопросы расизма неотделимы от американского Юга»⁶.

Известная российская исследовательница О.Ю. Панова отмечает, что «одной из основных тем еще первых негритянских авторов было описание движения с Юга на Север, от рабства к свободе, от угнетения к независимости» [Панова 2013, с. 85]. Эту же идею развивает теоретик и специалист по афроамериканской литературе Р. Степто, который помимо литературы «восхождения», в которой описывается реальное или символическое путешествие афроамериканцев на Север, обретение свободы, но потеря связи с общиной, описывает литературу «погружения». В ней герои двигаются на Юг, где их свобода ограничивается, однако при этом они находят нечто более важное: ценности общины» [Stepeto 1979, p. 11]. Так и в романе Эверетта: герой, подобно своим предкам, все больше продвигаясь в южном направлении, теряет свою свободу в результате бесконечных похищений, но при этом обретает символическую независимость и преодолевает внутренний кризис, толкающий его на самоубийство в начале романа. К тому же сам мотив похищения отсылает нас к истории рабства, когда миллионы негров насильственным образом были отправлены в Америку.

Помимо того, в романе можно встретить и другие устойчивые клише афроамериканской литературы. Главный герой является профессором английского языка Университета Южной Калифорнии, что позволяет причислить его к так называемой «черной буржуазии», формирование которой начинается в начале XX столетия. Черная элита противопоставляется основной части афроамериканцев, ее образ жизни, быт, образование кардинально отличаются от жизненного уклада черных масс, и эта разница становится все более болезненной. Как пишет О.Ю. Панова, «этот разрыв с массой негритянского населения начнет преодолеваться уже с 1910-х гг., но ликвидирован он так и не будет и станет источником вражды между “очкариками” и “крысами”, породив еще одно общее место черной культуры» [Панова 2014, с. 418].

В романе также широко используется библейская образность, которая, по словам Пановой, «вошла в культурный обиход еще во времена рабства» [Панова 2013, с. 89]. Помимо названия романа, Эверетт буквально заимствует сцены из Ветхого Завета, когда измученный Тед, подобно Моисею, бродит по пустыне в поисках обетованной земли. Воскрешение главного героя буквально отсылает к образу Христа, с которым негры ощущали душевное родство, потому что для них он был страдающим человеком. Ю.Л. Сапож-

⁶ *Qian J. Art makes us better...*

никова пишет, «что афроамериканцы создали особый вид христианства, в котором главными были стремление к свободе и традиция духовного сопротивления» [Сапожникова 2015, с. 226].

Противопоставление современного Лос-Анджелеса и сельской пустыни во многом показано на примере отношения американцев к религиозным вопросам. В большом городе соблюдение религиозных обрядов носит скорее формальный характер, и американцы посещают церковь по привычке, забывая об истинных мотивах данного ритуала. Что же касается американской глубинки, то в ней отношение к религии является радикальным и фанатичным. Эверетт создает образы религиозных фанатиков, которые похищают Теда множество раз. В первом лагере главой секты является мужчина с большой бородой и светлыми волосами, в красной куртке и штанах, который напоминает Санта-Клауса. Но его милостивая внешность не соответствует его враждебным поступкам и мыслям, что и замечает главный герой при встрече с религиозным фанатиком. «Тед почувствовал жалость и в то же время неизбежную брезгливость при мысли об этом жирном, жалком подвижнике»⁷. Глава паствы намерен нанести удар по правительству. С этой целью на протяжении десятков лет он собирает военный арсенал, а первым шагом на пути к перевороту становится похищение детей. Главой второй секты является Негация Фрашкарт, толстая, глупая, но добрая женщина, которая подвергалась насилию в детстве. Все участники религиозной секты представляют собой малообразованных людей с явными психологическими травмами или отклонениями, что и отмечает писатель. «Негация вышла вперед и обратилась к своим единоверцам с той самой блаженно-идиотской улыбочкой, с горящим светом веры в глазах. Ее подопечные улыбались столь же вяло: все – блондинки или блондины, натуральные или крашенные, лица мертвенно-бледные, взгляды безучастные, а невнятное бормотание напоминало скорее неумолчное одобрителное гудение»⁸. Подобное описание секты понятно американскому читателю, для которого оно является отсылкой к реальным событиям, как, например, убийства, совершенные общиной Чарли Мэнсона. Если в большом городе жители не религиозны, даже скорее являются атеистами, то американская глубинка выступает идеальным местом, где процветают подобные группы, в которых вера заменяется слепым следованием, а лидерами выступают тяжелобольные люди, использующие психологические приемы для привлечения паствы.

⁷ *Everett P. Op. cit.*

⁸ *Ibid.*

Кроме того, пустыня является идеальным и скрытым местом для различного рода научных экспериментов. Для большинства американцев пустыня Нью-Мексико ассоциируется с небольшим городом Розуэлл, который стал известен в 1947 г. благодаря таинственным событиям, связанным с НЛО и приземлившимися инопланетянами. Существует мнение, что власти США скрыли факты крушения, что является одной из наиболее известных теорий заговора, которую Эверетт обыгрывает в романе. В романе дается объяснение таинственным событиям 1947 г. По словам военных, на самом деле никакого крушения НЛО и высадки инопланетян не было. Американцы подстроили все, создали симуляцию и сделали это по двум причинам: чтобы прославиться на весь мир и незаметно наблюдать за мирными жителями, которые толпами стекаются к этому месту. Таким образом, в романе Эверетта возникает двойная теория заговора, или заговор о заговоре.

Согласно еще одной конспирологической теории, в пустынях Нью-Мексико находится подземное сооружение, заявившее о себе в 1988 г. В американской прессе была опубликована статья, в которой утверждалось, что «дьявольские захватчики из другой звездной системы основали секретную подземную базу в скалистых горах Нью-Мексико, в которой они планируют отлавливать людей и использовать их как подопытных кроликов в своих причудливых генетических экспериментах» [Barkun 2006, с. 111]. В романе в пустыне Нью-Мексико располагается секретная научная база, в которой ведутся разработки по клонированию Иисуса Христа. Весь абсурд ситуации заключается в том, что еще ни один Иисус, который является потенциальным солдатом, не получился нормальным: у кого-то нет рта, у кого-то отсутствуют руки или ноги, и практически все они умственно отсталые. В конце романа Тед возвращается на землю вместе с ученым, который занимается вопросами клонирования, и наиболее удачным клоном Иисуса Христа, где Эйвери – отец Иисуса, Тед – святой дух, а Иисус-19 и есть Христос. Эверетт открыто называет их Троицей (англ. *Trinity*), что отсылает читателя к знаменитым событиям, происшедшим также в пустыне Нью-Мексико в 1945 г., а именно испытанию первой технологии ядерного оружия, получившего название «Тринити».

Главой секретной лаборатории является доктор Лаойнез, которая маниакально заинтересована наукой. Но ее заинтересованность, как и в случае с религиозными представителями, перерастает в одержимость. «Я могу делать все, что хочу, с чем хочу и с кем хочу, и никто не жалуется. Никто не вопит о защите животных, о правах человека или там гражданских правах и о безопасности ис-

следований. Я здесь – царь и Бог»⁹. Эта цитата из романа как нельзя лучше показывает, что, во-первых, правительство использует людей для научных опытов, и все гуманное им чуждо, а во-вторых, пустыня с ее безлюдной обстановкой становится идеальным местом для проведения несостоятельных, а порой и абсолютно сумасшедших экспериментов под руководством военных и ученых.

Обращаясь к традиционному для афроамериканской литературной традиции противопоставлению большого города и безлюдной глубинки, в романе Эверетт изображает особенности образа жизни американцев, их кардинально отличающее отношение к различным государственным, социальным и общественным институтам. Кроме того, писатель активно использует традиционные топосы черной литературы, которые способствуют раскрытию образа американской глубинки.

Литература

- Гусарова 2003 – *Гусарова И.В.* Литературная традиция в творчестве афроамериканских писателей последней четверти XX в.: Тони Моррисон, Глория Нейлор, Элис Уокер: Дис. ... канд. филол. наук. МГУ, 2003. 203 с.
- Панова 2013 – *Панова О.Ю.* У истоков: складывание канона, топика и тематических констант афро-американской литературной традиции // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2013. № 5. С. 83–91.
- Панова 2014 – *Панова О.Ю.* Негритянская литература США XVIII – начала XX в.: проблемы истории и интерпретации: Дис. ... д-ра филол. наук. МГУ, 2014. 787 с.
- Сапожникова 2015 – *Сапожникова Ю.Л.* Категория идентичности как художественная доминанта в афро-американских классических и новых историях рабов (XIX–XXI вв.): Дис. ... д-ра филол. наук. Иваново, 2015. 457 с.
- Barkun 2006 – *Barkun M.* A culture of conspiracy. Apocalyptic visions in contemporary America. Berkeley: University of California Press, 2003. 255 p.
- Stepo 1979 – *Afro-American literature. The reconstruction of instruction / ed. by D. Fisher, R.B. Stepto.* N.Y., 1979. 256 p.

References

- Barkun, M. (2003), *A culture of conspiracy. Apocalyptic visions in contemporary America*, University of California Press, Berkeley, USA.
- Fisher, D. and Stepto, R.B. (1979), “*Afro-American literature. The reconstruction of instruction*”, New York, USA.

⁹ *Everett P.* Op. cit.

- Gusarova, I.V. (2003), *Literaturnaya traditsiya v tvorchestve afroamerikanskikh pisatelei poslednei chetverti XX v.: Toni Morrison, Gloriya Neilor, Elis Uoker* [Literary tradition in the works of African-American writers of the last quarter of the 20th century: Toni Morrison, Gloria Naylor, Alice Walker], Ph.D. Thesis (Philology), Moscow State University, Moscow, Russia.
- Panova, O.Yu. (2013), "At the origins. The formation of the canon, topics and thematic constants of the African-American literary tradition", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 5, pp. 83–91.
- Panova, O.Yu. (2014), *Negrityanskaya literatura SShA XVIII – nachala XX v.: problemy istorii i interpretatsii* [Black literature of the USA of the 18th – early 20th centuries. Problems of history and interpretation], D. Sc. Thesis (Philology), Moscow State University, Moscow, Russia.
- Sapozhnikova, Yu.L. (2015), *Kategoriya identichnosti kak khudozhestvennaya dominanta v afro-amerikanskikh klassicheskikh i novykh istoriyakh rabov (XIX–XXI vv.)* [The category of identity as an artistic dominant in African American classic and new slave histories (19th – 21st centuries)], D. Sc. Thesis (Philology), Smolensk State University, Smolensk, Russia.

Информация об авторе

Инна В. Щепачева, кандидат филологических наук, Казанский федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Республика Татарстан, Казань, ул. Кремлевская, д. 18; inna.schepacheva@yandex.ru

Information about the author

Inna V. Schepacheva, Cand. of Sci. (Philology), Kazan Federal University, Kazan, Russia; 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420008; inna.schepacheva@yandex.ru

Как маленький городок
попадает на первые страницы газет
(роман К. Уайтхеда «Дни Джона Генри»)

Юрий В. Стулов

независимый исследователь, Минск, Беларусь
yustulov@mail.ru

Аннотация. В романе «Дни Джона Генри» (“John Henry Days”, 2001) известный афроамериканский писатель Колсон Уайтхед обращается к феномену провинциального городка, который, чтобы выжить, использует легенду о знаменитом чернокожем рабочем Джоне Генри, принимавшем участие в строительстве туннеля Big Bend при прокладывании железной дороги Чесапик–Огайо. Он победил в соревновании с паровым молотом (человек – машина – природа), но сразу после этого умер. Со времени этого события, имевшего место в начале 1870-х гг., Джону Генри посвящались многочисленные баллады, песни, рассказы и т. д. Местные власти организуют огромный фестиваль с ярмаркой и гуляньями в надежде пополнить местный бюджет, на который съезжаются не только многочисленные туристы, но и журналисты, и так называемые писаки, задачей которых «раскрутить» данный феномен. Роман углубляется не только в личность самого Джона Генри, но и в менталитет американцев конца XX в., которые приезжают в городок Тэлкотт, помогая раскрывать как атмосферу местечка, так и провинциальной Америки в целом. Книга пародирует местные обычаи, средства массовой информации, которые питаются сенсациями, и состоит из серии виньеток, рисующих многомерный мир американской глубинки. Среди основных тем – расизм, который приобрел новые завуалированные формы, «журналистика» как феномен эволюции СМИ под влиянием развития цифровых технологий, разница в ментальности жителей мегаполисов и маленьких городов, семейные отношения и ответственность человека за свой выбор в жизни.

Ключевые слова: афроамериканская литература, американская глубинка, расизм, сатирический роман, «журналистика»

Для цитирования: Стулов Ю.В. Как маленький городок попадает на первые страницы газет (роман К. Уайтхеда «Дни Джона Генри») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 87–96. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-87-96

A small town becoming front-page news ("John Henry Days" by Colson Whitehead)

Yurii V. Stulov

independent researcher, Minsk, Belarus, yustulov@mail.ru

Abstract. In "John Henry Days" (2001), the well-known African American writer C. Whitehead addresses the phenomenon of a provincial town that, in an attempt to survive, uses the local legend of 19th century African American laborer John Henry who took part in building the Big Bend Tunnel during the construction of the Chesapeake – Ohio railroad, defeated the steam drill in a contest (a human vs non-human vs Nature) and died immediately after. To commemorate John Henry, a number of ballads, songs, stories and other memorabilia have appeared since the event that took place in the early 1870s. Local authorities arrange a grand festival with a fair and other celebrations in the hope to improve the town's budget. Not only numerous tourists come here, but also journalists, whose task is to "promote" the local phenomenon. The novel focuses on both the personality of John Henry and 20th century Americans who visit the small town of Talcott in order to reveal the atmosphere of the town as well as that of the backwaters of the USA. The book is a parody of both provincial customs and the press, which feeds off sensations, and consists of a series of vignettes depicting the multidimensional world of the American province. Among the major themes are racism which has taken disguised forms, junketeering as a phenomenon of the evolution of the media under the influence of new technologies, difference in the mentality of people living in big cities and small towns, family relationships, and responsibility of a person for his/her choices in life.

Keywords: African American literature, American province, racism, satirical novel, junketeering

For citation: Stulov, Yu.V. (2025), "A small town becoming front-page news ('John Henry Days' by Colson Whitehead)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 87–96, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-87-96

Колсон Уайтхед (Colson Whitehead) – один из наиболее успешных современных американских прозаиков среднего поколения (род. 1969), автор девяти романов, ряда рассказов и художественно-документальных книг. Свою карьеру он начал как телеобозреватель журнала "Village Voice" и критик, что впоследствии сказалось как на структуре его романов, так и их содержательной стороне. Л. Зелцер отмечает особенность писателя «вывести текстовое

пространство за пределы границ медиа»¹. Его творческая палитра многогранна. С одной стороны, он продолжает жанровую линию так называемого неоневольничьего повествования, которое стало популярным в последние десятилетия XX в., что нашло отражение в романе «Подземная железная дорога», получившем целый ряд престижных литературных премий, включая Пулитцеровскую премию 2017 г. На сегодняшний день продано уже более миллиона экземпляров романа, в котором автор, опираясь на элементы альтернативной истории, выявляет специфическую связь религиозного фундаментализма, лежащего в основании пуританской Америки, с функционированием механизма рабства. Большую роль в книге играет фантазия, благодаря чему писателю удается создать ощутимую реальность американского Юга середины 1850-х гг., которая своеобразно перекликается с сегодняшним днем. Писатель подчеркивает, что прошлое не так уж далеко отстоит от настоящего. Пытаясь понять механизм расчеловечивания людей, Уайтхед с особым вниманием подходит к передаче психологии толпы, когда человек перестает быть личностью, а поддается давлению массы.

Роман «Мальчики из Никелевской колонии» (*Nickel Boys*; другое название русского перевода «Парни из Никелевской академии»), принесший ему вторую Пулитцеровскую премию 2020 г., обращается к истории так называемой Никелевской академии, исправительной колонии для несовершеннолетних мальчиков во Флориде. Малолетние преступники, как правило, чернокожие, хотя изредка туда попадали и белые подростки, подвергались там ужасному физическому и сексуальному насилию, а некоторые из них навсегда исчезали. Писатель отталкивается от реальной истории школы имени Артура Доциера в маленьком городке, где при возведении торгового центра в начале 2010-х гг. были обнаружены останки примерно 65 подростков. Расследование с участием студентов и преподавателей местного университета раскрыло чудовищную правду о том, как «перевоспитывали» подростков в этом заведении, где «черная красавица» – это специальная плеть для экзекуций, а «белый дом» оказался местом пыток и наказаний. Отталкиваясь от реальных фактов и проецируя происходящее на американский Юг начала 1960-х гг., Уайтхед создает еще один жанровый гибрид исторического романа, благодаря чему на передний план выходит дилемма, как должен вести себя человек, поставленный в подобные обстоятельства: верить в возможность изменения общества и соответственно надеяться на лучшее или

¹ Selzer L. New eclecticism. An interview with Colson Whitehead // Calaloo. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 398. Здесь и далее перевод мой – Ю. С.

не питать иллюзий, пытаюсь перехитрить систему. Обострение расовых противоречий в эпоху Д. Трампа убедило писателя, что взаимодействие рас в стране по-прежнему отличается напряженностью и конфликтностью, а литература не может не быть ангажированной. В этом романе Уайтхед предельно реалистичен, поскольку действительно американского Юга, пропитанного столетиями расовой ненависти, говорит сама за себя.

С другой стороны, он автор таких разных в жанровом отношении произведений, как «спекулятивный» роман «Интуитивист» (*Intuitionist*, 1999) о поиске причин падения лифта в небоскребе и теории так называемой «черной коробки»; сатирический роман «Алекс скрывает рану» (*Alex Hides the Hurt*, 2006); «Сэг Харбор» (*Sag Harbor*, 2009), подростковый роман об обеспеченных чернокожих братьях, весело проводящих каникулы в так называемый постчерный (post-black) период президентства Барака Обамы, когда казалось, что расовая проблема потеряла свою актуальность; зомби-роман «Зона один» (*Zone One*, 2011), где зомби захватывают целые пространства США, угрожая самой жизни на Земле. На рубеже 2010–2020-х гг. Уайтхед выпустил Гарлемскую дилогию, состоящую из двух романов – «Гарлемская перетасовка» (*Harlem Shuffle*, 2021) и «Манифест мошенника» (*Crook Manifesto*, 2023), в которых он обращается к периоду конца 1950 – начала 1970-х гг., отмеченных резкими изменениями в жизни не только черного гетто Нью-Йорка, но и страны в целом. В настоящее время писатель работает над завершающим томом трилогии.

Роман «Дни Джона Генри» (*John Henry Days*, 2001) многослоен и трудно поддается четким определениям. Он написан в начале карьеры писателя и был в числе финалистов Пулитцеровской премии. Литературный критик газеты «Гардиан» отмечает «душевную энергию его таланта и многогранную уверенность его прозы», а среди достоинств романа выделяет «контроль» (автора над текстом. – Ю. С.), проникновенность, остроумие и веселую комичность².

В основе сюжета романа лежит легенда о чернокожем рабочем Джоне Генри, отличавшемся необыкновенной силой, который пробивал тоннель в скалах во время постройки железной дороги Чесапик–Огайо. Изобретение парового молота должно было заменить ручной труд и обеспечить скорейшее завершение работ. Чтобы подстегнуть рабочих, набранных из людей, только вышедших из заключения и обнаруживших ужасающие условия работы, хозяин

² *Jaggy M.* Railroad blues // *The Guardian*. 2001. 22 June. URL: <https://web.archive.org/web/20171128043201/https://www.theguardian.com/books/2001/jun/23/fiction.artsandhumanities> (дата обращения 15.06.2023).

устраивает соревнование чернокожего великана и машины, изобретенной белым инженером, тем самым отвлекая их внимание. Джон Генри вступает в соревнование и выигрывает его ценой своей жизни, становясь легендой американского масштаба: ему посвящаются песни и рассказы как его современников, так и людей, знавших о нем только из этих противоречивых свидетельств. Для автора главный вопрос: «Паровой молот эффективнее, но что происходит с работягой?»³, на который он пытается дать ответ в прологе и отдельных главах книги, где перед читателем предстает могучий человек, который хочет вырваться из нищеты и поддержать семью, не глядя на цену, которую требует от него катастрофический труд.

Как личность Джон Генри далеко не прост: ему платят намного лучше других рабочих, поскольку он так силен, но он чернокожий, и это вызывает раздражение и даже ненависть у ирландцев, для которых чернокожие американцы были на последней ступени социальной лестницы, и даже у его чернокожих братьев, испытывавших зависть к нему. Писатель показывает глубоко травмированного человека, который предчувствует свою судьбу. Во сне он видит, что, когда тоннель будет завершен, гора взорвется кровью, в которой он захлебнется. Его жизнь будет принесена в жертву природной стихии, которая бунтует против насилия над ней. «Ничего с этим он не может поделать. Он смотрит вверх на гору и окончательно убеждается в том, что его ждет»⁴.

Став после смерти героем мифов, Джон Генри теряет свои человеческие параметры; из него лепят тот образ, который нужен разным общественным слоям. Когда Памела, дочь человека, всю жизнь собиравшего артефакты, связанные с ним, видит статую, сооруженную в память о нем, она задумывается: «У всех, кто слышал по радио песню или рассказ о нем из детской книжки, – у всех был свой Джон Генри»⁵; «У нее не выйдет точно определить его. Его можно как угодно истолковывать. Как бы с противоположных сторон. Ведь слышишь то, что хочешь услышать»⁶. Реальный Джон Генри уже давно стал героем фольклора, причем славу его пытаются присвоить разные южные штаты, к которым он, возможно, не имел отношения.

И это связано с проблемой маленьких городов сельской Америки, живущих бедно и тускло. События книги происходят в заштат-

³ Selzer L. New eclecticism. An interview with Colson Whitehead... P. 396.

⁴ Whitehead C. John Henry days. L.: Fourth Estate, 2002. P. 286.

⁵ Ibid. P. 262.

⁶ Ibid. P. 263: “She can’t fix him. He is open to interpretation. Talking out of both sides of his mouth. You hear what you want to hear”.

ном городишке Тэлкотт в штате Западная Виргиния, т. е. «Горном штате», расположенном на территории Аппалачей. В попытке привлечь туристов и инвесторов местные власти используют легенду о чернокожем Джоне Генри и устраивают грандиозный фестиваль с ярмаркой и гуляньями, привлекая поп-звезд вроде Мика Джаггера и журналистов, которые должны рекламировать «Дни Джона Генри» по всей Америке. В описании властей и журналистов, у которых отсутствуют какие-либо моральные и эстетические принципы, писатель использует всю мощь своего сатирического таланта. Не случайно роман представляет собой как бы серию разрозненных виньеток, которые вместе с тем складываются в пеструю мозаику, рисующую нравы американской провинции, где роль прессы – коммерциализировать прошлое и раздувать сенсации, что, собственно, и происходит с легендарным героем. Вклиниваясь в разговоры журналистов и описывая их поведение, Уайтхед наглядно показывает методологию создания и распространения мифов в современном мире с его индустрией пиара.

Автор помещает героев романа в небольшой городок с двумя тысячами жителей, по сравнению с которым ближайший Хинтон кажется крупным городом (5 тыс. жителей), но жизнь в них мало чем отличается друг от друга: здесь расизм впитан с молоком матери; жители остерегаются приезжих, особенно с Севера, которые говорят иначе, чем местная публика. Южане унаследовали от предков консервативные понятия и не намерены ничего менять, хотя жизнь здесь тосклива и однообразна. Потому-то такой всплеск местного энтузиазма вызывает празднование Джона Генри: теперь тут появятся туристы, расцветет торговля, возникнут рабочие места, и все изменится. Вряд ли случайно, что жителей этих городков называют *redneck*, т. е. «деревенщиной», людьми с низким образовательным и мыслительным уровнем, которые вряд ли способны воспринимать новое. За небольшим исключением, все персонажи романа – люди старшего возраста, которые сохранили в памяти прошлое своих предков, хотя не уверены в том, что здесь происходило на самом деле. Это сказывается даже на их речи, состоящей сплошь из просторечий и диалектизмов; на их фоне мэр и его секретарша кажутся людьми из другого мира: их речи звучат выпендрено и напыщенно, что не характерно для местных обитателей.

Атмосфера места чересчур давит на героя романа Дж. Саттера, которого все для краткости называют Дж. Не успев приземлиться в Чарлстоне, он уже стремится вернуться в Нью-Йорк – настолько все вокруг раздражает его безвкусицей, неухоженностью и неряшливостью: «Лица были другими. <...> Он приехал в другую Америку, в которой он не живет. Непонятные люди жмутся к воротам в ожида-

нии братьев по крови. Бедро к бедру; изгибы и оттенки их потертых в кислоте джинсов похожи на рельефную карту погибшей конфедерации. Дети, живущие под линией электропередач, посасывают пальцы. Из-под безразмерных шорт проглядывает ярко-красная плоть, а по краям спортивных носков из полиэстера видны острые коленки, немые и бесстыдные вещи, какие-то клубни с морского дна, не вошедшие ни в один каталог из известных систем биологической таксономии»⁷. Даже небо не такое: по нему плывет вереница грязно-серых облаков (a gang of dirty clouds)⁸, и вокруг – убожество и запустение. Его взору предстает «какое-то варварство из лачуг и ржавых грузовиков; <...> один или два одиноко стоящих домика на склоне холма, потом скопление жилищ, а потом опять все редет. Вскоре он увидит дорожный знак следующего города, не выехав еще из того места, что, по его определению, было городом. За бензоколонкой даже и магазина не было. Он ничего не понимает»⁹.

Здесь чернокожий Дж. чувствует себя неуютно еще и потому, что почти все жители городка – белые, та самая «деревенщина», которая поколением за поколением воспроизводит стиль жизни времен накануне Гражданской войны. Они неприспособлены к природе, которая до постройки железной дороги отделяла их от остальной Америки рекой и горами. Тут нечем развлечься, и глазу не на чем остановиться. Даже в ресторанчике можно попробовать только традиционную жареную курочку. Жизнь тут тяжела и безрадостна. Как почтовая марка увековечивает легенду о Джоне Генри, так и этот клочок земли олицетворяет для них весь мир. Уайтхед не случайно вглядывается в обитателей городка, что дает ему ключ к пониманию их умонастроения: жизнь их примитивна и безотраднa, и этим объясняется драматическая нота, присутствующая в этих описаниях. У них нет денег и практически нет будущего; это вымирающая Америка.

Основная роль в этом принадлежит главному герою. Аудитория Дж. – социальные сети, набирающие популярность и приносящие огромные барыши своим владельцам. Особого таланта от таких,

⁷ *Whitehead C.* John Henry days. P. 14: “He has arrived at a different America he does not live in. The undiagnosed press toward the gate waiting for kin. Placed hip-to-hip, the rivulets and shadings of their acid-washed jeans describe a relief map of blighted confederacy. Powerline kids suck fingers. Between the hems of oversized shorts and lips of polyknit athletic socks sally bright red lobster flesh and craggy knees, dumb and unashamed things, sea-bottom tubers uncatalogued by any known system of biological taxonomy”.

⁸ *Ibid.* P. 15.

⁹ *Whitehead C.* John Henry days. P. 20.

как он, писак не требуется; нужно всего лишь уметь написать текст из 1200 слов за два часа, причем тематика должна носить скандальный характер, вызывая интерес широкой публики. Как и самого Дж., узнать его собратьев по перу можно по кличкам, связанным с какими-то обстоятельствами их жизни: Одноглазый, Французик, Крошка и т. д. За счет своих изданий они колятся по США, участвуя в акциях, тусовках, презентациях, выбирая только те из них, где гарантированы хорошие отели и прекрасная еда. Скандальные истории увеличивают тиражи желтой прессы, благодаря чему и содержится вся эта беспринципная братия. Понятно, почему два друга – Французик и Крошка – сравниваются с «наемниками, ведущими тайную войну с образованной Америкой» (“two fellow mercenaries in their covert war against the literate of America”)¹⁰. Культурные люди вряд ли стали бы читать подобную прессу. Визит Дж. в городок Тэлкотт вызван желанием побить рекорд поездок на разнообразные приемы и пирушки за счет интернет-изданий, что должно повысить его авторитет среди коллег, тем более что должно произойти знаменательное событие – выпуск Почтовым ведомством США марки в честь Джона Генри для увековечивания прошлого. В сатирическом изображении дешевой журналистики прослеживается опыт самого писателя, работавшего на ниве журналистики в начале творческого пути и хорошо осведомленного о царящих там нравах.

Различные части книги относятся к разным историческим периодам в жизни США: главы, посвященные Джону Генри, происходят в 1870-е гг., а фестиваль имеет место в 1996 г., когда читатель и знакомится с современной провинциальной Америкой. Хотя многие главы передают разговоры журналистов, воспоминания различных персонажей романа, связанные с фигурой Джона Генри, атмосферу провинциального городишки где-то на задворках Америки, они не создают ощущения хаотичности структуры произведения. Роман как бы состоит из разных слоев, но каждый из них подпитывает другой, в результате чего возникает его многомерность и содержательная протяженность, тем более что главной метафорой становится соревнование: для Джона Генри с машиной, заменяющей человека; а для Дж. – с современными СМИ, основанными на цифровых технологиях и взывающими к низменному в душе обывателя. Джон Генри выстоял, но и Дж. становится другим после всего увиденного и услышанного; в нем просыпается совесть.

Цвет кожи по-прежнему сохраняет свое значение в жизни страны, что особенно ощутимо в маленьком южном провинциальном

¹⁰ *Whitehead C. John Henry days. P. 47.*

городке. Общественно-политические изменения, произошедшие за последние десятилетия, не оставили здесь глубокого следа. Молодому чернокожему ученому из престижного университета, занимающемуся собиранием песен о Джоне Генри, отказали в гостинице несмотря на то, что заявка была подана своевременно. В самом университете ему было трудно пробить свой проект, и денег выделили мало. Расовая дискриминация приобрела более изощренные формы, но она никуда не делась. Уайтхед практически во всем своем творчестве поднимает тему расизма, утверждая, что его книги – «о расе в Америке; я как будто отстраняюсь и пытаюсь понять, как все работает. Может, это капитализм, а может, раса. А может, это просто странные места, куда нас заводит наше сердце»¹¹.

Все персонажи этого многослойного произведения объединены вокруг фигуры Джона Генри, который по-разному оценивается черными и белыми. Среди них выделяется великий чернокожий певец, артист и общественный деятель Поль Робсон, который должен сыграть на сцене роль Джона Генри, понимая при этом, как бездарна пьеса о нем (“a real stinker” (срань)¹². И, однако, он вкладывает в исполнение всю мощь своего таланта, чтобы вызвать реакцию публики, большинство которой – афроамериканцы. Ему претит выходить на сцену в роли «чернокожего из комиксов или туземца с копьём в леопардовой шкуре»¹³, как то обычно ожидает белая публика. Для него Джон Генри – это “a man of the land”, «человек земли»¹⁴, и он не может позволить расистам играть на стереотипах.

Принципиальна сцена чернокожих матери и дочери. Мать, принадлежащая к среднему классу, хочет сделать из девочки настоящую леди, обучая ее манерам, хорошему тону, музыке и т. д. Для нее афроамериканцы – это «грязные мужики в рубашках, торчащих из штанов, которые пьют чертов алкоголь и от которых разит перегаром <...> никчемные ниггеры»¹⁵, и, когда она слышит, как Дженнифер наигрывает песню о Джоне Генри, она приходит в ужас и запрещает ей играть «такую» музыку. Но эта песня хорошо известна в Америке. Ее распевает бездомный Тони: «Этот старый молот убил Джона Генри, но меня он не убьет! Этот старый мо-

¹¹ Author Colson Whitehead on “The Nickel Boys” and fantasy vs realism. URL: http://www.youtube.com/watch?v=mr_xgWPcF1A (дата обращения 08.04.2023).

¹² Whitehead C. John Henry days. P. 226.

¹³ Ibid. P. 229.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

лот убил Джона Генри, но меня он не убьет!»¹⁶. Она звучит из уст пьяного джазиста Мозеса, который посвящает свой вариант песни переживаниям великана Джона Генри, который на рассвете своего последнего дня думает о своей жене и об уходящей жизни, и люди, слушающие Мозеса, откликаются на посыл песни; они почувствовали себя рядом с героем в его последний миг. И певец ощутил их реакцию: «...они знали, что он поет о них. Мозес сделал свое дело. Он заглушил голоса людей в углу комнаты, где болтали о зарплатах и женщинах, заставил возлюбленных отбивать ритм. Мать всегда говорила: “Джеймс, тебе надо было стать проповедником”»¹⁷.

В эти дни на пути Дж. возникает молодая женщина, приехавшая в Тэлкотт, чтобы развеять прах своего отца, посвятившего все свое свободное время артефактам, связанным с Джоном Генри, которые она передает созданному музею героя. Уайтхед вводит лирическую струю в мозаику романа. Книга заканчивается открытым финалом, который можно трактовать по-разному. Дж. уже не такой, каким он приехал на фестиваль. В нем произошли серьезные перемены, заставившие его задуматься и о себе, и своих собратьях, и своей стране. Двусмысленность образа Джона Генри из XIX в. переносится на Дж. из XXI в., заставляя читателя взглянуть в непростую историю США. Перед читателем проходят люди разной расы, разного возраста и социального положения, жители мегаполиса и провинциалы из американской глубинки, благодаря чему роман Колсона Уайтхеда занял заметное место в литературе США 2000-х гг.

Информация об авторе

Юрий В. Стулов, кандидат филологических наук, доцент, независимый исследователь, Минск, Беларусь; yustulov@mail.ru

Information about the author

Yurii V. Stulov, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, independent researcher, Minsk, Belarus; yustulov@mail.ru

¹⁶ *Whitehead C.* Op. cit. P. 308.

¹⁷ *Ibid.* P. 261.

Глубинка как фактор поэтики американского нарратива

УДК 82-9(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

Глубинка в южной готике

Ирина В. Морозова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, irinators@gmail.com*

Аннотация. Американская готика представляет собой сложное культурное и литературное явление, обеспеченное региональной спецификой США. Под «зонтиком» термина помещаются две своеобразные традиции готической литературы – новоанглийская, в большей степени сфокусированная на погружении в глубины человеческой психики и тщательно фиксирующая различные рефлексии персонажей, и южная, обязанный своим появлением тяжелым переживаниям и размышлениям южан по поводу смерти мифологического прекрасного Юга в результате Гражданской войны. В силу специфической социокультурной жизни на Юге не было крупных урбанистических центров, сердцем Юга является глубинка, с характерной для нее укорененностью в традициях прошлого. Южная глубинка – скорее топос, обобщенное место разворачивания смыслов, связанных с уникальным южным опытом жизни, часто набор устойчивых фабульных формул, а также общих мотивов, проблем и сюжетов. В статье рассматриваются некоторые типические черты поэтики южной готики.

Ключевые слова: американская готика, южная готика, глубинка, южный локус, южный топос

Для цитирования: Морозова И.В. Глубинка в южной готике // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 97–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

© Морозова И.В., 2025

The outback in Southern Gothic

Irina V. Morozova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, irinamoro@gmail.com*

Abstract. American Gothic is a complex cultural and literary phenomenon provided by the regional specificity of the USA. Two peculiar traditions of Gothic literature are placed under the “umbrella” of the term – the New England tradition, which is more focused on the immersion into the depths of the human psyche and carefully records various reflections of characters, and the Southern tradition, which owes its emergence to the heavy agonizing of Southerners on the death of the mythological beautiful South as a result of the Civil War. Due to the specific sociocultural life in the South, there were no large urban centers; the heart of the South is the outback, with its characteristic rootedness in the traditions of the past. The Southern outback is rather a topos, a generalized place of unfolding of meanings associated with the unique Southern experience of life, often a set of stable fable formulas, as well as common motifs, problems and plots. The article discusses some typical features of Southern Gothic poetics.

Keywords: American Gothic, Southern Gothic, backwoods, southern locus, southern topos

For citation: Morozova, I.V. (2025), “An outback in Southern Gothic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 97–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-97-110

У Лесли Фидлера есть забавное высказывание об американской литературе, которая, по его мнению, была поразительно готической, нереалистичной и негативной, «садистской и мелодраматической – литературой тьмы и гротеска в стране света и доверия», где он противопоставляет мрачность художественного образа Америки оптимистическому коллективному представлению о стране [Fiedler 1998]. Собственно, готику он даже не выделяет в самостоятельный жанр, в другой своей работе высказывая мысль о том, что американская готика больше «патологический синдром», чем реальное литературное явление [Fiedler 1998].

Для другого известного исследователя готической литературы, Эрика Савоя, она «воплощает в себе и дает голос мрачному кошмару, который является оборотной стороной “американской мечты»» [Savoу 2002]. Тереза Годду также говорит о тьме как преобладающей черте готики, являющейся, с одной стороны, следствием

отсутствия у Америки истории, с другой – наличием пуританского наследия, поэтому американская готика, с ее точки зрения, удаляется от социума и уходит в сторону «глубоко запрятанной тьмы американской души» [Goddu 1997].

С этими высказываниями можно спорить или соглашаться, но одно очевидно – в большинстве своем американские авторы склонны рассматривать готику, во-первых, как нечто непосредственно связанное с жизненными установками Америки и ее социальным климатом, а во-вторых, они рассматривают ее как общую готическую американскую традицию, которая восходит к началу XIX в. – к творчеству Эдгара Аллана По и Натаниеля Готорна.

Данное утверждение представляется весьма проблематичным, ибо здесь мало учитывается собственно один из важнейших культурных феноменов страны, непосредственно формирующий и литературную традицию, – ее регионализм. Под одним «зонтиком» оказываются абсолютно различные по своей поэтике готические традиции: одна – связанная с новоанглийским культурным кодом со свойственной новоанглийской ментальности углубленной интроспекцией, а другая – южная, порожденная самой историей Юга, его неповторимой трагической судьбой.

Поэтика южной готики в значительной степени отличается от классического образца готической литературы. В работах писателей этого жанра на Юге нет ни мистических декораций, ни сверхъестественных явлений. Если авторы готических романов стремились отдалить своих героев от окружения, поместить их в необычайные обстоятельства, пространства, не имеющие отношения к повседневной жизни, увести героев как можно дальше от общества, то представители южной готики, напротив, делали их самыми заурядными жителями провинциального юга США и показывали их неразрывную связь с местом и социумом. Небольшие городки Луизианы, Алабамы, Теннесси, Миссисипи становятся главным локусом, в котором разворачиваются действия произведений южной готики. Пожалуй, единственное, что связывает южную готику с классическим образцом – это постоянное ощущение приближающейся катастрофы, являющееся одним из важнейших ключевых мотивов всей южнототической литературы. Как и в классической готике, южный писатель различными скрытыми намеками, предзнаменованиями и символами ведет читателя к развязке, ужасающе жестокой и трагической.

До Гражданской войны Юг позиционировал себя как гармоничное патриархальное сообщество, что выпукло проявилось в южном мифе с его главными мифологемами южного джентльмена, южной леди, черной мамушки, с его особым кодексом чести, который,

как указывает американский историк Бернард Уайат-Браун, по существу, является комплексом этических правил «наиболее часто встречающийся в социальных организациях небольших общин, где суждения о поведении подтверждаются единодушным решением общины. Целостность и неприкосновенность семьи, ясно понимаемая иерархия руководителя и подчиненного, предписанные индивидуальные и групповые характеристики являются ведущими ориентирами в решении общины. Под “предписанными характеристиками” следует понимать такие биологические детерминанты, как раса и цвет кожи, пол, кровное родство, физическое состояние и конституция, возраст и унаследованное социальное положение <...> честь – это моральная собственность всех, кто входит в общину, это то, что определяет право на ее существование как таковой» [Wyatt-Brown 1985, p. xv].

Привычный для готики локус пугающего дома в южном сознании был в первую очередь не физическим и даже не культурным, а этическим пространством, где человек, если использовать определение Лотмана, «обретает мир милой домашности, жизни, пропитанной культурой – духовным трудом предшествующих поколений, атмосферой любви, мир, из которого изгнана жестокость» [Лотман 1999, с. 273].

Жестокость, по мнению южан, в их общий дом вошла после Гражданской войны, и южная готика как жанр появляется только в XX в., но подготовительный период занял почти столетия, когда после проигрыша в Гражданской войне Юг оплакивал свое «проигранное дело», – довоенный Юг с его мифом о гармоничном патриархальном обществе, – грубо разрушенном северянами. Разоренный, униженный Юг долгое время не мог оправиться, чувство оскорбленного достоинства подкреплялось экономическими проблемами. Нищета и упадок, разрушение и смерть – все это порождало глубинное ощущение безжалостного мироздания, мироздания, утратившего Бога.

В разговоре о южной глубинке в южноготическом повествовании можно опереться на высказывание одного из современных творцов южноготического романа, Милтона О’Нила Уолша. Определяя специфический характер южной готики, Уолш, уроженец Луизианы, автор романов, получивших признание критики и читателей, в статье «Почему южная готика правит миром» выделяет существенные стороны южной готики, которые мы постараемся раскрыть и проиллюстрировать.

Любопытна метафора велосипеда, которую использует писатель, определяя, что такое южная готика и в чем ее неиссякаемая привлекательность. «Южная готика, – пишет Уолш, – подобна

проверенному велосипеду <...> дело не только в том, что южане говорят слишком медленно, чтобы метафора автомобиля могла сработать. Скорее, это родство в том, как эти две вещи смонтированы и украшены <...>. Во-первых, руль. Южную готику направляет аутентичность. <...> “боги” жанра – это писатели, которые тратят свою творческую энергию на “почтовую марку” почвы под их ногами; писатели, которые знают, о чем говорят <...>. Покажите мне автора южноготического романа, который бы не был южанином, и вполне вероятно, я покажу вам плохой роман <...>. Южная готика всегда рождается из своей культуры»¹.

Действительно, южные писатели знают, о чем говорят. Южанка Кэтрин Э. Портер, например, была убеждена в том, что все серьезные литературные произведения основаны на жизненном опыте писателя. Действительно, творцы южноготического повествования родились и выросли в небольших южных городках: Фолкнер – в Нью-Олбани, Миссисипи, чье население даже сейчас не превышает 8 тысяч человек, а всю оставшуюся жизнь провел в Оксфорде, с современным населением чуть более 20 тысяч. Флэннери О’Коннор, говоря о своем городке Милледжвилл в штате Джорджия, утверждала, что живет в сельской местности, где разводит уток и фазанов. Детство Трумена Капоте и Харпер Ли прошло в маленьком городке Монровилл в юго-западной части штата Алабама, Карсон Маккаллера – в Коламбусе, штат Джорджия, Фэнни Флэгг родилась и выросла в Айрондэйле, пригороде Бирмингема, Донна Тартт – в городе Гринвуд, штат Миссисипи, А ведущий представитель южноготического современного романа, или, как называют его критики, «Иеронимус Босх южноготического романа» Гарри Крюз, так лаконично описывает место своего рождения: «Я родился 7 июня 1935 года в конце грязной дороги в графстве Бэйкон, Джорджия»². «Грязная дорога» – это своего рода метафора локуса и даже *locus terribilis* южноготического повествования.

И даже если детские годы писателя прошли в более крупных городах, даже столицах штатов, как, например, у Юдоры Уэлти в Джексоне, штат Джорджия, или у Томаса Вулфа в Ричмонде, штат Виргиния, все равно эти города с населением не более 200 тысяч трудно определить как урбанизированное пространство, поскольку

¹ Walsh M.O. Why Southern Gothic rules the world // The Guardian. 2015. 4 Jul. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/jul/04/southern-gothic-fiction-harper-lee-go-set-watchmen> (дата обращения 20.01.2024).

² Crews H. Classic Crews: a Harry Crews reader. A childhood: The biography of the place. N.Y.: Simon & Schuster, 2014. P. 10 (здесь и далее перевод мой. – И. М.).

южная культура, по преимуществу аграрная, патриархальная, достаточно тяжело адаптировалась к условиям урбанизированного образа жизни.

Укорененность в собственной культуре позволила писателям, рожденным в южной глубинке, представить правдивую картину реалий, сохранившихся в их родном регионе.

Это объясняет чувства героев-южан при соприкосновении с городом. Как, например, показывает Ф. О'Коннор в рассказе «Судный день», где герой (Тэннер) мечтает вернуться домой любой ценой: «главное – добраться, а уж живым или мертвым – это как Бог даст»³. Герою не дает жить «смрадный нью-йоркский воздух», он чувствует себя там чужим: «там, у себя, он хоть и жил в хибаре, так зато мог дышать. И мог ходить по земле. И она (дочь) здесь даже и живет-то не в доме. Понатыкали в небо голубятен»⁴.

Так что с уверенностью можно сказать, что общим местом рождения и писателя южной готики, и самого феномена является настоящая американская глубинка, как с точки зрения удаленности от центра, городской цивилизации, так и с точки зрения консервативности мышления.

Вторым отличительным признаком готики, по мнению Уолша, является система персонажей. «Во-вторых, – корзина. Корзина этого велосипеда полна живых персонажей. Ученые не раздумывая называют их “гротескными”, поскольку они часто исковерканы, нетерпимы, жестоки, но перо южного автора обрисовывает их сочувственно и правдиво <...>. Это не гротеск. Это тяжелый труд и тяжелая жизнь, эти герои просто отмечены физическими шрамами, которые многие из нас носят внутри <...>. Вся южная готика без исключений создает персонажей громких и ясных»⁵.

Вспомним этих «громких и ясных» персонажей, созданных корифеями южной готики. Одни персонажи отмечены ментальной болезнью, как Бенджи Компсон из «Шума и ярости», Айк Сноупс из «Деревушки», Дарл из «Когда я умирала» Фолкнера, Люсинел Крейтер из «Береги чужую жизнь – спасешь свою!» Флэннери О'Коннор, другие – физическими недостатками, например, – безногая Джой/Хулга из рассказа «Хорошие деревенские люди» той же О'Коннор, искалеченный Робинсон в «Убить пересмешника» Харпер Ли, чья рука застряла в волокноотделителе, когда ему

³ О'Коннор Ф. Судный день. М.: Азбука, 2005. URL: <https://predanie.ru/book/216986-na-vershine-vse-tropy-shodyatsya/#/toc11> (дата обращения 15.02.2024).

⁴ Ibid.

⁵ Walsh M.O. Op. cit.

было 12 лет, немые герои романа Карсон Маккаллере в «Сердце, одинокий охотник» и тому подобные персонажи, определенно являющиеся неким «Иным», «Другим», подвергающимся жестокому обращению, пренебрежению, а часто и насилию со стороны своих семьи и общины. Однако они изображены так, чтобы вызвать симпатию к героям повествования и откровенно призывая к сочувствию. Флэннери О'Коннор по этому поводу с присущей ей иронией как-то сказала: «Всякий раз, когда меня спрашивают, почему южные писатели особенно любят писать об уродцах, я отвечаю, что это потому, что мы все еще можем их распознать»⁶.

Однако истина кроется в том, что южные писатели искренне сочувствуют своим героям и воспринимают их уродство как явленные всем травмы души человеческой. Думается, одним из ярких примеров, раскрывающих эту мысль, является эпизод в автобиографическом повествовании Гарри Крюза:

«Мне кажется, я знаю, почему, и я знаю, когда я начал любить уродцев. Как-то я арендовал угол у одних уродцев, мужа и жены, и однажды, проснувшись утром, увидел их в конце трейлера на кухне. Они тихо стояли в тусклом желтом свете спиной друг к другу. Я не мог различать их лиц, но был достаточно близко, чтобы отчетливо слышать их разговор.

– Что у нас на ужин, дорогая?! – спросил он.

– Фрэнк энд бинс, с небольшой порцией свежего салата, – ответила она.

А затем они повернулись друг к другу, освещенные бледным желтым светом. У леди была борода, почти такая же густая, как моя собственная, около трех дюймов длиной и очень черная. У мужчины была заячья губа. Его лицо разделял раздваивающийся кверху нос, так, что его глаза были расположены почти по разные стороны головы, а посередине был третий, да и не глаз вовсе, а подобие фальшивого века над ничего не видящим круглым выступом. <...> Они поцеловались. Их губы соприкоснулись, я услышал, что они что-то прошептали друг другу, и он вышел. А я, лежа в конце трейлера, уже никогда не был прежним. <...> Я никогда не забывал, как чудесны и особенны были эти люди, и они тоже говорили о том, нуждались в том и мечтали о том, о чем говорят, нуждаются и мечтают все остальные. Он мог бы быть обычным мужем с любой работой. Просто так случилось, что у него

⁶ *O'Connor F.* Some aspects of the grotesque in Southern literature. URL: [/www.themarginalian.org/2014/03/25/flannery-o-connor-grotesque-reading/#:~:text=Whenever%20I'm%20asked%20why,%2C%20in%20the%20main%2C%20theological](http://www.themarginalian.org/2014/03/25/flannery-o-connor-grotesque-reading/#:~:text=Whenever%20I'm%20asked%20why,%2C%20in%20the%20main%2C%20theological) (дата обращения 15.02.2024).

было это разделенное надвое лицо. Это не какое-то там поразительное откровение, я знаю, но это одно из тех, что отвергается большинством из нас, потому что у нас есть это слово “нормальный”, и мы можем сказать, что мы нормальные, потому что психологическое, сексуальное или душевное отклонение – при наличии небольшой удачи – может быть хорошо спрятано от остального мира»⁷.

Подобно другим мастерам южной готики, Крюз исследует секреты, лежащие в основе индивидуальной жизни, и напоминает нам, что нужно смотреть и слушать внимательно, проявлять сострадание, прочувствовать каждого из своих исковерканных жестоким случаем или жестокой наследственностью героев. При этом Крюз, как и каждый южный писатель, проявляет не просто способность к эмпатии. Как говорила Ф. О’Коннор, определяя специфику гротеска в южной литературе, «южный писатель со всех сторон вынужден смотреть дальше поверхности, за пределы простых проблем, пока не коснется той сферы, которая волнует пророков и поэтов»⁸.

Третьей особенностью Уолш считает неповторимый южный язык. «В-третьих – индикаторы. Яркие индикаторы на руле велосипеда – это язык. Южных авторов отличает уникальная связь с устной традицией историй, рассказанных на веранде, они находят особое удовольствие в построении ярких предложений <...>. В конце концов, мы чувствуем, что если не можем развлечь родственников, потягивающих бурбон, то стоит ли рассчитывать, что удастся развлечь трезвого незнакомца? Это очевидно в диалогах, написанных южноготическими авторами, которые наделяют своих героев манерой речи мудрой, но лишенной нравучительности»⁹.

Самым ярким примером таких речей Уолш считает фразу Изгоя из рассказа Ф. О’Коннор «Хорошего человека найти нелегко» – “She would have been a good woman if it had been somebody there to shoot her every minute of her life” («Она бы была хорошей женщиной, если б в нее стреляли каждую минуту ее жизни»). Отчасти грамматическое несовершенство, отчасти наивная и откровенно циничная мудрость этой фразы, по мнению Уолша, демонстрирует типично южный ее характер. Язык южного повествования не подстраивается под требования грамматики и лексики не только в начале своего функционирования в романах первых представителей южной готики 20–30-х годов XX в., но и в современном романе также. Так говорит глубинка, и это, действительно, яркий индикатор южного

⁷ *Crews H.* Op. cit. P. 13.

⁸ *O’Connor F.* Some aspects of the grotesque...

⁹ *Walsh M.O.* Op. cit.

повествования: *y'all* вместо *you all*, *chillins* вместо *children*, *I reckon* вместо *I think* и т. д.

Не только акцент и типично южная лексика указывают на южность, но и знаменитый сказ, южная манера повествования, которая в своей лаконичности подражает живой речи человека, рассказывающего свою историю несколько отстраненно, размеренно, подмечая мелкие детали, передавая тонкие чувственные оттенки. Попутно заметим, что именно такие языковые особенности представляют весьма трудную задачу перед переводчиками произведений американских писателей-южан.

«Четвертое, говорит Уолш, – переднее колесо. Переднее колесо – это ландшафт. Поскольку это первая часть приближающегося велосипеда, которую мы видим, это также первое, с чем сталкивается читатель, входя в эти романы: бородатый испанский мох, пыльные гравийные дороги, стерня на хлопковых полях. Мир природы живой и цветущий в южной художественной литературе и считается готическим из-за своего всепроникающего влияния на персонажей и их действия. И это правда: жара американского юга действительно угнетает, и все, у кого есть рот, как здесь говорят, может укусить. Однако в конечном итоге именно благоговение писателя перед миром природы отличает эти романы <...>. Пейзажи южной готики – это песня, которую поют авторы, и их восхищение передается читателям»¹⁰.

Соглашаясь в целом с Уолшем, отметим тем не менее, что это благоговение перед природой Юга в готическом повествовании часто сопрягается с ностальгическим настроением. Благоухающий Юг из южного мифа все более отдален от действительности, оставаясь лишь в памяти старшего поколения. Так, например, Бабушка, героиня рассказа К. Портер «Источник», мечтая вернуться в родные края, представляет себе, как она, теперь уже городская жительница, пройдет под сенью фруктового сада, любясь свежими персиками.

В другом ее рассказе, «Передышка», героиня, желая сбежать от проблем, обрушившихся на нее, ищет места, где «все просто и мило», где цветут персиковые сады, погода всегда стоит замечательная. Однако реальность далека от воображаемого ландшафта, что очевидно уже на вокзале: «Маленький грязный поезд дополз до захолустной станции и выбросил (ее), словно посылку, на мокрую платформу» [Портер 2004]. Вместо теплого солнца и ярких красок девушка видит совсем другие пейзажи, что заставляет сменить ностальгическое настроение противоположным чувством тягучей

¹⁰ Ibid.

тоски с парадоксальным проблеском надежды, пронизывающим все тексты южной готики: «Ветер хлещет в лицо, вокруг запустение, все тонет в грязи <...>. Бурные размокшие поля уходили вспять по обеим сторонам проселка, щетинясь подгнившей за зиму стерней, готовой кануть в небытие и снова обратиться в землю. Рядом по краю поля тянулись голые перелески. Сейчас они хороши были лишь тем, что предвещали весну, – мне претила их унылость, но было отраднo подумать, что где-то там, за ними, может открыться нечто иное, на самом деле прекрасное – прочерк реки, зажатой в своих берегах, поля в первозданной нагоде, уже вспаханные, готовые принять в себя семя»¹¹.

Возвращаемся к Уолшу: «Далее заднее колесо. Колесо, которое приводит в движение этот велосипед, – это насилие. Почти все южные готические романы вращаются вокруг него. Для одних это изнасилование, для других убийство, а для многих – жестокая природа Бога, видимая в разливах рек и ураганах <...>. Это не тихие и домашние драмы, хотя действие их может происходить в тихих городках. Вместо этого на карту поставлены жизни людей так же, как и жизни читателей с момента, когда они каждое утро открывают глаза, до момента, когда они их закрывают»¹².

Как правило, в южноготическом романе можно обнаружить все виды сцен садизма, извращенного секса, психологических надрывов, одержимости персонажей идеями смерти и разрушения. Все это считается, по определению Р. Хейлмана, проявлениями «элементального дионисийского» начала, приносящего в произведения дух мистицизма, гротескные образы и ситуации, характеризующие южное повествование [Heilman 1978].

Безусловно, в творчестве разных писателей эти мотивы и их частные проявления описываются по-разному и степень этого дионисийского начала неодинакова. Так, например, в романах Томаса Вулфа или Кэтрин Портер жестокость и насилие – фон, создающий настроение одинокого и беспомощного героя, а у Уильяма Фолкнера и Флэннери О'Коннор насилие становится неотъемлемым атрибутом южной жизни, вокруг которого зачастую строится сюжет. Но какой бы ни была функция стихийного начала в текстах, она всегда требует от писателя недюжинного таланта, умения и чувства меры, чтобы не впасть в вызывающий натурализм. Во многом мотив насилия и безудержной вездесущей жестокости гармонизирует тот са-

¹¹ *Порттер К.* Источник // Иудино дерево в цвету: Рассказы. М.: Текст, 2004. URL: https://litmir.club/br/?b=589703&p=20#section_11 (дата обращения 10.02.2024).

¹² *Walsh M.O.* Op. cit.

мый индикатор на руле – орнаментальность текста, музыкальность и отточенность фразы, отличающие знаменитый южный сказ.

«И наконец, – заключает Уолш, – рама и цепь. То, что превращает механизм в единое целое и позволяет ему двигаться, это мучительная история американского Юга. Обойти это невозможно. От рабства и предрассудков, гражданской войны и законов Джима Кроу – у американского Юга прошлое, полное непростительного уродства. Однако это еще не вся история и это не то, на чем стоит южная литература. Главное – это именно тот тип героя, который создало это прошлое, что сохраняет актуальность и популярность южной литературы, и этот герой-аутсайдер. Говорят, каждый человек является героем своей собственной жизненной истории, но правильнее было бы сказать, что каждый человек является аутсайдером своей собственной жизненной истории. И хотя гражданская война уже давно позади, американский Юг все еще страдает от своего прошлого практически во всех мыслимых отношениях, будь то уровень бедности или развал системы образования»¹³.

Настроение такого героя-аутайдера выразил один из самых запоминающихся южных персонажей – Атиккус Финч из знаменитого романа Х. Ли «Убить пересмешника»: «То, что нас обыграли еще за сто лет до того, как мы начали, еще не повод не пытаться победить»¹⁴.

По мнению Уолша, это определение менталитета аутайдера и стержень великой литературы. И с этим трудно не согласиться. Именно такой герой, как представляется, и делает эту литературу интересной не только самим южанам, но и самому широкому читателю. Поэтому напрасны опасения О'Коннор, написавшей в свое время о том, что каждый серьезный южный писатель испытывает великий ужас, что он станет одним из региональных писателей, интересных только своему читателю¹⁵. Южная готика оказалась интересна и понятна не только самим южанам и продолжает свое развитие не только в литературе, захватывая все большее и большее пространство различных медиа.

Думается, что велосипедная метафора достаточно полно отражает самые важные специфические черты, отличающие южную готику от всех прочих готических повествований, фиксирует наличие в ней тем изоляции и маргинализации, насилия и преступ-

¹³ Ibid.

¹⁴ Lee H. To kill a mockingbird. URL: <https://giove.isti.cnr.it/demo/eread/libri/angry/mockingbird.pdf> (дата обращения 10.02.2024).

¹⁵ O'Connor F. The fiction writer and his country // *Mystery and manners* / ed. by S. and R. Fitzgerald. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, 1969.

ности, угнетения и дискриминации, причудливости и гротескности образов, нищеты и упадка, но самое главное, что все это объединяет – это безусловное чувство места, если говорить о специфике отношений между людьми и пространственными условиями. Это чувство или восприятие людей, делающее место особенным или уникальным, что, в свою очередь, способствует возникновению ощущения подлинной человеческой привязанности и принадлежности этому месту.

Действительно, все герои южнотических произведений привязаны к южной глубинке, маленьким тихим городкам, разваливающимся усадьбам, старым кварталам черного населения. И это не просто локус – топографически выверенная местность. Южная глубинка – скорее топос, обобщенное место разворачивания смыслов, связанных с уникальным южным опытом жизни, часто набор устойчивых фабульных формул, а также общих мотивов, проблем и сюжетов.

В своей работе «Чувство места» Ф. Стил отмечает, что специфика места формируется во времени, и пространство в южных романах есть нечто большее, чем совокупность пейзажей города или села, большее, чем просто фон действия, и имеет идеологические функции: 1) «сохранительно-описательную» (Э. Глазгоу, К. Гордон и др.); 2) «морально-историческую», когда среда определяет сознание и глубину мифологичности образа (У. Фолкнер, Т. Вулф и другие); 3) «комментирующую», характеризующую южный местный колорит в исторически-временном контексте (Ю. Уэлти, К.Э. Портер, К. Маккалерс и другие [Steele 1981]).

Специфика южной жизни на протяжении довольно длительного времени заключалась в отсутствии крупных городов, в ориентации на патриархальные жизненные ценности, провоцирующие антииндустриальные и антигородские настроения. Как отмечают сами южане, «посредством предостережений, устных историй и жизненных примеров, традиции Юга передаются из поколения в поколение. Гостеприимство, милосердие, постоянное присутствие хороших манер – все это часть традиции. Однако это только видимые формы гораздо более глубинной схемы поведения, которая лежит в самом основании южного образа жизни. Первое, это то, что человек должен активно действовать, чтобы выжить. Второе, он обязан действовать, проявляя при этом так много достоинства, насколько это возможно» [Brabant 1988, p. 110].

И хотя сейчас на Юге фиксируется активная урбанизация, тем не менее устойчивый культурный южный код по-прежнему остается незабываемым, и именно топос глубинки обеспечивает неповторимость и аутентичность южнотического повествования.

Литература

- Лотман 1999 – *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров: Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
- Brabant 1988 – *Brabant S.* Socialization for change. The cultural heritage of the white Southern woman // *Southern women*. N.Y.; Washington; London: Hemisphere Publishing Corporation, 1988. P. 103–112.
- Fiedler 1998 – *Fiedler L.* Love and death in the American novel. N.Y.: Dalkey Archive Press, 1998. 520 p.
- Goddu 1997 – *Goddu T.A.* Gothic America. Narrative, history, and nation. N.Y.: Columbia University Press, 1997. 226 p.
- Heilman 1978 – *Heilman R.B.* The ways of the world. Comedy and society. Seattle: University of Washington Press, 1978. 400 p.
- Savoy 2002 – *Savoy E.* The rise of American Gothic. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-companion-to-gothic-fiction/rise-of-american-gothic/64FA8DE8C0CB276F7DDB94B3422C84A4> (дата обращения 14.02.2024).
- Steele 1981 – *Steele F.* The sense of place. Boston: CBI Publishing Company, 1981. 216 p.
- Wyatt-Brown 1985 – *Wyatt-Brown B.* Southern honor. Ethics and behavior in the Old South. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1982. 597 p.

References

- Lotman, Yu.M. (1999), *Vnutri mysl'yashchikh mirov: Chelovek – tekst – semiiosfera – istoriya* [Within thinking worlds. Man – Text – Semiosphere – History], *Yazyki russkoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Brabant, S. (1988), “Socialization for change. The cultural heritage of the white Southern woman”, *Southern women*, Hemisphere Publishing Corporation, New York; Washington, USA, London, UK, pp. 103–112.
- Fiedler, L. (1998), *Love and death in the American novel*, Dalkey Archive Press, New York, USA.
- Goddu, T. (1997), *Gothic America. Narrative, history, and nation*, Columbia University Press, New York, USA.
- Heilman, R.B. (1978), *The ways of the world. Comedy and society*, University of Washington Press, Seattle, USA.
- Savoy, E. (2002), *The rise of American Gothic*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, available at: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-companion-to-gothic-fiction/rise-of-american-gothic/64FA8DE8C0CB276F7DDB94B3422C84A4> (Accessed 14 Feb. 2024).
- Steele, F. (1981), *The sense of place*, CBI Publishing Company, Boston, USA.
- Wyatt-Brown, B. (1985), *Southern honor. Ethics and behavior in the Old South*, Oxford University Press, New York; Oxford, USA.

Информация об авторе

Ирина В. Морозова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; irinamoro@gmail.com

Information about the author

Irina V. Morozova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaia Sq., Moscow, Russia, 125047; irinamoro@gmail.com

Художественные принципы
изображения «американской глубинки»
в романе У. Фолкнера «Шум и ярость»

Татьяна Н. Белова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, tnbelova@yandex.ru*

Аннотация. Изображая трагедию распада когда-то известной и уважаемой семьи Компсонов, принадлежавшей к прославленному роду южной земельной аристократии, У. Фолкнер в своем романе утверждает, что именно утрата ее былой чести и достоинства, отказ от морально-этических и религиозных ценностей стали основной причиной ее упадка и разложения. Используя достижения поэтики модернизма, как то: поток сознания, дискретные временные и пространственные сдвиги, меняющийся хронологию повествования, искусство монтажа, импрессионистический подход к изображению чувств и эмоций своих гротескных героев, роскошной природы американского Юга с ее богатством звуков, запахов, оттенков цвета, а также символику образов и лейтмотивов, автор не только художественно развивает эту тему, но и обнажает невероятную глубину душевного страдания своих героев, их тотальное одиночество в окружающем мире. Однако обреченный на страдания герой Фолкнера борется до конца. Нравственным центром произведения является пожилая негритянка Дилси, мужественная хранительница семейного очага, способная и на жертвенность, и на сострадание, – средоточие уходящих традиционных религиозных и нравственных ценностей.

Ключевые слова: Уильям Фолкнер, поэтика южнотического повествования, американский модернизм

Для цитирования: Белова Т.Н. Художественные принципы изображения «американской глубинки» в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 111–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-111-119

Artistic principles of delineating the American “interior” in W. Faulkner’s novel “The Sound and the Fury”

Tatiana N. Belova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
tnbelova@yandex.ru*

Abstract. Describing the tragic decay of a once honoured and distinguished the Compsons’ family, posterity of the southern nobility, W. Faulkner states the idea that mainly a rejection of their ancestors’ notions of honour and dignity, religious and other human values, has led its members to the moral decay and degradation. And the masterful use of the modernist poetics’ achievements, i. e. a stream of consciousness, constant shifts of time, breaking the chronology of narration, demonstrating Time and Space as discrete objects as well as his superb art of montage, his impressionistic approach describing the grotesque heroes’ feelings, emotions and the luxuriant nature of the American South with its wealth of colours, sounds, odours, as well as the creation of symbolic images and leitmotifs – all this helps the author to reveal artistically the essence of the matter – the theme of the Compsons’ tragic decay and the incredible suffering of its members and their total loneliness. But a doomed to suffering Faulkner’s hero struggles to the end. The moral centre of narration in the novel is a black elderly servant Dilsey, brave and compassionate, capable of sacrifice, who is the personification of the traditional moral and religious values.

Keywords: William Faulkner, southern gothic poetics, American modernism

For citation: Belova, T.N. (2025), “Artistic principles of delineating the American ‘interior’ in W. Faulkner’s novel ‘The Sound and the Fury’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 111–119, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-111-119

Создавая свою Йокнапатофу, У. Фолкнер руководствовался дружеским советом Ш. Андерсона взять предметом изображения то, что он хорошо знал – это «крохотный клочок земли в Миссисипи, откуда ты родом»¹. Фолкнер так и поступил, блистательно воплотив в своих произведениях с детства хорошо знакомую ему «американскую глубинку», в которой сам он вырос, а затем и практически провел всю свою жизнь – в небольшом городке Оксфорде (округ Лафайетт, Миссисипи). Автор даже начертал свою карту местности этого весьма своеобразного топоса южной готики, обозначив на ней наиболее значимые места действия героев своих

¹ Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М.: Радуга, 1958. С. 46.

произведений, с завершающей ее надписью: “Surveyed & mapped for this volume by William Faulkner”².

В романе «Шум и ярость» нетрадиционными средствами и способами письма показана трагедия распада и морального разложения когда-то весьма достойной, известной, принадлежавшей к прославленному роду южной земельной аристократии семьи Компсонов. Используя поэтику модернизма, монтаж, поток сознания, ассоциативный способ повествования с опорой на многократно повторяющиеся в тексте ключевые слова, создающие образы-символы, переходящие в пронизывающие роман лейтмотивы, порождающие новые глубинные смыслы, автор мастерски развивает тему неуклонной деградации членов этой семьи на примере их гротескных образов. Это неумный алкоголизм отца семейства, бывшего местного священника, и его шурина Мори, черствость и эгоизм матери, рыцарский кодекс чести, которому неуклонно пытается следовать их сын Квентин, обрекающий его на самоуничтожение, асоциальное поведение его любимой сестры Кэдди и разлученной с ней дочери Квентины, невероятная жадность и жестокость Джейсона и, как итог, психическое вырождение – на примере его старшего брата Бенджамина.

Одновременно автор аутентично изображает и насущные расовые проблемы Юга, и массовый отказ молодого поколения от морально-этических и религиозных ценностей, вследствие чего утверждается приоритет материального начала над духовным, торжество золотого тельца, засилье жадности и жестокости, черствости и себялюбия.

Превалирующей чертой южной готики является идущее еще от Э. По изображение человеческой души, с чем тесно связана и основная тема романа – показать невероятные страдания человека, испытывающего чувство тотального одиночества: слабоумного Бенджи, тоскующего по ушедшей из дома, так любившей и понимавшей его сестре Кэдди, с которой он мог общаться, его брата Квентина, тоже оставшегося без своей Прекрасной Дамы, честь которой он так неумело пытался защитить, а также самой Кэдди и ее несчастной дочери Квентины.

Роман начинается главой «7 апреля 1928 года», эпиграфом к которой могли бы в какой-то степени стать слова шекспировского Макбета о бессмысленности бытия: «Жизнь – это история, рассказанная идиотом, наполненная шумом и яростью и не значащая ничего» (Макбет, акт V, сцена 5). Казалось бы, она имеет с этим эпиграфом много общего, поскольку представляет собой поток со-

² The portable Faulkner / ed. by M. Cowley. L.: Penguin books Ltd, 1977. P. 2.

знания Бенджи, который в тридцать три года достиг умственного развития трехлетнего «особенного» ребенка. Это его нескончаемый внутренний монолог, с постоянным вкраплением диалогов окружающих людей, освещающий лишенное временной последовательности крайне поверхностное восприятие им событий его жизни и семьи на протяжении почти тридцати лет: здесь ему то пять, то пятнадцать, то семнадцать лет, что достигается автором постоянным делением текста главы на различные по величине и нарочито перемешанные фрагменты. Причем их чередование построено не на временной хронологии, а происходит по ассоциативному принципу путем повторов одних и тех же ключевых слов, направляющих поток сознания героя в единое русло, а конструктивно – по принципу монтажа впечатлений разных лет, подобно наплывам в кинофильме, что достигается в романе постоянной сменой шрифтов – обычного типографского и курсива.

Так, теплой южной ночью подросток Бенджи в поисках сестры подходит к гамаку, в котором Кэдди сидит в обнимку со своим кавалером Чарли. Бенджи, увидев это, начинает отчаянно рыдать, и Кэдди, искренне сострадав ему, несмотря на откровенное недовольство Чарли, отводит его домой. Следующий ассоциативный наплыв, где Бенджи уже тридцать три года, также связан с повтором ключевого слова «гамак» (“swing”), когда в настойчивых поисках уже много лет как покинувшей отчий дом Кэдди он опять подходит к гамаку, где теперь находится ее дочь-подросток Квентина с ухажером в красном галстуке, которые теперь уже в крайне грубой форме пытаются от него избавиться. Подобные перемежающиеся фрагменты повествования представлены в едином внутреннем монологе героя-повествователя, детально передающего свои тактильные, зрительные, слуховые и прочие ощущения, например запахи (так, для него Кэдди «пахла деревьями под дождем» – “smelled like trees in the rain”³), а также его внутреннее, крайне нестабильное состояние души, обуревающие его и не находящие словесного выхода чувства, связанные между собой по ассоциативному принципу. Например, слово “caddy” – прозвище мальчика, таскающего за игроками клюшки для гольфа, мгновенно ассоциируется у Бенджи с именем столь любящей и понимающей его сестры, которой он не видел уже много лет, и, услышав это слово, он начинает горько плакать. Основную роль здесь играет именно сам повтор ключевых слов, например слова “fence” («изгородь»), которое уже на первой странице произведения повторяется семь раз: “I (we) went along the fence”, “I looked through the fence”, “I held the fence”, etc.⁴

³ Faulkner W. *The Sound and the Fury*. L.: Penguin books Ltd, 1977. P. 25.

⁴ *Ibid.* P. 11.

Перемещаясь вдоль изгороди, Бенджи наблюдает за игроками в гольф на соседнем газоне – части луга, проданного его родителями с тем, чтобы оплатить учебу старшего сына Квентина в Гарварде. Когда-то через калитку в этой изгороди возвращалась из школы Кэдди, и Бенджи, не понимая, что это было двадцать лет назад, постоянно ждет ее прихода здесь. Но однажды калитка оказалась незапертой в связи с происками Джейсона, мечтавшего уперечь брата в психолечебницу, и он, увидев двух девочек, шедших из школы, бросился к ним, пытаясь хоть что-то узнать о Кэдди. Однако его чисто эмоциональный порыв, не выраженный словесно, был воспринят окружающими как попытка сексуального нападения, и юношу подвергли кастрации. И это многократно повторяемое в романе слово “fence”, сопровождаемое описанием тактильных ощущений героя, например, от зимнего холода, когда он в детстве, держась за калитку, ждал сестру, и у него мерзли руки, а она их затем заботливо согревала, несет в себе определенную смысловую коннотацию непреодолимой стены отчуждения от людей, ловушки или клетки, как и его природного тотального одиночества, замкнутости в своем собственном сознании. Таким образом, слово “fence” в романе становится образом-символом, а затем и лейтмотивом произведения, как и раскидистое грушевое дерево (“pear-tree”), растущее близ окон отчего дома. Именно с него маленькая Кэдди наблюдала грустные лица своих близких, слышала плач матери в связи с кончиной бабушки, о которой детям не сообщили. А в последних двух главах это дерево становится своеобразным трамплином – способом незаметно покинуть свою комнату через открытое окно для ее дочери Квентины, в которой ее насильно запирали, словно зверя в клетке, и даже ограбить своего ненавистного дядюшку Джейсона, забрав у него из увиденного ею с дерева тайника деньги, когда-то принадлежавшие ее матери и бабушке, но обманом присвоенные им, что, конечно же, вызывает у негодая буйную ярость (“fury”).

Необходимо отметить, что все главы романа с избытком переполнены «шумом и яростью» (“sound and fury”): это весьма частый и громкий шум бьющего по крыше буйного южного ливня, о котором Бенджи, не понимая, в чем заключается его причина, сообщает: “We could hear the fire and the roof”⁵, также его постоянный отчаянный рев, особенно в финале романа.

Кроме того, это и звон колокола находящейся неподалеку от дома методистской церкви, и бой часов на кухне в доме Компсонов, и курантов на башне Гарвардского университета, а также несмолкаемое тиканье золотых часов дедушки, подаренных Квен-

⁵ Ibid. P. 67.

тину отцом, а затем разбитых им в тщетной попытке остановить быстротекущее и навсегда уходящее время, чтобы вернуться в благостное детство. Его поток сознания бурно, страстно и драматично, зачастую лишенный какой-либо пунктуации представлен во второй главе, помеченной в заглавии датой «2 июня 1910 г.», т. е. за восемнадцать лет до основных событий, происходящих в романе.

Это последний день жизни героя, когда он, студент Гарварда, готовится совершить самоубийство: в какой-то прострации упакowывает свои вещи, чтобы отправить их домой, пишет прощальные письма, записку с последними просьбами и даже приобретает два увесистых утюга, чтобы быстрее пойти на дно. Находясь в крайне взвинченном неадекватном состоянии, он вспоминает советы и наставления своего отца и свою сестру Кэдди, которую он любит, говоря словами шекспировского Гамлета, «как сорок тысяч братьев». В связи с этим он крайне потрясен ее драматической судьбой, а ее образ прочно ассоциируется у Квентина с роскошной природой южной американской глубинки: широкой своенравной рекой с ее песчаными отмелями, где любила лежать Кэдди, могучими деревьями, запахом жимолости, который преследует его по ночам, когда, зная, что она на свидании, и страдая от этого, он не может заснуть, вспоминая “the smell of honeysuckle upon her face and throat”⁶.

И, бросаясь в реку, он словно воссоединяется с природной естественной сущностью Кэдди и ее обостренной чувственностью, вспоминая ее, лежащую на песчаной отмели реки и омываемую ее водами. В это мгновение грядущая смерть становится его «Маленькой Сестрой», как, по словам его отца-священника, называл смерть святой Франциск: “Little Sister Death”⁷.

Квентин Компсон также не может жить и среди «творимого зла» – “see evil done”⁸: он не способен больше выносить бремя одиночества и душевных страданий из-за предстоящей окончательной разлуки с сестрой, вынужденной принять предложение прохвоста Хеда, поскольку она ждет ребенка от предыдущего возлюбленного – Дэлтона Эймса, который, как выяснилось, считал ее одной из многих, а Кэдди было необходимо скрыть свою беременность, которая могла бы бросить на нее тень в глазах окружающих.

Более того, ему, выросшему в аристократической семье, с детства впитавшему понятия чести, добра и благородства, культивировавшиеся в южных штатах, внезапно открывается и жестокая правда бытия Новой Англии, отличной от общности жителей «юж-

⁶ *Faulkner W.* Op. cit. P. 136–137.

⁷ *Ibid.* P. 73.

⁸ *Ibid.* P. 159.

ной глубинки»: это откровенное лицемерие и лживость светской жизни, где внешне приличное поведение скрывает убогость мысли и естественность чувства, а также оно считается важнее когда-то совершенного греха. Он сталкивается и с крайне унижительным для него общением с полицейскими и судьей, бесстыдно вымогающими у него деньги, беспричинно обвиняя его в совершении маленькой итальянской девчужки, с которой он по доброте своей поделился булочкой и потом с трудом от нее отделался.

Таким образом, невозможность возвратить навсегда ушедшее счастливое время его детства и ранней юности, прожитое в любви и гармонии вместе с сестрой в южной «американской глубинке» с ее роскошной природой, бессмысленность страдания от одиночества, как и нежелание переносить творящееся в мире зло, и приводят Квентина Компсона к роковому решению о самоубийстве, в котором он воссоединяется со своей «Маленькой Сестрой Смертью».

Помимо упомянутых образов-символов, раскрывающих неимоверную любовь Квентина к сестре («река», «отмель», «жимолость», «деревья» и др.), во второй главе основными ключевыми словами, создающими символику образов и лейтмотивов, являются «Время» (“Time”) и Смерть (“Death”), содержащие в себе важные для героя философские понятия и индивидуально переосмысленные им: это неодолимость и невозвратность быстротекущего и стремительно уходящего времени и смерть как единственная возможность избавить его от непрестанного душевного страдания.

В третьей главе, озаглавленной «6 апреля 1928 года», события которой начинаются на день раньше описанных в первой главе, У. Фолкнер создает поистине демонический образ холодного, расчетливого, жестокого и безжалостного человека – младшего из братьев – Джейсона, который уже с детского возраста постепенно начинает осуществлять свою «американскую мечту» – непременно стать богатым человеком. И сугубо метафорическая деталь его поведения в детстве – он ходит и даже бежит, никогда не вынимая рук из карманов, поскольку прячет в них мелкие монетки, что и приводит его к постоянным падениям, призвана воплотить его неминуемый крах на пути к обретению богатства несправедливым путем.

Беспринципный и циничный негодяй, резонер и мизантроп, он постоянно в различных формах издевается и над своими родственниками, особенно над племянницей Квентиной, и тем более над негритянскими слугами, обманывает и обкрадывает свою мать, вымогает денежные средства у разлученной с дочерью сестры Кэдди, урезая в свою пользу и посылаемые ею почтовые переводы. Когда-то жених Кэдди обещал ему место в своей банке, однако, узнав о скрываемой беременности жены, он сразу после свадьбы бросает ее

и лишает Джейсона возможности получить столь желанное место. Поэтому тот таким беспринципным образом и компенсирует утраченную выгоду.

А в одночасье лишившись несправедливым путем накопленной огромной по тем временам суммы денег, он окончательно теряет свой человеческий облик, в ярости доходя до рукоприкладства по отношению к не виновным в этом окружающим его людям, например старичку-повару из циркового балагана, где, по его мнению, и спрячутся его племянница Квентина и ее дружок из шапито, а затем и к негритянскому подростку Ластеру, везущему в повозке орущего Бенджи, нанося им удары кулаком.

Постоянными угрозами физического воздействия и издевательствами над семнадцатилетней племянницей он доводит ее до нервного срыва, пока та не решает сбежать, прихватив накопленные им деньги с собой. Сразу же поняв, в чем дело, Джейсон обращается к шерифу полиции. Однако жизнь удаленного от цивилизации маленького городка «американской глубинки» тех лет представляет собой их нераздельную архаическую общность, где каждый ее взрослый житель был, словно под микроскопом, прекрасно виден со стороны окружающими его людьми со всеми его слабостями, недостатками и положительными качествами, которые ими ценились. Поэтому шериф наотрез отказывается помогать Джейсону в поимке беглецов. Полностью владея ситуацией, он откровенно делится с ним своими соображениями и интересуется: «А матушке вашей известно было, что вы храните дома столько денег?..» «Вы сами довели ее до побега... А насчет того, чьи это деньги, у меня есть кое-какие подозрения, только вряд ли мне дождаться полной правды»⁹.

Таким образом, в третьей главе, где героем-повествователем является Джейсон, преобладает тенденция использования обличительных реалистических и даже натуралистических описаний реалий семейной жизни Компсонов, как и городской, что позволяет автору создать впечатляющий образ «американской глубинки» и гротескный образ чрезвычайно грубого и жадного существа, готового ради денег попать все мыслимые и немыслимые приличия и моральные устои. Причем даже само восприятие окружающего мира у него резко негативное, а звуки, запахи, цвета и прочие ощущения – чрезвычайно токсичны и раздражающе болезненны для него. Подобно вампиру, он с трудом переносит яркий солнечный свет, его крайне раздражают ярко-красные губы Квентины и алый галстук ее дружка. Имея машину, обманом приобретенную на деньги матери,

⁹ *Фолкнер У.* Шум и ярость; Свет в августе: Романы: пер. с англ. М.: Правда, 1989. С. 243–244.

он на дух не переносит запаха бензина, от которого у него начинается мигрень, поэтому он, по примеру своей матери, пропитывает свой шейный платок камфарой, могильный запах которой и в том, и в другом случае символизирует их гибель для семьи и общества, а также отсутствие в них человеческих качеств. А в последней главе, рассказанной уже от лица всеведущего автора, где явно ощутима его потаенная боль за трагическую судьбу своих героев и ностальгия по былому, навсегда ушедшему в небытие, важную роль играет образ пожилой негрятянки Дилси, прототипом которой стала его негрятянская няня Каролина Барр. Всю свою сознательную жизнь Дилси посвятила семье Компсонов: она была и хранительницей семейного очага, и взрастила всех детей, как и росшую без матери внучку, и осуществляла постоянный уход за слабоумным Бенджи. Вместе с тем Дилси оказывается в романе основным носителем и центром религиозных и морально-нравственных ценностей, утраченных не только в распадающейся семье Компсонов, но и у приходящих им на смену представителей новых поколений. По мнению Н.А. Анастасьева, сильная духом Дилси изображена в романе в роли мифологической фигуры хранительницы «самого Времени или Всемирного Дома человечества»¹⁰. Называя Фолкнера последним писателем-гуманистом в литературе Запада, исследователь справедливо утверждает, что тот «глядит на человека при свете истории» и «видит в нем участника единого сообщества людей»¹¹.

Таким образом, внося эстетику модернизма в поэтику южно-готического повествования, У. Фолкнер создает в романе «Шум и ярость» достоверный при всей его уникальности художественный образ американской «южной глубинки».

Информация об авторе

Татьяна Н. Белова, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; tnbelova@yandex.ru

Information about the author

Tatiana N. Belova, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 1-51, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; tnbelova@yandex.ru

¹⁰ Анастасьев Н.А. Уильям Фолкнер // История литературы США. Т. 6. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 440.

¹¹ Там же. С. 469.

Атмосфера школьного образования
в американской глубинке
как предпосылка готической поэтики
прозы Стивена Кинга

Тамара Л. Селитрина

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия,
selitrina@yandex.ru*

Аннотация. До недавнего времени массовая литература (популярное искусство) не считалось серьезным фактором эстетического развития. В массовой беллетристике Стивен Кинг занимает особое место. Обращаясь к актуальным проблемам современности (выбора президента в «Мертвой зоне», буллинг в школе в «Кэрри», искусственный интеллект в рассказе «Грузовики» и т. д.), он использует занимательную интригу, создавая многогранные характеры. Как западные, так и отечественные критики отмечают у Кинга симбиоз идейной концептуальности и захватывающей фабулы. В статье раскрываются основные положения эстетической системы писателя, изложенные в автобиографических заметках «Как писать книги». Обращено внимание на требование учиться у классиков мировой литературы искусству повествования, развитию сюжета, глубине раскрытия характера, внутренней правде. На примере романа «Кэрри», одного из лучших в творчестве писателя, показано, что пуританское новоанглийское сознание не утратило своей жесткой ригористичности в XX в. Главная героиня романа становится жертвой религиозного фанатизма матери и подростковой жестокости одноклассников. Изображая одну из средних школ Новой Англии (штат Мэн), Кинг раскрывает разные формы агрессии, словесные унижения, буллинг. Жестокость и грубость перемещаются в коммуникативную сферу. В сценах жестокости по отношению к Кэрри писатель передает психологию толпы, «ментальную эпидемию», описанную К.Г. Юнгом. Опираясь на постулат М. Фуко, «кровь есть реальность с символической функцией», в статье показано обращение Кинга к древнему архетипу и верованиям, связанным с половой зрелостью девушки. Обращено внимание на прием «точки зрения» как в идейном, так и в пространственно-временном изображении действительности. Подчеркивается, что роман «Кэрри» превращается в способ познания реальных опасностей, угрожающих нравственности и человечности.

© Селитрина Т.Л., 2025

Ключевые слова: Стивен Кинг, Кэрри, буллинг, подростковая жестокость, психология толпы, К.Г. Юнг, М. Фуко

Для цитирования: Селитрина Т.Л. Атмосфера школьного образования в американской глубинке как предпосылка готической поэтики прозы Стивена Кинга // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 120–130. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-120-130

The atmosphere of school education
in the American outback
as a premise of Gothic poetics
of Stephen King's prose

Tamara L. Selitrina

*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla,
Ufa, Russia, selitrina@yandex.ru*

Annotation. Until recently the mass-literature (pop-art) was not considered to be a serious factor of aesthetic development. In popular fiction Stephen King takes a special place. Speaking about the topical issues of modern society (the Presidential election in the “Dead Zone”, school bullying in “Carrie”, artificial intelligence in “Trucks”, etc.) he uses an entertaining intrigue and creates multi-layered characters. Both western and Russian critics underline King's ability to combine the ideological conceptuality and breath-taking plot of his stories.

The article discloses the fundamentals of aesthetics system of the writer, covered in the autobiographical notes “On Writing: A Memoir of the Craft”. The accent is given to his call for studying the art of story-telling, plot development, deep disclosing the nature of the character, inner truth etc., from the classics of world literature. Regarding the novel “Carrie”, one of the best example of King's art, we notice that puritanical New England mentality didn't lose its rigoristic frames in twentieth century. The main character of the story becomes the victim of her mother's fanaticism and the adolescent violence of her classmates. Depicting one of the middle schools of New England (Maine), King shows different forms of aggression, verbal humiliation, bullying. Cruelty and coarseness are moved to the communicative field. In the episodes with the violence to Carrie, the writer renders crowd psychology and so-called mental epidemic described by Carl Jung. Based on the M. Foucault's assumption “blood is a reality in a symbolic sense” the article shows King's addressing to ancient archetype and beliefs, connected with maturity of a girl. The special attention is given to the point-of-view device both in ideological and space-

time depicting of the reality. It is pointed out that the novel becomes the way of recognition of real dangers to morality and humanity.

Keywords: Stephen King, Carrie, bullying, adolescent cruelty, crowd psychology, C.G. Jung, M. Foucault

For citation: Selitrina, T.L. (2025), "The atmosphere of school education in the American outback as a premise of Gothic poetics of Stephen King's prose", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-120-130

В своей статье «Распавшийся ансамбль. Знаем ли мы американскую литературу?» выдающийся отечественный американист А.М. Зверев подчеркнул, что для него американская литература «всегда была наиболее притягательна как раз своей пестротой, непредсказуемостью, если хотите, разношерстностью сюжетов и несомненно осозанным, даже яростным сопротивлением любой схематизации» [Зверев 2013, с. 406]. Задача данной статьи – показать на примере романа С. Кинга «Кэрри» атмосферу школьного образования в одном из провинциальных городков Новой Англии, когда разнообразные негативные социальные, культурные и психологические силы превращают учебу в «историю ужасов».

Современный американский писатель Стивен Кинг занимает своеобразное место в новейшей литературе США. Высоколобая американская критика относит его творчество к массовой литературе, которой не место в академических справочниках и словарях. Например, Гарольд Блум в предисловии к сборнику статей о творчестве Кинга признался, что с величайшим усилием перечитал «Кэрри» (1974) и «Свечение» (1977), что «книги Стивена Кинга напоминают ему скорее сценарии, романтические фэнтези и олицетворяют современный Век Информации», повторив мнение всех пишущих о Кинге, что он один из самых ярких последователей Эдгара По и Лавкрафта [Bloom 2007, p. 2]. Гарольд Блум относит книги Стивена Кинга по преимуществу к массовой литературе, односложно представляя читателю тематику научного сборника, редактором которого он являлся, делая акцент на интересе исследователей к жанру «романов ужаса», современной готики и так далее. Снисходительней к творчеству С. Кинга относятся иные критики. Виктор Тёрнер, например, считает лучшие романы Кинга «социальными драмами и мелодрамами» [Strengell 2005, p. 262]. Но еще в 1996 г. участники конференции «Читая Стивена Кинга» увидели в творчестве писателя «интеллектуальную свободу», обратив внимание на его высокое художественное мастерство [Power 1997, p. 21].

Сам Кинг чрезвычайно серьезно относится к литературному творчеству. После окончания университета он совершенствовал мастерство на нескольких литературных курсах, затем сам преподавал технику письма. Он призывает начинающих авторов «много читать <...> учиться стилю, изяществу повествования, развитию сюжета, созданию правдоподобных персонажей и умению говорить правду»¹. Разумеется, рассуждает Кинг, роман вроде «Гроздьев гнева» может «наполнить начинающего писателя чувством отчаяния и доброй старой завистью, – что он никогда так не сможет написать, но это и заставляет работать усердно»². Так же как Генри Джеймс, который скептически относился к высказыванию Троллопа о том, что тот ежедневно перед работой в течение двух с половиной часов трудился над очередным романом, Кинг к подобным заявлениям относится с иронией. По его мнению, «нельзя подходить к чистой странице равнодушно... писательство сродни вдохновению. Лучше всего, когда работа свежа и такова, что трудно удержать ее в руках»³. «Цель беллетристики, – рассуждает писатель, – не грамматическая правильность, а заманивание читателя, рассказывание ему истории, писательство есть соблазнение»⁴.

Если бы воображаемый собеседник спросил его, о чем он собирается писать, ответ был бы простым и однозначным: «О чем угодно, лишь бы вы говорили правду<...>. Много знает сердце, а еще больше воображение»⁵. Сам он любил с детства смотреть фильмы ужасов. Его одноклассники разделили фильмы на четыре группы: эдгарповские, военные, любовные и вестерны. Вспоминая свой ранний рассказ «Малолетний грабитель могил», он заметил, что и сегодня смог бы написать чуть более утонченную версию этого рассказа, потому что «возрос в любви к ночи и потревоженным гробам». По его мнению, «все решает не жанр как таковой, а характер его использования, достигнутый эстетический уровень и в первую очередь авторская установка»⁶. «Пишите, что хотите, – советует писатель, – потом пропитайте это жизнью и сделайте уникальным, добавив ваше знание жизни, любви, секса и работы»⁷. Тех, кто пишет исключительно для заработка, он считает «морально нечи-

¹ Кинг С. Как писать книги <пер. с англ. М. Левина>. М.: АСТ, 2022. С. 156.

² Там же.

³ Там же. С. 164.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Там же. С. 173.

стоплотными», «жертвующими интеллектуальной честностью в погоне за бабками».

Работа беллетриста, подчеркивает Кинг, «найти внутреннюю правду в сотканной паутине выдуманного рассказа». Кинг уверен, что истинное творчество спонтанно; произведения «не пишут, они сами пишутся <...>. Литературные произведения – это находки, вроде окаменелостей в земле <...> это реликты <...> остатки не открытых ранее существовавших миров <...>. Дело писателя – с помощью инструментов из своего ящика достать их из-под земли, повредив как можно меньше»⁸.

Кинг не верит в заранее продуманную интригу, поскольку, по его мнению, всякая реальная жизнь лишена четкого плана и запрограммированного сюжета. Это высказывание Кинга напоминает читателю концепт «непредсказуемости поведения личности», о котором писал Ю.М. Лотман, опираясь на труды Ильи Пригожина. Кинг утверждает, что в основе его книг лежат не события, а ситуация. Он признается, что у него есть только один роман, с заранее придуманным сюжетом – это «Мертвая зона», который ему самому до сих пор чрезвычайно нравится. По мнению Кинга, самые интересные ситуации формулируются в виде вопроса «Что если...». Что если на небольшую деревушку в Новой Англии нападут вампиры («Жребий Салема»); что если полицейский в захолустном городке Невады взбесится и станет убивать всех, кто попадает на глаза («Безнадёга»). Встав на позицию Кинга, мы можем продолжить этот перечень: что если девочка, затравленная в школе сверстниками, наделенная даром телекинеза, сокрушит все на своем пути («Кэрри»).

По свидетельству писателя, в его воображении роман «Кэрри» возник как «история ужасов в средней школе»: «две отдельные идеи – подростковая жестокость и телекинез – сошлись воедино и дали мне идею произведения»⁹. По его словам, включился механизм сознания и подсознания одновременно.

После окончания университета Кинг проработал несколько лет учителем словесности в школе. Он вспомнил двух самых неприкаянных девушек из его класса. Одна из них – невзрачная, с «булькающим голосом», рыхлая и бледная, жила вместе с матерью и собакой в трейлере. Однажды мать девушки попросила его помочь передвинуть мебель. В гостиной он увидел «фигуру распятого Христа, почти в натуральную величину – глаза подняты к небу, рот обращен вниз, из-под игл тернового венца каплет кровь...»¹⁰. Он

⁸ Кинг С. Указ. соч. С. 177.

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 85.

понял, что девушка выросла «под агонизирующим взглядом этого умирающего бога, и это сыграло свою несомненную роль в том, что она теперь такая, как она есть: робкая и нелюдимая изгнанница, крадущаяся как запуганная мышь по коридорам Лисбонской школы»¹¹. Впоследствии девушка вместе с матерью стали прообразом Кэрри и ее матери.

У Кэрри также стоит огромное гипсовое распятие: «Приколотый к кресту Иисус застыл со сведенными словно болезненной судорогой мышцами и раскрытым в мучительном стоне ртом <...>. Из-под тернового венца сбегали по вискам и лбу алые ручейки крови. В детстве это изображение Христа постоянно вызывало у Кэрри кошмары, в которых искалеченный Христос носился за ней по коридорам сна с молотком и гвоздями»¹².

Действие романа происходит в Новой Англии (штат Мэн), родине писателя. Именно в Новой Англии было положено начало пуританским колониям, и сама культура Новой Англии всецело носила пуритански-религиозный характер. Стивен Кинг в образе матери Кэрри подчеркивает эту особенность новоанглийского сознания, которое не утратило своих качеств и в двадцатом веке. Мать, не расстающаяся с Библией, в своей истовой убежденности в коренной испорченности человеческой природы, как будто непосредственно ступила со страниц пуританской литературы XVII в. С отвращением и стыдом она говорила о естественных атрибутах женщины (грудь называла «мерзостными подушками»). Она вновь и вновь готова повторять «в адамовом падении и наше прегрешение». Она требует у дочери постоянного и сурового самообуздания, дабы спастись от дьявольских происков и ухищрений. Главная задача матери – уничтожение «свободной души» Кэрри, которая часами должна была молиться и замаливать грехи в темном чулане, куда мать ее систематически отправляла с младенческого возраста. Не лучшая атмосфера царил и в школе.

Кинг признается, что первоначально центральный персонаж его эмоционально не трогал: «готовая жертва». Она представлялась ему «тупой и пассивной». В его воображении возникла возможная сцена в душевой, когда девчонки из класса, заметив месячные у ничего не знающей и не подозревающей Кэрри, бегали вокруг нее, злобно бросая тампоны и салфетки, скандируя «Заткни, заткни!». Затем эта сцена войдет в роман. Мать Кэрри никогда не разговаривала с дочерью о физиологии, особенностях женского организма,

¹¹ Там же.

¹² *Кинг С. Кэрри* <пер. с англ. А. Корженевского>. М.: АСТ., 2021. С. 41.

поэтому девушка приняла все происходящее с ней как предсмертное состояние. Ей казалось, что она теряет кровь накануне собственной гибели.

Кинг передает психологию группы, толпы, жестокость школьников, издевающихся над своей пассивной жертвой. Данный психологический казус может быть объяснен с точки зрения юнгианской аналитической психологии, когда в одной из своих лекций он говорил о ментальной эпидемии, публичном помешательстве: «Подобные движения очень заразительны – заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой. Он не просто участвует в движении, он есть и само движение» [Юнг 1994а, с. 38]. Но Юнг считал, что должны быть предпосылки к столь жестокому поведению. Философ подчеркивал, что в двадцатом веке «Трансцендентность христианского мира была утрачена, а вместе с ней и христианское представление о целостности. За светом следует тень, другая сторона Создателя... Ныне христианский мир воистину стоит лицом к лицу со злом, с откровенной несправедливостью, тиранией, ложью, рабством и принуждением» [Юнг 1994б, с. 323]. Не случайно статья одного из современных американских исследователей, посвященная романам о школе, называется «Вопль в школе», конструкция чудовищности в школьной готике. Западные исследователи любят обращаться к книге М. Фуко «Надзирать и наказывать», связывая ее постулаты с системой школьного образования.

В романе «Кэрри» одна из девушек по имени Сьюзен Снелл, участвовавшая в вакханалии в женской душевой, ощущает вину за содеянное. Она из благополучной семьи, одна из лучших учениц школы и предполагаемая королева выпускного бала. По этикету на выпускном балу принято появляться с партнером, у Сьюзен таким партнером является ее одноклассник Томми Росс – тоже отличник, спортсмен, своего рода благородный рыцарь, с которым Сьюзен собиралась связать свою судьбу. Внезапно она отказывается выставлять свою кандидатуру для участия в торжестве и просит Томми стать партнером Кэрри Уайт, осуществляя таким образом своеобразное покаяние. Кэрри шьет себе нарядное красное платье и принимает с радостью приглашение молодого человека. На балу окружающие с удивлением увидели в Кэрри привлекательную стройную красавицу.

Обычно исследователи говорят о фольклорном мотиве Золушки, используемом в этом эпизоде. Но в тот момент, когда Кэрри и Томми появляются на сцене в качестве короля и королевы бала, внезапно с потолка неудержимым потоком на них полилась кровавая жидкость. Бадья срывается, и Томми гибнет на месте, а

Кэрри, в состоянии аффекта, под издевательские грубые крики, истерический жуткий смех и улюлюканье пытается выбежать из зала. Ей подставляют ножку, «она растянулась во весь рост, оставив на полу длинный красный след»¹³. Стоя за пределами холла, в котором внезапно заклинило двери и присутствующие оказались в западне, Кэрри внезапно вернулась, но стояла она снаружи, «лицо и одежда по-прежнему были в крови, она улыбалась». Это была улыбка сфинкса. Если бы школьники воспользовались пожарным выходом, они были бы спасены, но большинство стояло в зале без движения. Внезапно с потолка полилась вода, затем стали дергаться электрические кабели и начался пожар. Радио сообщило, что причиной пожара послужило, скорее всего, электрическое замыкание, но пожарные гидранты были повреждены. Школа сгорела, огонь перебрался на город, начался процесс разрушения, в котором погибла и сама Кэрри.

Бесчеловечную интригу со свиной кровью придумала девушка из уважаемой семьи, дочь известного юриста, Кристина Харгессен. Поскольку она была зачинщицей злобной вакханалии в женском душе, руководство школы отказало ей в посещении выпускного бала, и в отместку она со своим приятелем придумала план отмщения, который ловко осуществила, заранее поместив под потолком ведра свиной крови. Мотив крови сопровождает Кэрри в последний ее школьный год: сначала в душевой, затем на школьном балу и в горящем городе. Можно сказать, что в этом романе кровь «есть реальность с символической функцией» [Фуко 1996, с. 253]. Мишель Фуко, которому принадлежит эта фраза, пишет об «обществе крови» – «обществе, где в почете война, где торжествует смерть, самодержец с мечом, палач и кровь, где власть говорит через кровь» [Фуко 1996, с. 253].

Газеты сообщили, что погибло более 400 человек: «выжженная земля и выжженные сердца». Стивен Кинг в качестве нарратива применяет прием точки зрения. Он важен и в идейном плане, и в пространственно-временном изображении действительности. В романе присутствуют несколько повествователей: это концепированный автор, который появляется однажды под собственным именем, это Р. Дэвид, автор вымышленной книги «Взорванная тень: реальные факты и выводы по истории Кэрриэтты Уайт» (1981), а также Сьюзен Снелл, автор книги «Меня зовут Сьюзен Снелл».

Кэрри стала жертвой религиозного фанатизма матери и подростковой жестокости в школе. В книге Филипа Райса и Кима Долджена «Психология подросткового возраста», выдержавшей

¹³ Кинг С. Кэрри. С. 177.

множество изданий, подчеркнуто, что «школьники получают слишком много отрицательных и слишком мало положительных реакций от учителей и сверстников. Они могут чувствовать, что школа не отвечает на их потребности, обучаясь, они получают информацию, которая не соответствует их жизни» [Райс, Долджен 2014, с. 661]. Сьюзен Снелл в своей книге пишет, что «Кэрри страдала. Так страдала, что большинству из нас это и представить себе трудно»¹⁴.

«Одной из причин отчуждения подростков становится бессилие, – считают Филип Райс и Ким Долджен, – невозможность что-либо изменить» [Райс, Долджен 2014, с. 662]. В начале романа сообщается, что никто не знал о телекинетических способностях Кэрри Уайт, которые проявились в полную мощь после ее бегства со школьного бала: «...по ее щекам катились слезы, такие же тяжелые, как первые капли менструальной крови. Они таки добились ее раз и навсегда. Все кончено»¹⁵. В нарратив повествователя вплетены мысли и ощущения Кэрри. Вернуться домой она не могла: «Опять бесконечные бессмысленные молитвы, религиозные брошюры, Распятие, часы, отмечающие дни, годы, десятилетия ее жизни»¹⁶. Внезапно в ее душе «будто распрямилась стальная пружина <...> она почувствовала, что оставшиеся в школе в ее власти! Сила! Такое замечательное слово!»¹⁷. На наш взгляд, в романе прочитывается также отсылка к первобытным верованиям, древним архетипам, когда девушка, достигшая половой зрелости, «как бы содержит в себе заряд страшной разрушительной силы и, если его не обезвредить, это губительным образом скажется как на ней самой, так и на всех, с кем она соприкасается <...> подобно всякой другой силе, сама по себе не хороша, не плоха, но становится доброй и злой в зависимости от того, как ее применяют» [Фрезер 1998, с. 634]. Кинг подчеркивал: «Мы описываем ужасы, чтобы помочь людям справиться с реальностью» [Разумовская 2019, с. 193]. Можно согласиться с мнением Ю. Стулова, что книги Кинга позволяют проникнуть «в пограничное состояние человека, в сумеречную зону между сознанием и небытием и понять, как вроде бы вполне заурядные люди <...> провоцируют ужасные ситуации, в которых проявляется извечная борьба добра и зла, созидания и разрушения» [Стулов 2019, с. 115].

¹⁴ Кинг С. Кэрри. С. 140.

¹⁵ Там же. С. 193.

¹⁶ Там же. С. 194.

¹⁷ Там же. С. 195.

Литература

- Зверев 2013 – *Зверев А.М.* Лекции, статьи. М.: РГГУ, 2013. 503 с.
- Райс, Долджен 2014 – *Райс Ф., Долджен К.* Психология подросткового и юношеского возраста. 12-е изд. СПб.: Питер, 2012. 816 с.
- Разумовская 2019 – *Разумовская О. По.* Лавкрафт. Кинг: четыре лекции о литературе ужасов. М.: Рипол-классик, 2019. 222 с.
- Стулов 2019 – *Стулов Ю.В.* 100 писателей США. Минск: Вышэйшая школа, 2019. 383 с.
- Фрезер 1998 – *Фрезер Дж.Дж.* Золотая ветвь: Исследования магии и религии: пер. с англ. М.: АСТ, 1998. 976 с.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 446 с.
- Юнг 1994а – *Юнг К.Г.* Аналитическая психология. СПб.: МЦНКИТ «Кентавр», 1994. 136 с.
- Юнг 1994б – *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления / пер. с нем. И. Булкина. Киев: AirLand, 1994. 405 с.
- Bloom 2007 – *Bloom H.* Stephen King. N.Y.: Chelsea House Publishers, 2007. 222 p.
- Power 1997 – *Power B.M.* Reading Stephen King. Issues of censorship, student choice, and popular literature. Urbana: NCTE, 1997. 246 p.
- Strengell 2005 – *Strengell H.* Dissecting Stephen King. From the Gothic to literary naturalism. Madison: The University of Wisconsin Press, 2005. 308 p.

References

- Bloom, H. (2007), *Stephen King*, Chelsea House Publishers, New York, USA.
- Frezer, Dzh.Dzh. (1998), *Zolotaya veto': Issledovaniya magii i religii* [The golden bough. Research on magic and religion], AST, Moscow, Russia.
- Fuko, M. (1996), *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: Raboty raznykh let* [The will to truth. Beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years], Kastaľ, Moscow, Russia.
- Power, B.M. (1997), *Reading Stephen King. Issues of censorship, student choice, and popular literature*, NCTE, Urbana, USA.
- Rais, F. and Doldzhen, K. (2012), *Psikhologiya podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychology of adolescence and young adulthood], Piter, Saint Petersburg, Russia.
- Razumovskaya, O. (2019), *Po. Lavkraft. King: chetyre lektzii o literature uzhasov* [Po. Lovecraft. King. Four lectures about horror literature], Ripol-klassik, Moscow, Russia.
- Strengell, H. (2005), *Dissecting Stephen King. From the Gothic to literary naturalism*, The University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Stulov, Yu.V. (2019), *100 pisatelei SShA* [100 writers of USA], Vysheishaya shkola, Minsk, Belarus.

- Yung, K.G. (1994), *Analiticheskaya psikhologiya* [Analytical psychology], Kentavr, Saint Petersburg, Russia.
- Yung, K.G. (1994), *Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya* [Memories, dreams, reflections], AirLand, Kyiv, Ukraine.
- Zverev, A.M. (2013), *Lektsii, stat'i* [Lectures and articles], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Тамара Л. Селитрина, доктор филологических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия; 450077, Россия, Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3-а; selitrina@yandex.ru

Information about the author

Tamara L. Selitrina, Dr. of Sci. (Philology), Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia; 3-a, Oktyabrskoy Revolutsii St., Ufa, Russia, 450077; selitrina@yandex.ru

Гонерилья американской глубинки:
роман Д. Смайли «Тысяча акров»

Татьяна Е. Комаровская
*Белорусский государственный педагогический
университет им. М. Танка, Минск, Беларусь,
kotar37@mail.ru*

Аннотация. Роман Джейн Смайли «Тысяча акров» довольно точно переносит шекспировскую трагедию на современную американскую почву, подчеркнуто сохраняя созвучие имен и повороты сюжета. Этот роман, построенный на мифологеме, представляет собой и вариант социального романа, продолжая в этой своей ипостаси традицию романов о земле и борьбе за нее Бальзака, Золя, Стейнбека, Фолкнера, Апдайка; и эта социальная направленность романа всячески подчеркивается автором в ее рассказе о земле, «перетекающей от фермера к фермеру», о присоединении новых участков посредством преступлений и подлости, о разрушении природы ради выгоды, несущем смерть в семье самих же разрушителей. Джейн Смайли разрабатывает топос фермы в условиях социальной действительности США 70–80-х годов XX в., лишая фермера и его деятельность какой-либо романтической окраски, исследуя социальные и нравственные последствия владения землей. На первый план в этом романе выходят темы нравственного оскудения фермера, достигшего успеха за счет хищнического использования земли, и эпистемологические поиски своей идентичности его дочерей. Одной из основных тем романа становится тема экофеминизма.

Ключевые слова: мифологема, социальный роман, топос фермы, идентичность

Для цитирования: Комаровская Т.Е. Гонерилья американской глубинки: роман Д. Смайли «Тысяча акров» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 131–139. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-131-139

Goneril of the American countryside. J. Smiley's novel "A Thousand Acres"

Tatiana E. Kamarovskaya

*Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus,
komar37@mail.ru*

Abstract. Jane Smiley's novel "A Thousand Acres" transplants Shakespeare's tragedy on the American soil rather accurately emphasizing the similarity of the names of the main characters to those of "King Lear", and the analogous turns of the plot. This novel is a social novel as well continuing the tradition of the interpretation of the theme of land by Balzac, Zola, Steinbeck, Faulkner, Updike. The social message of the novel is stressed by the author in her tale of the land "floating from farmer to farmer", of its expansion through crimes and meanness, of the destruction of nature which brings death into the families of the destructors. Jane Smiley develops a farm topos in the context of the social reality of the USA in the 70s and 80s of the 20th century, depriving the farmer and his activities of any romantic coloring, exploring the social and moral consequences of land ownership. The themes of the moral impoverishment of the farmer who has achieved success through predatory use of land and the epistemological search of his daughters for their identity come to the fore in this novel. One of the main themes of the novel is the theme of ecofeminism.

Keywords: social novel, a farm topos, epistemological search, identity

For citation: Kamarovskaya, T.E. (2025), "Goneril of the American countryside. J. Smiley's novel 'A Thousand Acres' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 131–139, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-131-139

Деконструкция классических текстов, являющаяся одной из главных особенностей постмодернистской литературы, свойственна и литературе реалистической. Роман Джейн Смайли, одной из крупнейших современных американских писательниц, «Тысяча акров» (1991), получивший Пулитцеровскую премию и Национальную премию американской критики, являет собой пример подобной деконструкции, представляющей способ создания новой художественной реальности на основе переконструирования и перекодирования заимствованных элементов традиции. Как постмодернистская, так и реалистическая литература тяготеет к шекспировским драмам как претекстам своих деконструкций, что и неудивительно, учитывая глубину и вечный общечеловеческий характер проблем, составляющих сущность творчества Шекспира.

«Тысяча акров» основана на современной интерпретации шекспировского «Короля Лира».

Творчество Джейн Смайли удачно соединяет в себе многие тенденции, свойственные современной литературе США и проявляющиеся в творчестве других писателей лишь частично.

«Тысяча акров» довольно точно переносит шекспировскую трагедию на современную американскую почву, подчеркнуто сохраняя созвучие имен и повороты сюжета. Американского короля Лира зовут Лэри, он – самый богатый фермер-миллионер в округе, владелец тысячи акров плодородной земли. Его старшую дочь, Вирджинию, никто не зовет иначе как Джини (Gini), что увеличивает сходство с Гонерильей, средняя Роза (близко к Регане), младшая Кэролайн (Корделия). И эта книга начинается со сцены дележа богатого наследства Лэри Кука – ему в 69 лет приходит в голову мысль удалиться на покой и предоставить дочерям и их мужьям управляться с хозяйством фермы, заодно переориентировав ее профиль, построить крупнейший свиноводческий комплекс в штате. И, конечно же, младшая дочь, которая только собирается замуж, оказывается лишенной наследства только за то, что позволяет себе усомниться в целесообразности подобного раздела. Как и его классический предшественник, американский король Лир не терпит возражений и инакомыслия рядом с собой. И в романе Д. Смайли дочери постепенно восстают против отца, пытаясь ограничить его своеволие и деспотизм. И здесь решающее объяснение, кульминация отношений происходит накануне свирепой бури, и Лэри Кук уходит в бурную ночь. Правда, из дому его никто не выгоняет, его собственный самый шикарный дом в округе находится в нескольких десятках метров от места объяснения, и он легко находит пристанище на ферме своего друга Гэралда Кларка, который остается верным ему до конца и в результате этой верности оказывается ослепленным (по ошибке, вместо Лэри Кука – многие сюжетные повороты «Короля Лира» в романе Смайли смягчены, адаптированы к реалиям дня сегодняшнего). И у этого аналога Глостеру (Harold – Gloucester) двое сыновей, и им надлежит сыграть ту же роль, что и в бессмертной трагедии Шекспира: старший, менее любимый отцом, останется верным ему и его другу Лэри Куку, младший станет сначала любовником старшей дочери американского короля Лира, затем – средней, почти станет ее мужем после гибели законного супруга Розы/Реганы и поднимет бунт против отца. И здесь старшая дочь, Джини, от отчаяния и ревности сделает попытку отравить сестру, правда, неудавшуюся. Джейн Смайли развивает мотив проклятия короля Лира старшей дочери (он проклял ее бесплодием), и Джини мучается от того, что ей не удается доносить ни одного из пяти зачатых ею детей. Как и в

трагедии Шекспира, американский король Лир лишается рассудка в ночь бури, меняет отношение к младшей дочери, воссоединяется с ней, проникается ненавистью к двум старшим дочерям и вскоре умирает. Умирает и его средняя дочь, Роза, а жизнь старшей, по ее собственному определению, после разрыва с мужем (как и положено мужу Гонерильи, оставшемуся лояльным Королю Лиру) и ухода из дому становится, по ее собственному определению, “afterlife, which didn’t contain a future” (жизнью после смерти, не имеющей будущего).

«Тысяча акров» – это история короля Лира, рассказанная его старшей дочерью, история, обратная шекспировской трактовке первопричин трагедии и характеров. Эта смена повествователя снова отсылает нас к канонам постмодернизма, в частности к традициям миноритарного театра, который, как известно, основан на деконструкции, при которой второстепенные действующие лица классического произведения становятся главными, и наоборот. Роман Смайли породил у меня довольно неожиданные, казалось бы, мысли относительно «Короля Лира» и отношения Шекспира к женщинам вообще. В самом деле, какие женские персонажи населяют драмы Шекспира? Ангелоподобные существа (Офелия, Корделия, Дездемона, Джульетта), дьяволицы вроде леди Макбет, старших дочерей короля Лира, ну еще веселые и коварные кумушки по типу «Виндзорских насмешниц». Величайший знаток человеческой души, Шекспир исследует по преимуществу мужскую душу, редко снисходя до подобного пристального внимания к душе женской. И Гонерилья, и Регана существуют в трагедии Шекспира в одной ипостаси – жестоких и коварных лицемеров, руководимых корыстью и похотью. Мотивация их поступков, глубинное исследование первопричин, сформировавших их личности, в драме Шекспира отсутствуют. А ведь намек на подобную мотивацию дан: король Лир с первого же своего появления предстает перед нами как деспот и самодур, он открыто предпочитает старшим дочерям младшую. Этот аспект блестяще разработан в романе Джейн Смайли.

Роман основан на принципе приближения. В начале романа милая, уступчивая и застенчивая Джини, а pinny (простофиля), как она назовет себя впоследствии, говорит об отце с благоговением, вспоминая о том, что в школе отцы других девочек не казались ей настоящими отцами, что в ее глазах могущество ее отца равнялось могуществу Бога. Она гордится и своими предками, которые, осушив, казалось бы, абсолютно непригодные для земледелия земли, стали получать невиданные прежде урожаи и заложили основы процветания семьи, и своим отцом, замечательным фермером. На протяжении 2–3 летних месяцев ее отношение к отцу, ее видение

мира кардинально меняются: и под влиянием изменившегося положения отца в семье (ведь она больше не зависит от него материально, к тому же ей все труднее мириться с его деспотизмом), и под влиянием его диких выходок (оставшись не у дел, Лэри, который, как выясняется, всегда пил много, начинает все более злоупотреблять спиртным, гоняет по дорогам графства в состоянии сильного алкогольного опьянения, совершает странные поступки, попадает в аварию); но решающая роль в этом прозрении принадлежит ее младшей сестре Розе, которая, как оказывается, давно ненавидит отца и мечтает об отмщении. Она-то постепенно и заставляет Джини вспомнить то, что последняя либо старается не вспоминать, либо напрочь забыла благодаря спасительной работе подсознания, ибо только так она смогла выжить и сохранить психику в нормальном состоянии.

Постепенно выясняется, что современный американский король Лир, деспот и самодур, исковеркал жизни и личности двух своих старших дочерей, нещадно избивая их за малейшую провинность, заставляя их годами сожительствовать с ним, подавляя в них малейшее проявление личности и воли. Результатом этого стали сильнейший комплекс неполноценности у Джини, заниженная самооценка, повлекшие сложности в отношениях с другими людьми (ведь отец когда-то бросил ее ради Розы, и ее подсознание зафиксировало это, превратив в убежденность, что она настолько ничтожна и непривлекательна, что не может быть любима никем). Эта духовно более слабая дочь американского короля Лира оказалась сломленной выпавшими на ее долю испытаниями и неготовой к дальнейшей жизненной борьбе. Вспоминая страшную сцену первого прихода отца ночью к ней в спальню, она говорит о том, что все, что она смогла противопоставить ему тогда и что с тех пор могла противопоставить враждебным обстоятельствам, это “desperate limp inertia, resistance without seeming to resist” («отчаянную слабую инертность, сопротивление, не ощущаемое как сопротивление»)¹.

Средняя сестра, мечтающая о возмездии отцу, открыто признается в том, что «он меня не изнасиловал, он меня соблазнил»² тем, что постоянно подчеркивал свое предпочтение, угрожая, что в случае отказа он вернется к старшей сестре или, того хуже, примется за самую младшую, Кэролайн. Страх перед отцом и естественная жажда любви единственного близкого человека (к тому времени девочки уже были сиротами) определили ее поведение – и ее даль-

¹ Smiley J. A Thousand Acres. N.Y., 1991. P. 370. Здесь и далее перевод наш. – Т. К.

² Ibid. P. 212.

нейшую жизнь – то, что она вышла замуж за блестящего молодого человека с одной целью, чтобы он увез ее подальше от отца, а когда этого не случилось, разрушила жизнь своего мужа, рассказав ему об отце, сделав его орудием мщения, став причиной его пристрастия к спиртному и ранней смерти. Роза не способна на созидание, естественное для женщины, только на разрушение, не способна на любовь – только на ненависть и жажду мести. Она разрушает не только жизнь своего мужа, но и своей сестры, используя в своих целях сестринскую любовь и преданность Джини. И только одним оправдывает ее автор: духовным мужеством, умением смотреть в глаза самой жестокой жизненной правде и жить с ней.

Шекспировский король Лир, потеряв все, прозревает и обретает истинную человечность. Подобного прозрения не дано испытать Лэри Куку. К отчаянию Розы, он умирает, так и не осознав всю меру своей вины перед дочерьми, не раскаявшись. Как это часто бывает в произведениях, основанных на мифе, роман Джейн Смайли, сохраняя внешнее подобие мифу, скорее отталкивается от него, раскрывая свой истинный смысл не детальным следованием литературному первоисточнику, но своим расхождением с последним. Этот роман, построенный на мифологеме, представляет собой и интересный вариант социального романа, продолжая в этой своей ипостаси традицию романов о земле и борьбе за нее Бальзака, Золя, Стейнбека, Фолкнера, Апдайка, Я. Коласа.

Местом действия своего романа Джейн Смайли избирает Средний Запад, округ Зебулон, фермерский край. Фермер – значительная фигура в истории страны, когда-то Соединенные Штаты и начинались с фермерских хозяйств и сильных, трудолюбивых, независимых людей, осваивавших новую землю и своим трудом создававших процветание страны. Еще Джек Лондон сто лет назад грезил идеалом фермерской демократии (роман «Лунная долина»). Джейн Смайли разрабатывает топос фермы в условиях социальной действительности США 70–80-х годов XX в., лишая фермера и его деятельность какой-либо романтической окраски, исследуя социальные и нравственные последствия владения землей. Социальная направленность романа всячески подчеркивается автором в ее рассказе о земле, «перетекающей от фермера к фермеру», о присоединении новых участков посредством преступлений и подлости, о разрушении природы ради выгоды, несущей смерть в семье самих же разрушителей. Как выясняется, бесплодие Джини обусловлено совсем не мистическими, но сугубо земными причинами: наличием слишком высокого уровня нитратов в воде, поступающей из тех самых дренажных колодцев, на которых держится семейное благополучие Куков. Та же причина ответственна за смерть Розы

от рака – в 37 лет, как и за смерти других героинь романа. В своей филиппике, направленной против мужчин, Роза, в ответ на замечание сестры о том, что не следует судить обо всех мужчинах по их отцу, гневно отвечает: «Но ведь дело в том, что его уважают. Другие берут с него пример. Он прекрасно вписывается в свое окружение <...>. Вот что меня убивает. Человек, который избивает и насилует своих дочерей, пользуется почетом в обществе и считает это чем-то самым собою разумеющимся, словно он действительно заслуживает этого»³. И в конце концов именно банкир Мав Карсон разоряет Куков, сначала соблазнив Лэри идеей свиноводческого комплекса, а затем сделав все, чтобы они не смогли ввести его в строй вовремя и погрязли в долгах.

Автор психологически точно прослеживает, как сама идея сделаться владельцем большого земельного надела развращает сознание и Розы, и Джесса-Эдмунда, и Кэролайн, и даже доброй уступчивой Джини, заставляя их стремиться к обладанию землей и во имя этого обладания забывать о доброте, совести, честности, порядочности, переступать через родственные связи. Именно осознание этого, осознание владения тысячей акров как проклятия, от которого надо бежать, заставляет Джини после судебного разбирательства, утвердившего право на землю ее и Розы, бежать из дома в неизвестность с одной тысячей долларов в кармане, и воспринимать свое новое положение официантки в дешевой закусочной как благо. Собственно, прозрение Джини в романе носит в первую очередь социальный характер, оно неотделимо от ее понимания роли отца в жизни ее и ее сестры. В последнем разговоре с мужем через три года после этого бегства, обвиняющим Розу в том, что она разрушила ферму и положила конец славной семейной истории процветания нескольких фермерских поколений, Джини очень точно определяет разницу между красивым мифом и жестокой правдой:

«Я помню, когда и я смотрела на все твоими глазами. Гордый прогресс от прадедушки Дэвиса к дедушке Куку и к отцу. Когда “мы” купили первый трактор в округе, когда “мы” построили большой дом, когда “мы” опыляли всходы с самолета, когда “мы” купили машину, когда “мы” осушили угол Мэла, когда “мы” получили 172 бушеля зерна с акра. Я помню все это как молитву или как то, что я замужем. Приятно помнить об этом и повторять это. Приятно быть частью этого. Но потом я увидела, какой на самом деле была моя часть... Ты видишь эту красивую историю, но я вижу удары. Я вижу присвоение того, что ты хочешь иметь только потому, что ты этого хочешь, а потом при-

³ *Smiley J. Op. cit. P. 302.*

думывание красивой истории, которая бы оправдала это присвоение. Я вижу, как других заставляли платить за наши желания, а мы тут же забывали, какой была цена. Думаю ли я, что отец избивал и насиловал нас по собственной склонности? Нет <...> это было частью наследия вместе с землей и желанием управлять всем так, как он хотел, пропади оно все пропадом, отравляя воду, уничтожая верхний плодородный слой, покупая все больше и больше техники, и затем успокаиваясь на мысли, что он поступает правильно»⁴.

Логикой развития действия и раскрытия характеров в романе автор подчеркивает, что брак Джини распался, в первую очередь, не из-за появления другого мужчины в ее жизни, но в силу воздействия того же яда собственности: Джини, одержимая комплексом неполноценности, никогда не верит до конца в искренность чувств своего мужа (чего стоит ее замечание о том, что и в постели «он старался быть достойным тысячи акров, на которых женился»), а в пору обострения семейного конфликта она объясняет его примиренческую позицию (герцог Альбанский) не порядочностью, миролюбивым нравом, привязанностью к ферме, но хитростью и расчетом, стремлением обойти всех и завладеть землей.

Да и Роза, после недолгого торжества на отвоеванной у отца ферме, умирая, завещает землю не дочерям, но сестре, с тем чтобы «это», т. е. проклятие владения землей, закончилось с их поколением.

«Тысяча акров» – это и феминистский роман, роман о поиске женщиной своей идентичности и нелегком обретении его и своей подлинной сути, ради чего она теряет семью, мужа, обретая только одиночество, а кроме того, и познание тех темных сторон человеческой натуры, которые делают человека готовым к преступлению.

Своеобразие романа Джейн Смайли как романа феминистского – в психологически точном воссоздании женской психики, женского восприятия мира, в негативной окраске всех мужских персонажей романа и подчеркивании их большей или меньшей враждебности женщинам, непонимания женщин и, вместе с тем, в показе тех опасностей, которые таит для женщины стремление реализовать свое право на свободу, реализовать себя как личность. Эта мысль еще отчетливее выражена в повести писательницы «Обыкновенная любовь» (1989).

Современное мироощущение многих американцев отразилось в художественном слиянии трех пластов этого мифологического, социального и феминистского романа, основанного на деконструкции классического текста.

⁴ *Smiley J.* Op. cit. P. 342–343.

Информация об авторе

Татьяна Е. Комаровская, доктор филологических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск, Беларусь; 220030, Беларусь, Минск, ул. Советская, д. 18; komar37@mail.ru

Information about the author

Tatiana E. Kamarovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus; 18, Sovetskaya St., Minsk, Belarus, 220030; komar37@mail.ru

Провинция и столица: диалог с Чеховым (рассказ Джойс Кэрол Оутс «Дама с собачкой»)

Евгения М. Бутенина

*Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия, butenina.em@dvfu.ru*

Аннотация. Рассказ Джойс Кэрол Оутс «Дама с собачкой» (1972) – современная версия чеховского шедевра, рассказанная с женской точки зрения. В статье сопоставляются литературно-географические аналоги (столичные города, где живут герои, – Москва и Нью-Йорк, – провинциальные города, где живут героини, – город С. и безымянный город в Огайо, – и курортные локации, где происходит их встреча, – Ялта и остров Нантакет) и делаются выводы об их роли в русско-американском интертекстуальном диалоге. В частности, отмечается, что в противопоставлении безликой провинции и места судьбоносной встречи героев и в рассказе Чехова, и в рассказе Оутс важна удаленность от моря или близость к нему. Рассказы также роднит большое расстояние, преодоленное героинями по дороге к морю и символизирующее путь их внутреннего преобразования. В статье также анализируются черты феминизации «чеховского» рассказа Оутс: он написан от третьего лица, но с точки зрения героини, а для передачи женской психологии повествование строится не хронологически, а циклически и ретроспективно. Поэтому в версии Оутс подчеркивается духовное перерождение героини, а не героя.

Ключевые слова: русская классика, интертекстуальный диалог, феминизация литературного текста, литература США XX в.

Для цитирования: Бутенина Е.М. Провинция и столица: диалог с Чеховым (рассказ Джойс Кэрол Оутс «Дама с собачкой») // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 140–148. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-140-148

Provincial town versus capital city.
A dialogue with Chekhov
(Joyce Carol Oates' "The lady with the pet dog")

Evgenia M. Butenina

*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
butenina.em@dofu.ru*

Abstract. Joyce Carol Oates' short story "The lady with the pet dog" (1972) is a modern version of Chekhov's masterpiece told from a woman's point of view. The paper compares literary and geographic analogues of the two stories (the capital cities where the heroes live, – Moscow and New York, – the provincial towns where the heroines live, – the town of S. and an unnamed town in Ohio, – and the resort locations where their meeting takes place, Yalta and Nantucket Island), which leads to some findings about the role of the topoi in Russian-American intertextual dialogue. In particular, it is noted that in the contrast between the faceless province and the place of the protagonists' fateful meeting, both in Chekhov's story and in Oates' story the distance from the sea versus the proximity to it is quite important. Another similarity of the stories is the long distance covered by the heroines on their way to the sea, which symbolizes the path of their internal transformation. The article also analyzes the feminization of Oates' "Chekhov" story: the American woman author wrote hers in the third person, but from the heroine's point of view, and to convey female psychology, constructed her narrative not chronologically, but cyclically and retrospectively. Thus Oates's version emphasizes the spiritual rebirth of the heroine, not the hero.

Keywords: Russian classics, intertextual dialogue, feminization of the literary text, US literature of the 20th century

For citation: Butenina, E.M. (2025), "Provincial town versus capital city. A dialogue with Chekhov (Joyce Carol Oates' 'The lady with the pet dog')", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 140–148, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-140-148

Рассказ Джойс Кэрол Оутс «Дама с собачкой» (1972) – современная версия чеховского шедевра, рассказанная с женской точки зрения. Напомним, что в чеховском рассказе героиня, Анна Сергеевна, приезжает в Ялту из провинциального города С., за которым, возможно, скрывается Серпухов (где сейчас установлена скульптурная композиция «Дама с собачкой», а напротив нее размещен памятник Чехову), а Гуров – из Москвы. Оутс сохраняет не только название претекста, его основной сюжет и имя героини, но также

воссоздает чеховские топосы по-американски: ее герои встречаются на курортном острове Нантакет (штат Массачусетс), женщина живет в безымянном городе в Огайо, а мужчина – в Нью-Йорке. В статье сопоставляются эти литературно-географические аналоги и делаются выводы об их роли в русско-американском интертекстуальном диалоге (подробнее о других англоязычных интерпретациях рассказа «Дама с собачкой» см. [Бутенина 2015]).

Как и Чехов, Оутс родилась и выросла в небольшом провинциальном городе: в ее случае это Локпорт, расположенный в северной части штата Нью-Йорк. Возможно, этот факт биографии сыграл определенную роль в формировании художественной идентичности писательницы: в интервью 2021 г. для читателей Библиотеки иностранной литературы она отметила, что рассказы Чехова оказали самое большое влияние на ее творчество, поскольку, на ее взгляд, его герои более естественные, простые люди, чем исключительные личности в романах Достоевского¹.

Тема влияния русской классики на прозу Джойс Кэрол Оутс практически не отражена в российском литературоведении. Так, Я.Н. Засурский упоминает о своей встрече с писательницей в 1977–1978 гг., ее интересом к гротеску, в этой связи к Гоголю и в целом к сверхъестественному в литературе²; Е.С. Михалева лишь отмечает значение для Оутс прозы Гоголя и Достоевского, но не углубляется в анализ ее текстов [Михалева 2023]; Е.В. Никольский несколько неожиданно сопоставляет мотив отчего дома в романе «Сергей Горбатов» (1881), первой части эпопеи Всеволода Соловьева «Хроника четырех поколений» и в романе Оутс «Сага о Бельфлерах» (*Bellefleur*, 1980) [Никольский 2012]. Таким образом, значимость Чехова для творчества Оутс не становилась темой отдельного внимания исследователей, тогда как она, безусловно, его заслуживает.

В «чеховском» рассказе Оутс выразительны черты феминизации: он написан от третьего лица, но с точки зрения героини, а для передачи женской психологии повествование строится не хронологически, а циклически и ретроспективно. Рассказ состоит из трех частей и начинается с кульминации: герой неожиданно приезжает в город, где живет героиня, и они встречаются в концертном зале. Вторая часть рассказывает о расставании и снова воспроизводит

¹ Артемова А. Встреча с Джойс Кэрол Оутс в «Иностранке». 23 дек. 2021. URL: <https://libfl.ru/ru/news/vstrecha-s-dzhoys-kerol-outs-v-inostranke> (дата обращения 25.10.2024).

² Засурский Я.Н. Н.В. Гоголь и литература США // Медиаскоп. 2009. № 3. С. 4.

кульминационную встречу, и еще раз эта встреча упоминается в третьей части, где за ней следует описание знакомства и возобновления отношений. Сложная композиция отражает смятение героини, а трижды описанная встреча после разрыва отражает женскую особенность многократно переживать сильные эмоциональные впечатления.

Выбирая штат Огайо в качестве места жительства своей героини, Оутс косвенно напоминает читателю о классическом сборнике Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо» (1919). Как заметил Б.А. Гиленсон, «Андерсон развенчивал миф о милой и добропорядочной провинциальной жизни, его герои страдали не от материальной нужды, а от душевной неустроенности, внутреннего дискомфорта, а главное, неопределимого одиночества»³. Символично, что один из рассказов этого сборника Андерсона называется «Одиночество».

Из такого тесного мирка героиня Оутс выбирается к морю, преодолевая расстояние более чем в тысячу километров и совершая при этом еще и переход из одного культурно-географического региона США в другой: со Среднего Запада на Северо-Восток. Нантакет находится всего в пятидесяти километрах к югу от полуострова Кейп-Код, который любил изображать Эдвард Хоппер. Поэтому побережье в солнечный день, когда произошла встреча героев, возможно, выглядело, как залив Кейп-Код на одноименном пейзаже 1965 г., а они сами – как семейная пара с колли на картине «Вечер на Кейп-Код», созданной в 1939 г.

Итак, однажды утром Анна встречает мужчину с мальчиком и собакой, золотистым ретривером. На следующее утро она видит их снова, и на этот раз новый знакомый принес блокнот и после нескольких приветственных фраз предложил Анне нарисовать ее портрет. Она позирует, сидя на песке, а дружелюбный пес приставляется рядом с ней. Затем мужчина предлагает женщине выбрать понравившийся рисунок, и она выбирает тот, где собака забралась к ней на колени, а она сама «сидит очень прямо, глаза и брови четко очерчены, губы по-девичьи сжаты». «Дама с собачкой», – комментирует ее выбор мужчина⁴.

В Нантакете Анна остановилась в доме родителей, однако на вопрос героя, откуда она родом, отвечает: «Из Огайо. Мой муж жи-

³ Гиленсон Б.А. Андерсон Шервуд // Зарубежные писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. / ред. Н.П. Михальская. М.: Просвещение, 1997. С. 22.

⁴ Oates J.C. The lady with the pet dog // The Bedford introduction to literature / 3d ed. by M. Meyer. Boston: Bedford Books of St. Martin's Press, 1993. P. 170.

вет в Огайо», словно она растворена в браке, и место рождения потеряло свое значение (чеховская Анна, напротив, сообщает Гурову, что выросла в Петербурге и в С. живет «уже два года», коротким наречием невольно подчеркивая длительность этого срока в глуши)⁵. По пути домой героиня Оутс навещает сестру в Олбани, городе, который, хотя и является столицей штата Нью-Йорк, воплощает провинциализм, что отражено в пренебрежительном прозвище *Smallbany* и выражении “*Smallbany mentality*”, характеризующем ограниченность мировидения его жителей. Это промежуточная остановка Анны по маршруту от моря, солнца и ярких впечатлений в жизни назад в серую провинцию. Поэтому перед началом своего курортного романа она довольно холодно решается на «акт адюльтера», воспринимая его как некое «достижение, которое она привезет с собой в Огайо и в свой брак»⁶.

Героиня возвращается домой, в некий безымянный город, словно весь штат Огайо – безликий монолит. В рассказе упоминается концертный зал DeRoy Symphony Hall, но, видимо, это вымышленное название, поскольку поиск в сети Интернет предлагает лишь DeRoy Hall и Helen L. DeRoy Auditorium, и оба объекта находятся в Дейтройте, штат Мичиган, граничащий с Огайо. Однако город в рассказе Оутс достаточно большой: когда начинается роман героев, они каждый раз встречаются в разных гостиницах, и Анна отмечает их многочисленные услуги, лифты и номера. Напомним, что чеховская Анна приезжала к Гурову в Москву, поскольку в маленьком С. их встречи не могли бы оставаться незамеченными. Так, провинциальность, акцентированная Чеховым в повторении эпитета «серый» при описании городка С. («серое солдатское сукно» на полу «лучшего номера», где остановился Гуров, «дешевое серое, словно больничное» одеяло на его кровати и «серый, длинный забор с гвоздями» напротив дома Анны Сергеевны), может не зависеть от размеров города и даже его официального статуса.

Герой Оутс, оставшийся безымянным, – столичный житель, как и чеховский Гуров. Писательница упоминает его большой дом на Лонг-Айленде, острове, входящем в состав Нью-Йорка. Как известно, Нью-Йорк – культурная столица США, во всяком случае, на восточном побережье. Поэтому ньюйоркцы высокомерны даже по отношению к жителям пригородов, что отражено, например, в идиоме *bridge and tunnel people* – презренные обитатели «провинции», которым необходимо пересечь мосты и туннели, чтобы по-

⁵ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1977. С. 126.

⁶ Oates J.C. Op. cit. P. 171.

пасть на Манхэттен (как замечает автор «Нью-Йорк таймс»: *I was bridge-and-tunnel – the lowest of the low – and everyone knew it, from the second I crawled out of the subway, to the moment I ran back there to try to get home by 5 a.m.* [Musto 2015]). А жители предместий даже страдают от «пригородной болезни»⁷, осознавая безликость места своего проживания. Интересно, что, в отличие от Гурова, герой Оутс приезжает к возлюбленной в провинцию, где чеховские «реинкарнации» по-американски постепенно осознают значимость их встречи и где им предстоит пережить душевное перерождение.

Оутс намечает преображение своей героини еще при описании ее портрета, сделанного героем. При этом писательница полемизирует с Чеховым: если Гурову юная «угловатость» Анны Сергеевны поначалу казалась жалкой⁸, то героя Оутс явно привлекло что-то девичье в Анне, и она сама зачарована своим портретом, поэтому на первом свидании пытается «придать лицу выражение, которое увидела на этом рисунке углем». Потом, в «час, когда все решается», она пугается, что незнакомец перестанет видеть в ней даму с собачкой, ощущает, как «красота стекает с лица, глаза тускнеют», и ей лучше остаться одной⁹. Героиня Оутс словно помнит, каким безжалостным может быть мужское видение «падшей женщины», и ей хочется избежать взгляда, которым Гуров смотрел на Анну Сергеевну: «У нее опустились, завяли черты, и по сторонам лица печально висели длинные волосы, она задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине»¹⁰.

Взятая американской Анной пауза определила ее сильную позицию в отношениях с современным героем. Когда наступает момент первого расставания, ей кажется, что она освободилась от возлюбленного, «скоро покинет его, и за несколько дней он станет прошлым, безличным прошлым...»¹¹. В концертном зале, куда герой неожиданно приезжает, чтобы увидеть ее, она останавливает его приближение качанием головы. Но дома, снова взглянув на портрет «дамы с собачкой», она решает пойти к нему на свидание в гостиницу.

Итак, в версии Оутс именно Анне предстоит преображение, произошедшее с Гуровым. Из рассудочной особы, равнодушной

⁷ Scott A.O. Review: In 'The Land of Steady Habits,' Suburban Malaise, With a Twist". Sept. 13, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/09/13/movies/the-land-of-steady-habits-review.html> (дата обращения 04.03.2024).

⁸ Чехов А.П. Указ. соч. С. 130.

⁹ Oates J.C. Op. cit. P. 171.

¹⁰ Чехов А.П. Указ. соч. С. 132.

¹¹ Oates J.C. Op. cit. P. 165.

к мужу, в котором, в отличие от Анны Сергеевны, у нее нет причин видеть лакея, она становится женщиной, способной на настоящее чувство. Как и Гуров, американская Анна переживает озарение о своей любви, глядя в зеркало. Но, в отличие от чеховского героя, она смотрит не на себя, а на своего возлюбленного и понимает, что он и есть ее настоящий муж, ее судьба. Тогда лицо ее озаряется таким светом, что он изумленно спрашивает: «Чему ты так рада? Что случилось?.. Как ты можешь выглядеть такой счастливой? У нас нет на это права. Это потому...?», и она отвечает ему «Да»¹².

Описывая состояние своей героини в финальной сцене рассказа, Оутс упоминает ее мысль о том, что она вела себя правильно, инстинктивно. В.Я. Звиняцковский обоснованно определяет эту деталь, как и несколько нерешительных попыток самоубийства героини Оутс, «третьей Анны», полемикой писательницы с Толстым [Zviniatskovsky 1997, p. 134]. Исследователь напоминает дневниковую запись Толстого о «Даме с собачкой»: «Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло <...> почти животные»¹³. Оутс утверждает право женщины на счастье, откликаясь на чеховское слово, поэтому распространенное феминистское прочтение ее рассказа как «замысла против Чехова» [Brennan 1985; Smith 1973] противоречит и интервью писательницы, и ее тексту.

В противопоставлении безликой провинции и места судьбоносной встречи героев в рассказах Чехова и Оутс важна удаленность от моря и близость к нему. В тексте Чехова немаловажную роль также играет Москва, где развивается роман Анны Сергеевны и Гурова, тогда как в тексте Оутс Нью-Йорк лишь упоминается, придавая столичный ореол герою. Сближает рассказы большое расстояние, преодоленное героинями по дороге к морю и символизирующее путь их эмоционального преобразования. При этом Оутс лишь упоминает море, но не описывает его, возможно, надеясь, что ее читатели вспомнят слова Чехова: «успокоенный и очарованный в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба, Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве»¹⁴.

¹² Oates J.C. Op. cit. P. 175.

¹³ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 54: Дневники, записные книжки и отдельные записки, 1900–1903. М.: Гос. изд-во, 1935. С. 9.

¹⁴ Чехов А.П. Указ. соч. С. 140.

Литература

- Бутенина 2015 – *Бутенина Е.М.* Три американские вариации «Дамы с собачкой» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 1 (45). С. 100–104.
- Михалева 2023 – *Михалева Е.С.* Влияние русской литературы на творчество Джайс Карол Оутс // Англоязычная литература в контексте англо-русских культурных связей: Материалы Региональной научно-практической конференции «II Колесниковские чтения». Москва, 6 декабря 2022 г. М.: Гос. ун-т просвещения, 2023. С. 62–67.
- Никольский 2012 – *Никольский Е.В.* Семантическая роль мотива отчего дома в романах – семейных хрониках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 «Филология и искусствоведение». 2012. № 1. С. 53–56.
- Brennan 1985 – *Brennan M.C.* Plotting against Chekhov. Joyce Carol Oates and “The Lady with the Dog” // *Notes on Modern American Literature*. 1985. No. 9. P. 13–20.
- Musto 2015 – *Musto M.* Are Manhattanites becoming Brooklyn’s bridge-and-tunnel crowd? 2015. March 4. URL: <https://www.nytimes.com/2015/03/05/style/are-manhattanites-becoming-brooklyns-bridge-and-tunnel-crowd.html> (дата обращения 25.10.2024).
- Smith 1973 – *Smith V.L.* Anton Chekhov and the *Lady with the Dog*. L.: Oxford University Press, 1973. 249 p.
- Zviniatskovsky 1997 – *Zviniatskovsky V.* Two ladies with two dogs and two gentlemen (Joyce Carol Oates and Chekhov) // *Chekhov then and now. The reception of Chekhov in world culture* / ed. by J. Douglas Clayton. N.Y.: Peter Lang, 1997. P. 125–136.

References

- Butenina, E.M. (2015), “Three American variations of ‘Lady with the pet dog’”, *The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 45, no. 1, pp. 100–104.
- Brennan, M.C. (1985) Plotting against Chekhov: Joyce Carol Oates and ‘The Lady with the Dog’, *Notes on Modern American Literature*, no. 9, pp. 13–20.
- Mikhaleva, E.S. (2023), “Russian literature’s influence on Joyce Carol Oates”, in *Angloyazychnaya literatura v kontekste anglo-russkikh kul’turnykh svyazei: Materialy Regional’noi nauchno-prakticheskoi konferentsii ‘II Kolesnikovskie chteniya’*. Moskva, 6 dekabrya 2022 [English literature in English-Russian literary ties. Proceedings of the Regional Conference. Moscow, 6 Dec. 2022]. Moscow, Russia, pp. 62–67.
- Musto, M. (2015), *Are Manhattanites becoming Brooklyn’s bridge-and-tunnel crowd?* March 4, available at: <https://www.nytimes.com/2015/03/05/style/are-manhattanites-becoming-brooklyns-bridge-and-tunnel-crowd.html> (Accessed 25 Oct. 2024).

- Nikolskii, E.V. (2012), "The semantic role of parental home in family sagas", *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, no. 1, pp. 53–56.
- Smith, V.L. (1973), *Anton Chekhov and the Lady with the Dog*, Oxford University Press, London, UK.
- Zviniatskovsky, V. (1997), "Two ladies with two dogs and two gentlemen (Joyce Carol Oates and Chekhov)", in Douglas Clayton, J., ed., *Chekhov then and now. The reception of Chekhov in world culture*, Peter Lang, New York, USA, pp. 125–136.

Информация об авторе

Евгения М. Бутенина, доктор филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия; 690922, Владивосток, Россия, о. Русский, п. Аякс, д. 10; butenina.em@dvfu.ru

Information about the author

Evgenia M. Butenina, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia; 10, Ayaks, Russkii Island, Vladivostok, Russia, 690922, butenina.em@dvfu.ru

Образ американской глубинки
в альтернативно-исторических произведениях
о Второй мировой войне и ее последствиях

Ирина В. Брянцева

Московский физико-технический институт,
Долгопрудный, Россия, birina240595@gmail.com

Аннотация. Альтернативно-исторические художественные тексты традиционно притягивают внимание исследователей и критиков в контексте создания терминологических трактовок и иных вариантов наименования, рассмотрения истоков зарождения феномена и процесса формирования данного поджанра фантастики в мировой литературе, выявления типологий и классификаций, изучения общности и различий построения сюжетов о конкретных эпохах в пределах одной и нескольких литератур, а также исследования связи альтернативной истории с другими литературными жанрами. Однако изучение специфики локализации художественного пространства жанровых произведений представляется не менее значимой задачей для исследования особенностей жанра. Данная статья посвящена рассмотрению образа американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях. Для анализа в контексте заданной проблематики выбраны два американских художественных текста, созданных на разных этапах развития жанра: изданная в 1958 г. повесть С.М. Корнблата «Две судьбы» и увидевший свет в 2001 г. роман Д. Куинна «После Дахау». Особое внимание в статье уделяется приведению доказательных примеров о значимости глубинки как локации, активно задействованной в построении альтернативно-исторического нарратива в обоих исследуемых произведениях.

Ключевые слова: американская художественная литература, альтернативная история, альтернативно-историческая художественная литература, американская глубинка, Вторая мировая война, С.М. Корнблат, Д. Куинн

Для цитирования: Брянцева И.В. Образ американской глубинки в альтернативно-исторических произведениях о Второй мировой войне и ее последствиях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 149–158. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-149-158

The image of the American remote places
in alternate history fiction
about the Second World War and its consequences

Irina V. Briantseva

*Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia,
birina240595@gmail.com*

Abstract. Alternate history fiction traditionally attracts the attention of researchers and critics in the context of creating terminological interpretations and other naming options, considering the origins of the phenomenon and the process of formation of this subgenre of science fiction in world literature, identifying typologies and classifications, studying the commonality and differences in the construction of plots about specific eras in one and several literatures, as well as exploring the connection between alternate history and other literary genres. However, studying the specifics of localization of the narrative space of genre works seems to be an equally significant task for studying the characteristics of the genre. This article is devoted to the consideration of the image of the American remote places in alternate history works about the Second World War and its consequences. For analysis in the context of the given problems, two American literary texts created at different stages of the development of the genre were selected: a story “Two Dooms” by C.M. Kornbluth, which was published in 1958, and D. Quinn’s novel “After Dachau”, which was published in 2001. Particular attention in the article is paid to providing evidence-based examples of the significance of the remote places as a location actively involved in the construction of an alternate history narrative in both works under study.

Keywords: American fiction, alternate history, alternate history fiction, American remote places, World War II, C.M. Kornbluth, D. Quinn

For citation: Briantseva, I.V. (2025), “The image of the American remote places in alternate history fiction about the Second World War and its consequences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 149–158, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-149-158

В современном понимании альтернативная история – «жанр художественной литературы, в котором автор размышляет о том, каким образом трансформируется привычный ход истории, если изменить итог конкретного исторического события»¹. Выбор исто-

¹ Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/alternative-history> (дата обращения 22.03.2024).

рической развилки зависит от исторического периода, ведь каждая эпоха имеет определенное количество памятных дат, имеющих потенциал начать отсчет времени существования нового ответвления от общепризнанного варианта развития исторического процесса. Романное пространство жанровых художественных текстов на первый взгляд должно быть локализовано исключительно в местах, наиболее подходящих для процесса творения истории – в полях сражений, королевских дворцах, командных и административных центрах, дворянских усадьбах и особняках заговорщиков. Конечная палитра локаций зависит от авторской задумки, содержащей в себе множество вариативных параметров: насколько удален основной сюжет от точки бифуркации, задействованы ли в процессе изменения истории фантастические элементы, в какой стране и эпохе разворачивается история, со скольких точек зрения показаны происходящие в произведении события, каковы социальный статус и род деятельности главного героя или группы центральных персонажей и другие подобные детали.

На этом основании важным представляется исследование значимости глубинки в качестве локации альтернативно-исторической литературы. Предметом анализа в настоящей работе является образ глубинки в американских альтернативно-исторических произведениях, объединенных исторической развилкой, произошедшей в эпоху Второй мировой войны, – повести С.М. Корнблата «Две судьбы»² и романа Д. Куинна «После Дахау»³. Понимание значения слова «глубинка» опирается на трактовку толкового словаря русского языка Д.В. Дмитриева, определяющего данное понятие как «место или населенный пункт, расположенные вдали от столицы государства или других больших городов»⁴.

В художественном тексте Сирила Корнблата «Две судьбы» рассказывается невероятная история, произошедшая с Эдвардом Ройландом, научным сотрудником лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико, в которой велись секретные работы по созданию атомной бомбы во время Второй мировой войны. Через призму восприятия главного героя автор подчеркивает расхождение ожидания: «Лаборатория! Слово это должно было означать

² Kornbluth C.M. Two dooms // Venture Science Fiction Magazine. 1958. Vol. 2. No. 4. Whole no. 10. P. 4–49.

³ Quinn D. After Dachau. N.Y.: Context Books, 2001. 230 p. URL: <https://www.readanybook.com/online/695951> (дата обращения 25.03.2024).

⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/784/глубинка> (дата обращения 22.02.2024).

прохладное, наполненное людьми, но вместе с тем тихое помеще-
ние»⁵ с реальностью: крытыми гофрированным железом бараками
в засушливой американской глубинке, в которых располагались:
общежитие на 38 ученых разных национальностей, общая убор-
ная, кафетерий с ужасной едой, а также окруженная ключевой
провокацией научно-исследовательская зона, в которой персонажу
предоставили отдельный кабинет – «еще одну каморку размером
в спичечный коробок, душную и шумную, наполненную голосами
людей и трескотней окружающих его со всех сторон пишущих ма-
шинок и арифмометров»⁶. Недовольство окружающей обстановкой
соединяется в размышлениях персонажа с сомнением в выборе
собственного пути: с одной стороны, Эдвард не знает, сможет ли
гордиться своей работой, как его сокурсники, выбравшие военную
карьеру, с другой – сомневается, должно ли настолько мощное ору-
жие появиться на свет.

Положительный результат выполненных героем расчетов, под-
тверждающих работоспособность проекта, не способствует реше-
нию данной моральной дилеммы. В поисках душевного равновесия
ученый обращается к живущему недалеко от поселения индейскому
знахарю Чарлзу Миллеру Нахатаспе. В диалог персонажей автор с
иронией вплетает детали национального колорита: в словах индейца
сочетаются первобытные представления о болезни «Мою печень
пожирает змея. Забралась туда и ест»⁷ и современные термины
«Что знает необразованное дитя природы о всяких там бактериях,
вирусах, токсинах и опухолях?»⁸, предостережения, что сведения
«о том, что раскалывает небо»⁹ проникают из лаборатории наружу,
переходят в повествование о «рогатой жабе, которая обьяелась дур-
маном и вообразила, что она – бог на небе. Она налилась вся гневом
и попыталась разломать небесный свод, но это ей не удалось сделать,
и она уползла в свою нору, стыдясь глядеть в глаза всем остальным
зверям»¹⁰, а посоветованная для прояснения зрения Пища богов
оказывается галлюциногенными грибами, употребление которых
отправило Эдварда в ментальное путешествие по футуристической
альтернативной реальности победившего фашизма.

⁵ *Корнблат С.М.* Две судьбы // Необъятный двор: Альманах зарубеж-
ной фантастики: Специальный выпуск (периодическое издание). Вып. 2.
Алма-Ата: Ренессанс: Гылым, 1992. С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 212.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 212–213.

Герой оказывается в той же локации – резервации индейцев племени хопи, однако в окружающей обстановке видны существенные различия: улица заросла высокой травой, машина, на которой приехал персонаж, и колея от колес исчезли, хижины обветшали, один из домов хранил следы жестокого нападения – следы копоты и пух на стенах, множество человеческих костей и фрагмент лезвия японского самурайского меча.

У научной лаборатории в параллельном мире тоже присутствует свой образ-двойник в «отвратительном псевдоклассическом неороманском стиле»¹¹ с развевающимся на центральном флагштоке флагом с Восходящим Солнцем, соседствующий с напоминающим нефтеносное поле заводом для производства серной кислоты, работающим под «слащаво-приторные вальсы Штрауса»¹².

Спасаясь от угрозы оказаться в нацистском трудовом лагере, герой выбирается на японскую часть Америки, являющуюся «прибежищем для всех, у кого кожа хоть чуточку темнее выцветших на солнце костей»¹³, и селится в деревне спасенного им от утопления китайца Ли По. Поселение «Угецу», состоящее из расположенных на берегу канавы саманных лачуг, вмещало в себя около двухсот неграмотных земледельцев разных национальностей: китайцев, индусов, дравидов и японцев-отверженных. На примере данного населенного пункта автор показывает феодальные порядки, царящие на японской стороне границы по реке Миссисипи. Японцы представлены как небеснорожденные благородные правители, имеющие право на привилегированный язык – японский, отличительную символику – императорские хризантемы, неукоснительное уважение – по этикету люди других рас должны были, завидев их, падать ниц, сбор податей – крестьяне «Угецу», например, отдавали свою долю редисом, быть законом в высшей инстанции – убивать без суда и следствия. Жители деревни в то же время имели право говорить только на заменившем им родную речь по политическим соображениям английском языке, они жили на пороге голодной смерти, питаются «выращенными ими же самими овощами на участках площадью по четверть акра на одну семью»¹⁴ и наслаждаясь мясом только на свадьбах и похоронах. Крестьяне существовали круглый год по одному и тому же распорядку – полевые работы чередовались со скудными приемами пищи и рассказами сохранившихся в народной памяти преданий, звучащими после нее.

¹¹ Там же. С. 222.

¹² Там же. С. 223.

¹³ Там же. С. 239.

¹⁴ Там же. С. 240.

После убийства угрожающего ему самурая Эдвард вынужден покинуть ставшее привычным за месяц пребывания местожительство и снова отправиться в путь. После визита в немецкое посольство героя перенаправляют на немецкую часть США – в Лабораторию расовой науки в Чикаго, где он притворяется жертвой сатанинского еврейского колдовства и, предприимчиво переводя разговор на красоты Мексики и мексиканские грибы-галлюциногены, придумывает и реализует план по возвращению в родную реальность. Пережитый опыт разрешает все сомнения персонажа – ученый поверил в необходимость атомной бомбы и готов нести ответственность за ее создание.

В свою очередь, в романе Дэниела Куинна «После Дахау» образ глубинки тесно взаимосвязан с феноменом реинкарнации. Главный герой и рассказчик произведения Джейсон Талл-младший, живущий в футуристическом арийском раю спустя две тысячи лет после победы фашистов во Второй мировой войне, начал интересоваться этой темой еще в детстве, прочитав загадочную историю, случившуюся «в маленьком городке на среднем Западе в середине девятнадцатого века»¹⁵. Рассказ о том, как Натали Прескотт перевоплотилась в Мэри Энн Дорсон, не только изменил убеждения Джейсона-школьника, побудив считать всех людей частью непрерывной цепочки перерождений и избрать стезю профессионального исследователя реинкарнаций в организации «Мы снова живем» семь лет спустя, но и открывает внимательному читателю глаза еще в завязке художественного текста на иллюзорность совпадения романного времени действия и реальности. Ведь в описанном автором Веттсбурге, штат Миссури, помимо фантастического случая с маленькой девочкой, вспомнившей жизнь в другой семье и воссоединившейся с ней спустя 10 лет после смерти, фигурируют также детали, совсем не характерные для реальной Америки середины XIX в.: несмотря на упоминание социального неравенства живших в этом вымышленном городе семейств Дорсон и Прескотт, зажиточного семейства, имеющего личного доктора, и простых людей из рабочего класса, в тексте нет никаких сведений о расовой дискриминации и рабовладельческом строе, характерном для известных плантациями и фермерскими хозяйствами штата Миссури указанного периода. В истории также нет никаких отсылок к предпосылкам и итогам Гражданской войны (The American Civil War, 1861–1865). Однако автором наоборот подчеркивается, что дом Прескоттов во время взросления девочки стал «местом паломничества тысяч людей, которые хотели верить, что Мэри Энн была живым доказательством жизни после смерти

¹⁵ *Quinn D. After Dachau...*

и реинкарнации»¹⁶, что вряд ли смогло бы произойти в такой неспокойный исторический период.

Вторым подтвержденным случаем реинкарнации в романе стала история девятилетнего Эдди Такера из Каунсил-Блаффс, штат Айова. Материалы по этому делу Джейсон обнаружил, уже будучи сотрудником организации «Мы снова живем». Однажды мальчик вспомнил о том, как заболел в пансионе в небольшом городке О' Ниле, штат Небраска, хотя, по уверению его матери, никогда там не бывал. Заинтригованная семья едет туда на выходные, но, найдя место из воспоминаний Эдди, выясняет, что дом и сад были перестроены в соответствии со вкусом нового владельца, купившего участок десять лет назад. Яркие детали из рассказа мальчика – пруд с рыбками на заднем дворе, игрушечная лодка и незакрепленные в фундаменте здания кирпичи, за одним из которых ребенок спрятал несколько фальшивых монет, сделанных его другом Перри, перестали существовать, а значит, не могли служить доказательством этой невероятной истории. Однако в доме через дорогу жил восьмидесятишестилетний старик по имени Перри Шайлкилл, подтвердивший слова мальчика и дополнивший рассказ новыми деталями, поведав матери и сыну о том, как он в подростковом возрасте пытался произвести впечатление на понравившуюся ему соседскую девочку, умершую в конце лета того же года, когда они познакомились. После поездки Эдди вспомнил еще несколько подробностей своей жизни в роли Риты Мэй Пикенс, но, рассказывая об этом сотрудникам организации «Мы снова живем» спустя два года, не был точно уверен, были ли они выдумкой или реальностью. Впоследствии мистер Шайлкилл подтвердил их достоверность.

Поворотным в жизни главного героя стал случай реинкарнации Мэллори Гастингс из города Онеонта, штат Нью-Йорк, исследованием которого он решил заняться лично. Описывая помощь Джейсона Талла в поиске подходящего места для жизни забывшей реалии окружающей ее действительности девушке, автор уделяет внимание формированию образа города и интерьерным деталям. Онеонта представлена в произведении как «один из древних городов Северо-Востока, гордящийся тем, что он неизменно оставался маленьким и старомодным. Когда его старые кирпичные здания рушатся, их не столько заменяют, сколько воссоздают заново, и местные жители говорят, что почтенная эстрада для оркестра на Мейн-стрит была там с самого начала (хотя к настоящему времени каждая ее опора, несомненно, заменялась много раз)»¹⁷. Местожи-

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

тельство прежней Мэллори изображается как расположенный в небольшом закрытом поселке к северу от города чопорный маленький кондоминиум, оформленный «в стиле бессмысленного совершенства, как будто все было заказано по каталогу с ненавязчивой мебелью, не слишком безвкусной и не слишком элегантной – ваза определенного размера здесь, картина определенного типа там, все так, как указано на прилагаемой схеме»¹⁸. А располагающийся в унылом переулке, застроенном складами и фабриками, дом, в который решает переехать девушка, описывается следующим образом: «это было одноэтажное строение из бетонного блока с высокими решетчатыми окнами, по рекламе занимавшее две тысячи четырехста квадратных футов»¹⁹. Вскоре после подписания договора об аренде в пустом помещении появилась скудная мебель: высокий табурет, стул с прямой спинкой и шаткий столик, заваленный кистями, тряпками и тюбиками с краской, матрас и несколько подушек для сна, а также четыре огромные картины в стиле абстрактного экспрессионизма, написанные героиней.

Взаимодействуя с Мэллори Гастингс, Джейсон со временем узнает о ее жизни в роли афроамериканки Глории Макартур, заставшей события Второй мировой войны, с победы в которой «в битве при Дахау» арийцы ввели новое летоисчисление, знаменующее сначала господство арийской расы в мире, а после – ее существование в качестве единственной расы планеты Земля. Несмотря на перерождение, героиня романа «После Дахау» не становится творцом истории, реформатором или борцом за признание обществом известной ей исторической правды, в отличие от многих других путешественников во времени и попаданцев. Мэллори Гастингс выступает в роли транслятора довоенной идеологии и голоса истребленных нацистами народов, нашедшего отклик в сердце главного героя.

Правда о событиях, произошедших две тысячи лет назад, разрушившая известный Джейсону с детства миф о великом подвиге Адольфа Гитлера, а также чувство ответственности за преступления, совершенные далекими предками, побуждают персонажа предпринять попытки открыть глаза арийцам на то, что они являются потомками убийц. Его усилия, вдохновленные переживанием острого кризиса национальной идентичности, развивают тематическую линию обозначенной еще в начале художественного текста экзистенциальной проблематики романа. Названный в честь богатого и влиятельного Джейсона Талла-старшего и с детства вос-

¹⁸ *Quinn D. Op. cit.*

¹⁹ *Ibid.*

принимаящий себя только тенью отца, главный герой считает, что никто не обратит внимания на его странные разговоры, необычные покупки в известном книжном магазине и обещание сенсации в редакции влиятельной газеты, печатающейся во всех уголках мира. Тему непонимания Джейсоном собственного предназначения и положения в обществе затрагивает работающий в разведке друг семьи Гарри Уитакер, обозначая данную проблему причиной интереса персонажа к реинкарнации: «Все истории о реинкарнации, которые Вы рассказывали нам на протяжении многих лет, повествуют о людях, которые узнали, кто они есть <...>. Подобно им, Вы хотели бы однажды утром проснуться и стать кем-то совершенно другим»²⁰. После ухода Гарри эту тему продолжает Мэллори: «Ты ведешь себя так, как будто ты невидимка, как будто тебя не существует»²¹. «Я вижу Вас, мистер Талл»²², – сообщает Клэй, помощник Гарри, сделав укол снотворного Джейсону, очнувшись после которого персонаж оказался совершенно один в здании, находящемся «в центре огромной, безликой пустоши, которая могла бы сойти за Луну, если бы не неряшливая растительность, простиравшаяся со всех сторон до горизонта»²³. Размышления о собственной жизни во время пребывания в уединении и попытки угадать кодовую фразу, способную вернуть его в привычное окружение, помогли Джейсону преодолеть психологический кризис и побудили героя впоследствии открыть галерею произведений искусства и литературы двухтысячелетней давности «Кроатан» вопреки пониманию и принятию того факта, что грехи прошлых поколений его современников совсем не волнуют.

Подводя итоги, можно сказать, что выбранные для анализа произведения доказывают репрезентативность американской глубинки в качестве сюжетно значимой локации альтернативно-исторических текстов как на заре зарождения жанра после перехода феномена в поле художественной литературы, так и в романах современных авторов. С.М. Корнблат в своей повести «Две судьбы», структурированной по принципу рамочной композиции, создает образы южной американской глубинки времен Второй мировой войны и ее двойника в футуристическом параллельном мире спустя 150 лет после победы стран Оси. Нарратив об Америке будущего выстраивается в форме антиутопического травелога, описывающего деградацию общества до эпохи Средневековья,

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Ibid.

строгую расовую иерархию и упадок образования. Научно-исследовательская лаборатория военных лет также не изображается приятным местом для жизни, однако подобные декорации удачно подчеркивают тяжесть труда американских ученых и значимость открытий, сделанных ими. В романе Д. Куинна «После Дахау» американская глубинка предстает перед читателем в виде намеченных авторскими словесными штрихами небольших городков, в которых происходят невероятные события. Каждое место связано с определенным этапом жизни главного героя: зарождение интереса к существованию реинкарнации связано с историей, произошедшей в Веттсбурге, случай, подтвердивший реальность данного явления, произошел с современником персонажа из Каунсил-Блаффс, вспомнившим детали из прошлой жизни в О'Ниле, Онеонта стала местом встречи с будущей возлюбленной, перевернувшей его мышление и ставшей последним исследовательским объектом реинкарнации в его жизни, а пребывание в неизвестной безлюдной местности позволило герою преодолеть экзистенциальный кризис и решить для себя, кем он является и чему готов посвятить жизнь.

Информация об авторе

Ирина В. Брянцева, Московский физико-технический институт, Долгопрудный, Россия; 141701, Россия, Долгопрудный, Институтский пер., д. 9; birina240595@gmail.com

Information about the author

Irina V. Briantseva, Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Russia; 9 Institutsky Lane, Dolgoprudny, Russia, 141701; birina240595@gmail.com

Историография глубинки

УДК 82-992(7)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-159-168

Путешествие на Дальний Запад американского орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1843)

Лариса М. Троицкая

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,

larisa_troitskaia@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются свидетельства пребывания в 1843 г. на Дальнем Западе Северной Америки знаменитого по обе стороны Атлантики американского натуралиста-орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1785–1851). Целью трудного путешествия Одюбона и его помощников был сбор экземпляров фауны и флоры, зарисовки животных для подготовки труда о млекопитающих громадного региона прерий, расположенных на восточных склонах Скалистых гор. Опубликованные в 1897 г. дневники, в которых рассказывается об этом путешествии в отдаленную зону фронта, – интересное свидетельство эпохи. Однако они еще не привлекали внимание отечественных исследователей. В дневниках описана природа, в частности, реки Миссури, Йеллоустон и их многочисленные притоки, а также повседневная жизнь индейцев и еще немногочисленных белых – трапперов, обитателей мехоторговых факторий, военных фортов. Дневники являются важным источником, позволяющим использовать его в междисциплинарных исследованиях истории американского Дальнего Запада середины 1840-х гг., куда во всей своей мощи еще не докатилась цивилизация белых поселенцев, прежде всего англосаксонского происхождения. Этот вал только начинал набирать силу, пагубно повлияв позднее на природу региона и на коренных его обитателей-индейцев.

Ключевые слова: Джон Джеймс Одюбон, Дальний Запад, Северная Америка, Миссури, Йеллоустон, индейцы, фронт, прерии

Для цитирования: Троицкая Л.М. Путешествие на Дальний Запад американского орнитолога и художника-анималиста Джона Джеймса Одюбона (1843) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 159–168. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-159-168

© Троицкая Л.М., 2025

A journey to the Far West
by the American ornithologist and animal painter
John James Audubon (1843)

Larisa M. Troitskaya

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, larisa_troitskaia@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the evidence of the stay in 1843 in the Far West of North America of the famous American naturalist, ornithologist and animal painter John James Audubon (1785–1851) on both sides of the Atlantic. The purpose of Audubon and his assistants' difficult journey was to collect specimens of fauna and flora, to draw sketches of animals for their further preparation of a work on mammals of the vast prairie region located on the eastern slopes of the Rocky Mountains. Published in 1897, the journals about this trip to a remote frontier zone, are an interesting testimony of the era. However, they have not yet attracted the attention of domestic researchers. The journals describe nature, including such major rivers as the Missouri, Yellowstone and their numerous tributaries, as well as the daily life of Indians and still a few white trappers, inhabitants of fur trading posts, and military forts. The journals are an important source for using it in interdisciplinary studies of the history of the American Far West in the mid-1840s., where the wave of civilization of white settlers, primarily of Anglo-Saxon origin, has not yet reached in all its might. This wave was just beginning to gain strength, which later adversely affected the nature of the region and its indigenous inhabitants.

Keywords: John James Audubon, Far West, North America, Missouri River, Yellowstone River, Indians, frontier, prairie

For citation: Troitskaya, L.M. (2025), "A journey to the Far West by the American ornithologist and animal painter John James Audubon (1843)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 1, pp. 159–168, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-159-168

180 лет назад американский натуралист-орнитолог и художник-анималист французского происхождения Джон Джеймс Одюбон (при рождении Жан-Жак Рабин) (26.04.1785, Ле-Ке, Сан-Доминго, ныне Республика Гаити – 27.01.1851, Нью-Йорк) предпринял довольно рискованное путешествие на Дальний Запад. Он был незаконнорожденным сыном владельца сахарной плантации, лейтенанта королевского ВМФ Франции. В 1789 г. Одюбон-ст. купил в США ферму недалеко от Филадельфии, поскольку жизнь на Гаити стала смертельно опасной для белых французов из-за волнений чернокожих рабов. Это вынудило Одюбона-ст. вернуться

во Францию. Жан-Жак воспитывался там в семье отца. В 1803 г., чтобы сын избежал призыва на службу в армию Наполеона, отец отправил сына в США по подложным документам: в г. Нью-Йорке на берег сошел юноша по имени Джон Джеймс Одюбон. Существует много исследований его биографии [Nobles 2017]¹.

Почти 12 лет Одюбон наблюдал за птицами в живой природе, а также отстреливал их, чтобы изучить и нарисовать. В 1820-е гг. он побывал в разных регионах США, а также в Британской Северной Америке на п-ве Лабрадор (1833). На обратном пути он остановился на о-ве Ньюфаундленд.

Подлинную славу по обе стороны Атлантики, прежде всего в Великобритании, принес Одюбону его фолиант цветных листов «Птицы Америки» (1827–1839) – пять роскошных альбомов огромного размера (эстампы 99 × 66 см), которые включают более 1000 изображений примерно 500 различных видов птиц. Рисунки были признаны одними из самых прекрасных орнитологических работ, когда-либо созданных, хотя иногда раздавались критические замечания по поводу неточностей в названиях, недостатка научной подготовки натуралиста, неестественности поз изображаемых птиц и т. д.

Одюбон давно мечтал о вояже на Дальний Запад. В 1821 г. он пытался обратиться к президенту США, поскольку «все мои мысли заняты Тихоокеанской экспедицией»². Он признавался своей жене, что «всегда будет помнить экспедицию Льюиса и Кларка»³. Путешествие состоялось в 1843 г., когда возраст и состояние здоровья не позволяли Одюбону без помощников заниматься изысканиями в полную силу. Но его почитатели еще в 1842 г. воображали, что поездка должна по значимости уподобиться путешествиям «Гумбольдта и Бонплана»⁴.

По словам Одюбона, цель была скромнее. Следовало достигнуть р. Йеллоустон ради сбора экспонатов и зарисовок, необходимых для

¹ См. также: *Adams A.B.* John James Audubon. A biography. N.Y.: Putnam, 1966; *Kendall M.E.* John James Audubon. Artist of the wild. Brookfield, Conn.: Millbrook Press, 1993.

² *Deane R.* Extracts from an unpublished journal of John James Audubon // *The Auk. A quarterly journal of ornithology.* 1904. Vol. 21. No. 3. July. P. 336. URL: <https://www.jstor.org/stable/4070194> (дата обращения 13.03.2024).

³ John James Audubon. *The Audubon reader with 16 color plates from the original water-colors* / ed. by R. Rhodes. N.Y.; L.; Toronto: Alfred A. Knopf, 2006. P. 119.

⁴ *Deane R.* Unpublished letters of John James Audubon and Spencer F. Baird // *The Auk. A quarterly journal of ornithology.* 1904. Vol. 21. No. 2. Apr. P. 256. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/partpdf/87836> (дата обращения 15.03.2024). DOI: <https://doi.org/10.230/4070048>.

публикации трехтомника «Живородящие четвероногие Северной Америки»⁵. Он работал над трудом в сотрудничестве с преподобным Дж. Бакманом, писавшим научные тексты, готовившим эстампы с изображениями описываемых животных. Цветные литографии основывались на акварелях Дж.Дж. Одюбона и его сына Дж.В. Одюбона. Труд был завершен сыновьями художника.

Возвращаясь к путешествию Одюбона к Скалистым горам, следует отметить, что тогда эта огромная территория была подлинным фронтиром, который с начала XIX в. постепенно осваивали и исследовали граждане США и федеральные власти. Достаточно напомнить об экспедициях Льюиса и Кларка (1804–1806), Пайка (1806–1807), Лонга и др. Там же находились фактории мехоторговых компаний, охотились на пушного зверя трапперы – американцы и франкоканадцы, проживали индейские племена, проповедовали христианские проповедники.

Лишь к середине 1840-х гг. стал возрастать поток белых поселенцев на Дальний Запад. Они хотели заниматься сельским хозяйством на своих фермах и ранчо. Экспансионистские настроения были популярны среди американцев. Доктрину «предопределения судьбы» формально провозгласили в 1845 г. Спор о пограничном размежевании в Орегоне к западу от Скалистых гор до Тихого океана завершился в 1846 г. подписанием англо-американского договора. Направления экспансии США на Северо-Запад и Юго-Запад к 1840-м гг. уже определились.

При изучении разных проблем в рамках как традиционных, так и современных направлений исследований (например, истории окружающей среды – «человек и природа») в американистике интересны «The Missouri River Journals, 1843»⁶. В XIX в. дневники считались частично утраченными (известны были записи за период до 16 августа 1843 г.). Но при подготовке к изданию некоторых бумаг Одюбона его внучка М.Р. Одюбон обнаружила вторую часть рукописи и опубликовала полный текст. Представляя его читателям, она справедливо отметила: «Дневник имеет наибольшую ценность не только с точки зрения натуралиста, но также для историков, интересующихся жизнью на фронтире того времени»⁷.

⁵ *Audubon J.J., Bachman J.* The viviparous quadrupeds of North America. 3 vols. N.Y.: J.J. Audubon, 1846–1853.

⁶ *Audubon M.R.* Audubon and his journals with zoological and other notes by Elliot Coues Illustrated. 2 vols. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1897. Vol. 1. P. 447–532; Vol. 2. P. 3–195.

⁷ *Ibid.* Vol. 1. P. 449.

Поездка длилась с 11 марта по 6 ноября 1843 г. В те времена в США самыми надежными средствами коммуникаций были реки и каналы, а самым быстрым видом транспорта – пароходы. Одюбон и его коллеги сначала двинулись по р. Огайо, затем по р. Миссисипи до г. Сент-Луиса – тогдашнего центра Среднего Запада и ворот на Дальний Запад. Город находится при впадении р. Миссури в р. Миссисипи. Несмотря на скорость и относительные удобства, плавания зачастую сопровождались большим риском, мог взорваться или выйти из строя паровой котел. Но на р. Миссури котел все же сломался, пришлось чинить несколько часов, что, правда, дало возможность Одюбону использовать вынужденную стоянку для более тесного знакомства с местной фауной и флорой.

Пароходы довольно часто причаливали к берегу, чтобы запастись дровами. Иногда они уже были готовы для использования, т. е. были сухие, но иногда команде приходилось рубить так называемый зеленый лес – живые деревья – и загружать сырые дрова. Кроме команды и специально находившихся на борту грузчиков (они обычно нанимались для погрузочно-разгрузочных работ), для ускорения процесса пассажиры могли подключаться к этой работе.

Большая опасность могла подстергать речные суда в ходе плавания, потому что по рекам, впадавшим в Миссури, по ней самой, а также по Миссисипи плыло очень много стволов деревьев, в том числе притопленных, которые капитаны не всегда вовремя замечали. Столкновения с такими топляками могли закончиться катастрофой для судна, грузов и пассажиров, поскольку корабль получал пробоину и мог утонуть.

Одюбон и его друзья попали в такую катастрофу в самом начале поездки. На пути из Луисвилла в Сент-Луис «мерзкая старая крысоловка» (пароход «Галант») ночью напоролся на топляк. Пассажиры уже были готовы прыгнуть за борт в воду, где еще плавали льдины. Раздались женский визг, детский плач, собачий вой, но, к счастью, капитан смог избежать затопления. Об этом инциденте писал Дж. Халл из Сент-Луиса 29 марта 1843 г.⁸, а Одюбон саркастически заявил, что это плавание было «незабываемо»⁹.

В ходе поездки Одюбон видел индейские лодки, приспособленные для местных условий, интересовался их конструкцией, обращал внимание на то, что при их строительстве использовались бизоньи шкуры.

⁸ Ibid. P. 450.

⁹ Ibid. P. 454.

Собственно путешествие Одюбона и его компаньонов по Миссури началось из Сент-Луиса, когда они пересели на пароход «Омега». Важно отметить, что художник увидел на борту, по существу, весь этнический и социальный срез состава тех, кто устремлялся на Запад. Там находился «сто один» траппер (здесь их называли заимствованным у франкоканадцев словом *engagés*,) люди самого разного внешнего вида и «почти дюжины национальностей, хотя большинство составляли франкоканадцы или креолы того штата (Миссури. – Л. Т.). Некоторые были пьяны и многие в таком дурном настроении, которое появляется после возбуждения, вызванного пьянством и взвинченностью»¹⁰.

Одюбон обратил внимание на разницу в поведении пассажиров. Вся упомянутая разношерстная публика вела себя драчливо, тогда как поднявшиеся на борт индейцы, эти «бедолаги», «бедняги», как часто он их будет называть¹¹, спокойно наблюдали за происходящим. Однако, когда трапперы окончательно протрезвели, они тоже стали вести себя пристойнее.

Важнейшим атрибутом и символом США в целом и, прежде всего, американского Запада, всегда было повсеместное обладание огнестрельным оружием, что воочию наблюдал Одюбон. При отплытии из Сент-Луиса вверх по р. Миссури пассажиры долго беспорядочно палили из ружей и потом повторяли это около каждого поселения.

Одюбон перечислял названия этих селений. Старейшим селением на р. Миссури было основанное в 1769 г. Saint-Charles (ныне штат Монтана). Примечательно, что первоначально оно именовалось Les Petite Côtes (The Little Hills). Это свидетельствовало о французском колониальном наследии XVIII в., хотя формально эта территория принадлежала Испании. Позднее Одюбон побывал в известном селении Belle Vue. Он утверждал, что в районе Black Snake Hills, в прерии, есть прекрасное место для поселения, которое через 50 лет обязательно станет городом с тысячами акрами отличной земли. На р. Миссури уже было построено несколько военных фортов, в которых стояли небольшие отряды федеральных войск США. Некоторые командиры знали Одюбона как автора “Birds of America”, а он, в свою очередь, в прошлом лично знал отцов некоторых этих офицеров.

Несмотря на то что главной целью путешествия было знакомство с представителями различных видов местных млекопитающих (бизонами, грызунами, волками, лисами, зайцами, медведями, кро-

¹⁰ *Audubon M.R.* Audubon and his journals... P. 455.

¹¹ *Ibid.* P. 456.

ликами и т. д.), Одюбон продолжал наблюдать за птицами и даже открыл, как он утверждал, один из подвидов зяблика (*Fringilla Harrisii*), названного в честь своего друга Харриса.

Согласно тогдашним нравам и представлениям о «бездонности» природы, а также из-за необходимости изучения представителей фауны, коллекционирования их шкур и изготовления чучел и ради детальных зарисовок Одюбон вместе с компаньонами не расставляли с ружьями и отстреливали не только единичные поправившиеся особи животных и птиц, но гораздо большее их количество. Причем часть из трофеев безвозвратно терялись.

«Первые звоночки» уже слышались. Так, говоря о притоке р. Миссури Sioux Pictout, Одюбон был вынужден признать, что там когда-то в изобилии водились бобры, ондатры, но сейчас их осталось мало. Таковы были итоги деятельности пушных компаний. Читая сейчас эти страницы с перечислением трофеев, становится довольно грустно, понимая, сколько животных и птиц было убито просто так. Однако при этом надо понимать, что на Западе в 1840-х гг. продолжала существовать первозданная природа, и до индейских территорий еще не докатилась переселенческая волна, которая позднее, образно говоря, смыла девственные леса, распахала прерии и максимально сократила индейские племена.

Таким трагическим примером была, например, судьба бизонов. Одюбон встретился с ними в большом количестве, когда пароход «Омега» покинул зону лесов и устремился вверх по реке, достигнув зоны прерий. Прерии тоже были не однородны – некоторые места были болотистой местностью, встречалась разная растительность, в том числе засохшая. Но встречались и места с прекрасной зеленой травой. Бизонов было в те времена очень много. Стада и одиночные особи переплывали Миссури. Не всегда животные могли выбраться на крутой берег и тонули, а их раздутые и гниющие туши регулярно проплывали вниз по реке. Одюбон писал, что индейцы их вылавливали и даже употребляли в пищу.

Местные опытные трапперы и индейцы охотились на бизонов, убивая не только быков, но и коров и даже совсем молодых телят. Для индейцев эта охота была образом жизни, они питались свежим или сушеным мясом этих животных, шкуры нужны были при изготовлении одежды, жилищ, лодок и для других повседневных нужд. Американские военные тоже охотились на бизонов, в том числе ради мяса. Однако зачастую охота, особенно белых людей, превращалась в бойню, когда бизонов убивали только ради деликатесных частей тела (языка, вымени, задней части туши) или чтобы просто снять шкуру. Индейцы продавали шкуры пушным компаниям, т. е. это уже стало предметом коммерции и таким образом

способствовало ускорению процесса истребления бизонов. Так, на встреченных Одюбоном баржах, направлявшихся в Сент-Луис, перевозилось примерно 10 тыс. бизоньих шкур.

Иногда стрельба по бизонам велась путешественниками прямо с палубы парохода. Таким образом, можно предположить, что подобная «дикая охота» пока шла главным образом для развлечения и предшествовала широко известным побоищам второй половины XIX в., когда стали использовать железные дороги, и целью белых стрелков было не только развлечение, но и лишение оставшихся индейцев их традиционного уклада жизни и пропитания.

В заключение особо следует обратить внимание на то, какими Одюбон увидел различные индейские племена, побывав на землях племен сак, фокс, айова, пункас, сиу, мандан и других. Довольно подробно он описывал жалкие индейские хижины, жалкий внешний облик туземцев, индейскую пищу (его угощали пеммиканом) и т. д. Однако несколько человек из разных племен помогали путешественникам на разных этапах поездки. Индейцы племени сак, даже женщины, были хорошими наездниками.

Одюбон отмечал, что межплеменные отношения не всегда были дружественными. Так, сиу и потоватами враждовали между собой. Причем последние погибали во время «разбойничьих» набегов сиу, и такой тип войны якобы превратил потоватами «в трусливых людей, лишив прежней храбрости и удали»¹². Некоторые группы туземцев проявляли враждебность к пришельцам. Когда люто ненавидевший краснокожих капитан парохода «Омега» отказался причалить к берегу, ожидавшие судно индейцы обстреляли его из ружей. Случались убийства белых индейцами.

В свою очередь, туземцы умирали от болезней. Особенно в 1837 г. свирепствовала оспа, завезенная белыми когда-то в Северную Америку. В одном из селений Одюбон видел большое кладбище и писал, что лишь немногие манданы, Riccarées и Gros Ventres выжили, ассинибойны почти полностью вымерли. Он предположил, что «из-за различных атак этой скверны умерло 52 тыс. индейцев»¹³.

Несмотря на непростые индейско-белые отношения, формировались и семейные связи. Проживавшие в районе р. Миссури белые агенты по делам индейцев, а также трапперы или служащие пушных компаний по существовавшей традиции имели так называемых местных «жен» (скво) и много детей-метисов. Некоторых из них, в том числе дочерей, отцы отправляли учиться в Сент-Луис, приобщая к образу жизни белых американцев.

¹² *Audubon M.R.* Audubon and his journals... P. 481.

¹³ *Ibid.* Vol. 2. P. 23.

Следует отметить, что взгляд Одюбона на индейцев был критичным, хотя он в какой-то мере и сочувствовал туземцам. Он выступал против их идеализации и с таких позиций критиковал знаменитого американского художника Дж. Кэтлина (1796–1872), создавшего галерею романтизированных портретов индейских вождей¹⁴. Одюбон писал: «Мне грустно видеть и читать ваши описания индейцев, которых *вы* видели, – насколько совсем другими я их увидел!»¹⁵.

В итоге следует признать, что “Journals” Одюбона о путешествии на Дальний Запад являются важным свидетельством эпохи. Всесторонне изучая их содержание, можно подробнее познакомиться с особенностями жизни на «диком» Дальнем Западе на заре его массового заселения белыми, существенно расширить знания о природе региона, глубже понять эволюцию сосуществования «человека и дикой природы» и способствовать усилиям научных и природоохранных организаций, национальных парков по изучению и сохранению природного разнообразия. Не случайно еще в год 100-летия Одюбона (1885) в США было создано Одюбоновское общество охраны птиц. В то же время важно отметить, что в последнее время заслуги и творческое наследие Одюбона ставятся в США под сомнение из-за влияния радикального движения “Black Lives Matter” на основании того, что натуралист был якобы «бесстыдным поработителем» и расистом¹⁶.

Литература

Nobles 2017 – *Nobles G.* John James Audubon. The nature of the American woodsman. Philadelphia, Penn.: University of Pennsylvania Press, 2017. 352 p.

References

Nobles, G. (2017), *John James Audubon. The nature of the American woodsman*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, Penn., USA.

¹⁴ *Catlin G.* Letters and notes on the manners, customs, and condition of the North American Indians. 2 vols. L.: Published by the Author at the Egyptian Hall, 1841.

¹⁵ *Audubon M.R.* Audubon and his journals... Vol. 1. P. 497.

¹⁶ *Grandoni D.* National Audubon Society, pressured to drop enslaver's name, keeps it // The Washington Post. 2023. March 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/climate-environment/2023/03/15/national-audubon-society-name-change/> (дата обращения 17.03.2024).

Информация об авторе

Лариса М. Троицкая, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32 а; larisa_troitskaia@mail.ru

Information about the author

Larisa M. Troitskaya, Cand. of Sci. (History), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; larisa_troitskaia@mail.ru

Понимание прогресса в региональной
американской прессе начала 1850-х гг.
(по материалам электронной базы
Библиотеки Конгресса США)

Мария М. Сиротинская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
masha_sirotskaia@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется восприятие «американского прогресса» в региональных газетах США начала 1850-х гг. Использована электронная база данных исторической американской периодики Библиотеки Конгресса. Как показывают ее материалы, некоторые периодические издания, главным образом демократические, связывали «американский прогресс» с доктриной «предопределения судьбы», с территориальной экспансией Соединенных Штатов, с атаками на так называемых «старых ретроградов». Вопрос о рабстве в североамериканской республике в этом контексте не поднимался. Другие газеты, в основном вигские, выступали за «разумный прогресс», за внутренние реформы. Публиковавшаяся в Огайо аболиционистская “The Anti-Slavery Bugle” ассоциировала прогресс с решением проблемы «особого института», с движением за права женщин, с интеллектуальными достижениями. В целом изученные материалы электронной базы свидетельствуют о том, что в данный период местные газеты были хорошо осведомлены о политических дебатах в Вашингтоне и Нью-Йорке. Оценки «американского прогресса» в значительной степени определялись партийно-политическими симпатиями редакторов и публицистов, а также их отношением к вопросу о роли и месте молодежи в политике, в общественной жизни.

Ключевые слова: американский прогресс, периодика США, «предопределение судьбы», «старые ретрограды»

Для цитирования: Сиротинская М.М. Понимание прогресса в региональной американской прессе начала 1850-х гг. (по материалам электронной базы Библиотеки Конгресса США) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 169–181. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-169-181

View of progress
by the regional American periodicals of the early 1850s
(on materials of the Library of Congress electronic database
“Chronicling America: Historic American Newspapers”)

Maria M. Sirotinskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; masha_sirotinskaia@mail.ru*

Abstract. Views of “American progress” by the regional U.S. newspapers of the early 1850-s are analyzed in the article. The Library of Congress electronic database “Chronicling America: Historic American Newspapers” is used. As its materials reveal, some printed mass media, mostly Democratic, associated “American progress” with Manifest Destiny, with the territorial expansion of the United States, and with the attacks on the so-called “Old Fogies”. The theme of slavery in the North American republic was not raised in this context. Other periodicals, mainly Whig, spoke for “reasonable progress”, inner reforms. “The Anti-Slavery Bugle”, the abolitionist newspaper, which was published in Ohio, linked progress to the solution of the problem of “peculiar institution”, to the women right’s movement, to the intellectual achievements. On the whole, the materials of the electronic database show that at this period local papers were well informed about political discussions in Washington and New York. Estimates of “American progress” were affected to the great extent by party and political persuasions of the editors and authors, as well as by their attitude towards the debates about the role and place of youths in politics, in public life.

Keywords: American progress, U.S. periodicals, Manifest Destiny, “Old Fogies”

For citation: Sirotinskaya, M.M. (2025), “View of progress by the regional American periodicals of the early 1850s (on materials of the Library of Congress electronic database ‘Chronicling America: Historic American Newspapers’)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 169–181, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-169-181

Идея прогресса, подразумевающая поступательное движение вперед, духовное развитие, прежде всего в сфере наук и искусства, накопление знаний, нравственное совершенствование человека, возможность социального переустройства общества, была чрезвычайно популярна в эпоху Просвещения. В XIX столетии вера в прогресс человечества овладевает интеллектуалами по обе стороны Атлантики. Концепция прогресса зачастую сопрягается

с понятиями «западная цивилизация», «свобода», «демократия» [Bury 2010; Nisbet 1980].

В 1834 г. выходит в свет первый том капитального многотомного труда «История Соединенных Штатов Америки, со времени открытия Американского континента» американского историка, политического деятеля, дипломата Джорджа Бэнкрофта, выдержавшего многочисленные переиздания. Бэнкрофта отличает оптимистическое видение истории. Прогресс, с его точки зрения, означает неуклонное, прямолинейное продвижение к свободе. Само это движение, в контексте рассмотрения развития британских колоний в Северной Америке, а в дальнейшем – Войны североамериканских колоний Великобритании за независимость (автор доводит повествование до ее окончания, хотя более поздний вариант сочинения включает историю принятия Конституции США), освящено Провидением. Именно Божественное Провидение вело страну «к подлинному благополучию и процветанию»¹. Бэнкрофт делает акцент на «прогрессе американских институтов», постоянном совершенствовании общества².

Оптимизмом проникнуты и высказывания одного из редакторов журнала демократов “The United States Magazine and Democratic Review” Джона Луиса О’Салливена. В статье «Великая нация грядущего» в ноябрьском, 1839 г., номере проводится мысль о необратимости прогресса: Соединенные Штаты – «нация человеческого прогресса», «кто, или что, сможет создать препятствия нашему продвижению вперед? Провидение с нами...». Америка создана для лучших свершений. «Поле деятельности США будет Западное полушарие, их крышей – небосвод, усыпанный сверкающими звездами, их собранием – союз многих республик...»³. Прошлое как бы перечеркивается; подчеркивается устремленность молодой североамериканской республики в будущее.

Редактор “The United States Magazine and Democratic Review” (в это время журнал выходил в Нью-Йорке) в наиболее яркой форме выразил мессианскую идею Соединенных Штатов. В статье «Аннексия» 1845 г., посвященной техасскому вопросу, появляется словосочетание «предопределение судьбы» (“Manifest Destiny”).

¹ Bancroft G. History of the United States from the discovery of the American continent. Vol. 1. Boston: Little, Brown, and Company, 1855. 15th ed. P. 4. URL: <https://quod.lib.umich.edu/m/moa/ABZ2602.0008.001>. University of Michigan Library Digital Collections (дата обращения 17.03.2024).

² Ibid. P. VIII.

³ The great nation of futurity // The United States Magazine and Democratic Review. 1839. Vol. 6. No. 23. P. 427.

Автор решительно выступает против тех, кто пытается сдержать «наше явное предначертание – заполнить весь континент, предназначенный Провидением для свободного развития ежегодно умножающихся миллионов нашего населения»⁴ [Баталов 2005, с. 19–20; Согрин 2018, с. 83; Weinberg 1935, pp. 111–112; Sampson 2003, pp. 194–195].

Цель данной статьи – рассмотреть то, как в региональных периодических изданиях США в середине XIX в. истолковывался «американский прогресс». Использована база данных исторической американской периодики Библиотеки Конгресса⁵, которая включает большое число газет не только крупных городов, но и «американской глубинки».

В начале 1850-х гг. импульс дискуссиям об «американском прогрессе» был дан в Конгрессе США. В своем выступлении в нижней палате 11 марта 1852 г. конгрессмен от штата Калифорния Эдвард Колстон Маршалл (ему было немногим более 30 лет⁶), которого относили к группировке в Демократической партии США «Молодая Америка», защищал от нападок противников одного из кандидатов в президенты США в период избирательной кампании 1852 г., лидера демократов Стивена Дугласа, «судью Дугласа», как часто называли сенатора из Иллинойса. Маршалл заявил: «Вся история Соединенных Штатов – это история прогресса – физического и географического прогресса – интеллектуального, морального, гражданского, социального и политического прогресса». Прогресс ассоциируется главным образом с развитием демократического принципа, с политическими реформами. Его венцом представляется «джексоновская демократия». Главные ее достижения политик видит в выборности судей, отмене тюремного заключения за долги и имущественного ценза для белых мужчин на выборах⁷. Вопрос о рабстве в этом контексте не поднимается.

⁴ Annexation // The United States Magazine and Democratic Review. 1845. Vol. 17. No. 85. P. 5.

⁵ Library of Congress. Chronicling America: Historic American newspapers. URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (Accessed 17 March 2024).

⁶ В 1883–1887 гг. он являлся генеральным атторнеем Калифорнии.

⁷ Appendix to the Congressional Globe. 32 Congress. 1st session. 1852. P. 385–386; *Marshall E.* American progress – judge Douglas – American presidency. Speech of Mr. Marshall, of California, in the House of Representatives, March 11, 1852, in reply to the speech of Mr. Breckinridge, of Kentucky. <Washington, 1852>. P. 6–7 (речь Маршалла была позднее издана отдельной брошюрой).

«Младоамериканцы» широко используют формулировку «старые ретрограды» (“Old Fogies”). Безусловно, это понятие было введено в разговорную речь не ими. Примечательно, что газета недавно образованного штата Калифорния “The Nevada Journal” (именно в Невада-Сити обосновывались многие европейские иммигранты в период калифорнийской «золотой лихорадки») посвятила заметку этимологии термина. Как утверждалось, он либо ирландского, либо шотландского происхождения. Так в Эдинбурге называли старых солдат, ветеранов войны⁸.

Маршалл атакует в довольно грубой форме «старых ретроградов», противящихся прогрессу, старомодных, «немогущих». Неизбежна, говорит он, война между «молодой Америкой, с ее прогрессивными доктринами, и «ретроградством» (“Old Fogism”)⁹.

Журнал “Democratic Review”, в конце 1851–1852 гг. печатный орган «Молодой Америки», с восхищением отзывается о речи Маршалла, иронизируя над его бородой, которая в это время ассоциировалась с радикализмом. По словам одного из публицистов (к сожалению, статьи в журнале были анонимными), «ретроградство» – синоним «бездействия и регресса», «ретрограды» отличаются узкими, ограниченными взглядами, они – «враги героизма и прогресса»¹⁰. Подлинными «пионерами республиканизма» являются представители «Молодой Америки», энергичные, решительные, «разрушители идолов», борцы против «предрассудков и притворства». К духовным предшественникам «молодых демократов» “Democratic Review” причисляет президентов США Томаса Джефферсона и Эндрю Джексона¹¹. «Прогрессивную» администрацию должен возглавить человек нового поколения, в расцвете сил. Один из публицистов журнала выражает согласие с молодым редактором виргинской газеты “The Richmond Examiner” Джоном М. Даниелем (в будущем последний поддержит Конфедерацию), который высказывается за кандидата, «полного жизни... и энергии»¹².

Маршалл, как и другие защитники доктрины «предопределения судьбы» (Manifest Destiny), проводит параллель между американским прогрессом и территориальной экспансией Соединенных

⁸ Old Fogies // The Nevada Journal. 1853. December 9.

⁹ Marshall E. Op. cit. P. 5.

¹⁰ Progress of democracy versus Old Foggy retrogrades. Speech of Marshall, of California // The Democratic Review. 1852. Vol. 30. No. 166. P. 290, 297; The nomination. The “Old Fogies” and foggy conspiracies // Idem. P. 379.

¹¹ Progress of democracy... P. 293–295.

¹² Daniel – ‘76, ‘98, ‘44, ‘48, and a Fast Man // The Democratic Review. 1852. Vol. 30. No. 167. P. 390–394.

Штатов, территориальным продвижением североамериканской республики¹³. Соединенные Штаты, заявил он, должны принимать более активное участие в международных делах, войти в круг великих держав¹⁴. Сам конгрессмен был участником войны США с Мексикой 1846–1848 гг. Многие «прогрессивные демократы» оказывали активную поддержку флибустьерским экспедициям на Кубу.

Прогресс, в истолковании публицистов “Democratic Review”, в целом не подразумевает решение проблемы «особого института» в североамериканской республике. В журнале проводится идея о расовом превосходстве белых. Многие «младоамериканцы» выступают защитниками системы рабства.

Конечно, рассуждения о «старых ретроградах», о прогрессе зачастую носят демагогический характер. Значительную роль играют партийные соображения. Подходил к концу срок президентства вигской администрации Милларда Филлмора, приближались очередные президентские выборы. Главной целью «младоамериканцев» было обеспечить победу С. Дугласу (этому лидеру демократов еще не исполнилось сорока лет) и нанести поражение другому претенденту на пост президента США от Демократической партии, 70-летнему Льюису Кассу, к которому многие авторы “Democratic Review” испытывали личную неприязнь. В конечном итоге, как известно, президентом стал «темная лошадка», демократ Франклин Пирс.

Влиятельная вашингтонская вигская газета “National Intelligencer” (как известно, виги – демократы составляли вторую двухпартийную систему США), осуждавшая революционные события в Европе, обвиняет демократов в участии в «заговоре», имеющем цель усилить иностранное влияние в Соединенных Штатах. Она приводит длинные цитаты из журнала “Democratic Review”, в том числе о прогрессе, язвительно их комментируя¹⁵.

Напротив, газета “The Southern Press”, имевшая большой тираж в Вашингтоне (ее редактором являлся Эдвин де Леон, который считается одним из родоначальников «Молодой Америки»), полностью воспроизводит речь Маршалла¹⁶.

¹³ «Американский прогресс» символизирует более поздняя, 1872 г., одноименная картина американского художника прусского происхождения Джона Гаста, воплощающая саму “Manifest Destiny”.

¹⁴ *Marshall E.* Op. cit. P. 6.

¹⁵ The democracy and the interventionists and filibustiers // The Weekly National Intelligencer. 1852. October 23.

¹⁶ American progress – judge Douglas – The presidency // The Southern Press. 1852. March 22.

Недавно основанная Генри Реймондом “The New York Times” также вовлекается в споры. Одна из статей так и называется – «Молодая Америка – подлинная идея прогресса». Молодая Америка должна принимать во внимание Прошлое, не игнорировать «дух подлинного прогресса» и не «извращать» идею Свободы, наставляет автор¹⁷. Газета подчеркивает: разоблачения «младоамериканцев» «порой граничили с неприличием», они никогда «не останавливались перед тем, чтобы подергать важных сенаторов за бороду»¹⁸.

В числе региональных изданий, подвергавших критике прогресс в истолковании «Молодой Америки», была газета “The Flag of the Union”, выходившая в городе Джексон (штат Миссисипи). Известно, что в 1860 г. население Джексона составляло чуть более трех тысяч человек. В статье «Консерваторы и прогрессисты» (15 апреля 1853 г.) отмечалось: «подлинный прогресс» – в развитии средств связи, в просвещении, а не в захвате новых территорий¹⁹. Об «особом институте» в Америке не упоминалось.

Издававшаяся в Теннесси газета “The Athens Post”²⁰, цитируя выступление конгрессмена от штата Джорджия, будущего вице-президента Конфедерации Александра Стеффенса (последний выступал с позиции противников «Молодой Америки»), выражала неодобрение идей прогресса «прогрессивных демократов»²¹. Публицист “The Staunton Spectator and General Advertiser”, виргинской газеты Стонтон (этот город – родина будущего президента США Вудро Вильсона: по некоторым данным, к середине XIX в. в нем проживало около двух с половиной тысяч человек) высказывался в том же духе²².

Подобное отношение отражало вигские симпатии редакций указанных изданий. Газеты Миссисипи и Виргинии поддерживали кандидата от партии вигов на выборах 1852 г. Уинфилда Скотта. Эти и другие высказывания свидетельствуют о том, что в середине XIX в. часть вигов, в том числе южан, с настороженностью воспринимала экспансию США и концепцию «предопределения судьбы», отстаивая, скорее, мысль о необходимости сосредоточения на вну-

¹⁷ Young America – The true idea of progress // The New York Times. 1854. May 3.

¹⁸ The New York Times. 1852. June 2.

¹⁹ The conservative and progressive // Flag of the Union. 1852. April 15.

²⁰ Возможно, город был назван в честь греческих Афин. Его население в 1834 г. насчитывало более 500 человек.

²¹ “Principles, not men” // The Athens Post. 1852. September 17.

²² Progress in democracy // The Staunton Spectator and General Advertiser. 1852. July 21.

тренних проблемах, откладывая территориальное продвижение на более поздний срок [Сиротинская 2017, с. 108–109; Haynes and Morris 1997, p. 15]. Как показал недавно в своей монографии Мак Пауэр Смит, в предвоенные годы демократов и вигов отличало неординарное видение демократии, «Молодую Америку» и ее приверженцев характеризовал особый подход к пониманию естественных прав человека [Smith 2022].

Дни самой вигской партии были сочтены. Президентская кампания 1852 г. явилась последней, в которой партия принимала участие. Вопрос о рабстве внес раскол в ряды северных и южных вигов. Многие из вигов Севера в дальнейшем пополнили ряды Республиканской партии (она была образована в 1854 г.).

Впрочем, единства не существовало и в Демократической партии. «Прогрессивные демократы» в конечном итоге не заняли доминирующего положения в партии [Eyal 2007, p. 11].

Газета демократов “The Mountain Sentinel”, выходящая в небольшом отдаленном городке Эбенсберге²³ в штате Пенсильвания, выдвинула лозунг «осторожного», «благоразумного» прогресса, иронизировала над быстрыми «молодыми демократами»²⁴. “The Mountain Sentinel” оказывала поддержку другому кандидату, будущему президенту США Джеймсу Бьюкенену.

Отказываться от предыдущего опыта неправомерно, вторила газета демократов “Wilmington Journal”, публиковавшаяся в Северной Каролине. Одна из статей была прямо посвящена чересчур «быстрому» журналу “The Democratic Review”, столь же «острому, как соус с перцем». Энергия и прогресс необходимы, но не ценой игнорирования прошлых достижений, подчеркивает автор²⁵.

Как свидетельствуют материалы электронной базы, идеи «молодых демократов» находили отклик у публицистов газеты “Southern Standard”, выходящей в маленьком городке Колумбус в восточной части штата Миссисипи (основан в 1819 г., вначале предполагалось, что он войдет в состав Алабамы). В статье «Молодая Америка» приводились пространные цитаты из журнала “The Democratic Review”. По мнению редактора, с «ретроградством» в партийных делах должно быть покончено²⁶.

²³ Информацию о населении Эбенсберга в середине XIX в. не удалось найти – известно, что в 1900 г. в нем проживали чуть более полутора тысяч человек.

²⁴ “Young America”, and the presidency // The Mountain Sentinel. 1852. April 15.

²⁵ Democratic review // Wilmington Journal. 1852. April 23.

²⁶ Young America // Southern Standard. 1852. May 8.

«Молодой прогрессист», как он себя называет, 5 марта 1853 г. обращается с письмом в газету городка Порт Гибсон “The Port Gibson Reveille” (Порт Гибсон находится в юго-западной части штата Миссисипи). Он отстаивает право молодежи иметь собственные взгляды, в известной степени поднимая проблему поколений, про- тивопоставляет себя «ретроградом»²⁷.

«Мы разговаривали с некоторыми нашими друзьями-демократами», – писал один из авторов “The Wyandot Pioneer”. Они готовы к борьбе против «старых ретроградов»²⁸. Газета издавалась в основанном в 1843 г. поселении Аппер Сандаски, названном так по имени проживавших вдоль реки Сандаски индейцев Уайндот. Аппер Сандаски расположен в ста километрах от столицы штата Огайо Колумбуса. Известно, что в 1850 г. его население составляло 750 человек.

Видный американский историк Мерль Керти пришел к заключению, что «Молодая Америка» апеллировала в основном к Среднему Западу, к жителям долины реки Миссисипи [Curti 1926, pp. 38–39; Hunt 1987, p. 106].

При этом американские издания различной политической направленности, хотя и порицали монархические институты Англии, перепечатаывали одни и те же статьи из британской прессы, в которых отмечались успехи в развитии Соединенных Штатов, где молодая заатлантическая республика представлялась в благоприятном свете. Кажется, британский журнал «открыл глаза на американский прогресс», прогресс «молодого гиганта Запада», говорилось в статье «Американский прогресс» – она была воспроизведена многими периодическими изданиями²⁹. Каждый американец знает,

²⁷ The Port Gibson Reveille. 1853. March 9.

²⁸ Young democrats // The Wyandot Pioneer. 1853. September 14; см. также: To the young democracy // Idem. 1853. October 6.

²⁹ American progress // Daily Virginian (эта газета демократов выходила в городе Линчберг, который в годы Гражданской войны в США непродолжительное время являлся столицей штата Виргиния). 1854. July 8; American progress // The Martinsburg Gazette (газета публиковалась в Мартинсберге в Виргинии). 1854. July 12; American progress // Wilmington Journal. 1854. July 14; American progress // Edgefield Advertiser (издавалась в городке Эджфилд в Южной Каролине). 1854 July 27. См. также: American progress // Minnesota Pioneer. 1851. October 30. Это была первая газета Сент-Пола на созданной в 1849 г. территории Миннесота; European view // Eastern Times. 1851. July 10. Данная газета демократов выходила в Бате (он получил статус города в 1847 г.) в Мейне; English opinion with regard to American progress // The Daly Dispatch (основанная в 1850 г.

утверждала газета демократов Мичигана “The Detroit Free Press” (ее слова приводила “The Wyandot Pioneer”), что единственная цель европейских монархов – препятствовать «американскому продвижению на этом континенте и близлежащих островах»³⁰.

Прогрессу придается антирабовладельческий смысл газетой “The Anti-Slavery Bugle”. Прогресс связывается с решением вопроса о рабстве, в частности с законом о беглых рабах, с движением за реформы, осуждением места и роли женщины в обществе, с интеллектуальным развитием, нравственным совершенствованием индивида³¹. “The Anti-Slavery Bugle” нередко приводила материалы из влиятельной нью-йоркской газеты “New York Tribune”³² (редактор – Хорас Грили), которая также выступала против рабства.

Подобный взгляд на прогресс отражал радикальные аболиционистские убеждения газеты “The Anti-Slavery Bugle” – органа Американского антирабовладельческого общества штата Огайо (она издавалась в это время в Сейлеме) – и ее редактора Мариуса Робинсона. Газета поддерживала женское движение, была противницей войны США с Мексикой (1846–1848), территориальной экспансии США. Ее девизом стали слова: «Нет союзу с рабовладельцами».

Таким образом, в начале 1850-х гг. в прессе США, судя по материалам газет, включенных в базу данных Библиотеки Конгресса, живо обсуждалась тема «американского прогресса». За 1851–1853 гг. в ней можно встретить около ста ссылок на данное словосочетание (некоторые из них, правда, случайны). В целом издания «глубинки» были хорошо осведомлены о тех общественно-политических дискуссиях, которые велись в Конгрессе США, в вашингтонском и нью-йоркском обществах. Но нередко источниками политических новостей для них все же были Вашингтон и Нью-Йорк.

Дж. Ковардином и У.Г. Дэвисом и фактически отражавшая взгляды южных вигов Ричмонда, газета стала весьма влиятельной). 1852. October 11; American progress and the press of Europe // The Daily Union. 1852. December 28. Вашингтонская газета являлась официальным рупором Демократической партии; American progress and the press of Europe // Woodville Republican (газета, поддерживавшая демократов, издавалась в городке Вудвилл в Миссисипи). 1853. January 18; etc.

³⁰ American progress // The Wyandot Pioneer. 1853. November 17.

³¹ Progress // The Anti-Slavery Bugle. 1853. August 6; Progress // Idem. 1853. December 12; Freedom convention at Ravenna // Idem. 1851. July 5; Annual meeting of the Ohio Woman’s Rights Association // Idem. 1853. May 21; etc.

³² The New-York tribune // The Anti-Slavery Bugle. 1851. January 4.

Трудно, не имея источников, судить о том, каков был реальный круг читателей указанных газет «американской глубинки». Как отмечает исследователь американской журналистики XIX столетия Т.В. Алентьева, он мог быть значительно шире тиражей изданий – практиковались чтение вслух, обсуждение наиболее интересных статей в тавернах, закусовых, кофейнях. В годы, предшествовавшие Гражданской войне, американская пресса играла большую роль, одновременно отражая общественное мнение и способствуя его формированию [Алентьева 2023, с. 4–7].

В середине XIX в. термины «прогрессисты» (“progressives”, “progressionists”), «старые ретрограды» часто употреблялись в периодической печати. Утверждение о том, что современная эпоха – эра прогресса, не оспаривалось. Однако взгляд на «американский прогресс» был различным. Он, думается, в значительной степени определялся партийно-политическими симпатиями редакторов и публицистов. Критические суждения о «стариках-ретроградах», как представляется, свидетельствовали в определенной мере о растущих претензиях американской (как и европейской) молодежи на участие в общественно-политической жизни. Согласно переписи 1840 г., средний возраст 17-миллионного населения США составлял 17,8 лет, примерно 12 млн молодых людей англосаксонского происхождения, включая детей, не достигли 30 лет (около 73% всего населения). По данным переписи 1850 г., в Соединенных Штатах проживало 23 млн человек, а средний возраст американцев приближался к 19 годам³³ [Widmer 1999, p. 4]. С темой «американского прогресса» связывали решение вопроса об «особом институте» противники рабства.

Литература

- Алентьева 2023 – *Алентьева Т.В.* Золотой век американской журналистики. М.: ИНФРА-М, 2023. 357 с.
- Баталов 2005 – *Баталов Э.Я.* Мировое развитие и мировой порядок. М.: РОССПЭН, 2005. 376 с.
- Сиротинская 2017 – *Сиротинская М.М.* Идея «предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2017. № 2. С. 101–113.

³³ Historical statistics of the United States. Colonial times to 1957. URL: <https://www.google.com/search?q=historical+statistics+of+the+united+states+census+1840+average+age&oq=&aqs=chrome.1.35i39i362l8.6937j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения 17.03.2024).

- Согрин 2018 – *Согрин В.В.* Энциклопедия истории США. М.: Весь мир, 2018. 473 с.
- Bury 2010 – *Bury J.B.* The idea of progress. An inquiry into its origin and birth. 2010 (1st ed.: L.: Macmillan, 1920). URL: <https://www.gutenberg.org/files/4557/4557-h/4557-h.htm> (дата обращения 17.03.2024).
- Curti 1926 – *Curti M.E.* “Young America” // *American Historical Review*. 1926. Vol. 32. No. 1. P. 34–55.
- Haynes and Morris 1997 – Manifest destiny and empire. American antebellum expansionism / ed. by S.W. Haynes, Ch. Morris, Ch.Ch. Morris. Arlington: University of Texas at Arlington, 1997. 179 p.
- Hunt 1987 – *Hunt M.* Ideology and U.S. foreign policy. New Haven: Yale University Press, 1987. 237 p.
- Eyal 2007 – *Eyal Y.* The young America movement and the transformation of the democratic party, 1828–1861. N.Y.: Cambridge University Press, 2007. 264 p.
- Nisbet 1980 – *Nisbet R.* Idea of progress. A bibliographical essay by Robert Nisbet (1st ed.: N.Y.: Basic Books, 1980). URL: <https://oll.libertyfund.org/pages/idea-of-progress-a-bibliographical-essay-by-robert-nisbet> (дата обращения 17.03.2024).
- Sampson 2003 – *Sampson R.D.* John L. O’Sullivan and his times. Kent: The Kent State University Press, 2003. 304 p.
- Smith 2022 – *Smith M.P.* Young America. The transformation of nationalism before the Civil War. Charlottesville: University of Virginia Press, 2022. 292 p.
- Weinberg 1935 – *Weinberg A.K.* Manifest destiny. A study of nationalist expansionism in American history. Chicago: Encounter Paperbacks, 1935. 559 p.
- Widmer 1999 – *Widmer E.L.* Young America. The flowering of democracy in New York City. New York: Oxford University Press, 1999. 300 p.

References

- Alentieva, T.V. (2023), *Zolotoi vek amerikanskoi zhurnalistiki* [Golden Age of American journalism], INFRA-M, Moscow, Russia.
- Batalov, E.Ya. (2005), *Mirovoe razvitiye i mirovui poryadok* [World development and world order], ROSSPEH, Moscow, Russia.
- Bury, J.B. (2010), *The idea of progress. An inquiry into its origin and birth*, available at: <https://www.gutenberg.org/files/4557/4557-h/4557-h.htm> (Accessed 17 March 2024).
- Curti, M.E. (1926), “Young America”, *American Historical Review*, vol. 32, no. 1, pp. 34–55.
- Eyal, Y. (2007), *The Young America Movement and the Transformation of the Democratic Party, 1828–1861*, Cambridge University Press, New York, USA.
- Haynes, S.W., Morris, and Morris, Ch.Ch., eds. (1997), *Manifest destiny and empire. American antebellum expansionism*, University of Texas at Arlington, Arlington, USA.
- Weinberg, A.K. (1935), *Manifest destiny. A study of nationalist expansionism in American history*, Encounter Paperbacks, Chicago, USA.

- Hunt, M. (1987), *Ideology and U.S. foreign policy*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Nisbet, R. (1980), *Idea of progress. A bibliographical essay by Robert Nisbet*, available at: <https://oll.libertyfund.org/pages/idea-of-progress-a-bibliographical-essay-by-robert-nisbet> (Accessed 17 March 2024).
- Sampson, R.D. (2003), *John L. O'Sullivan and his times*, The Kent State University Press, Kent, USA.
- Sirovinskaya, M.M. (2017), "Idea of 'Manifest destiny'. Perception by American contemporaries (mid-19th century)", *RSUH/RGGU Bulletin, Series "Political Science. History. International Relations"*, 2017, no. 2, pp. 101–113.
- Smith, M.P. (2022), *Young America. The transformation of nationalism before the Civil War*, University of Virginia Press, Charlottesville, USA.
- Sogrin, V.V. (2018), *Ehntsiklopediya istorii SSHA* [Encyclopedia of the USA history], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Widmer, E.L. (1999), *Young America. The flowering of democracy in New York City*, Oxford University Press, New York, USA.

Информация об авторе

Мария М. Сировинская, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; masha_sirovinskaia@mail.ru

Information about the author

Maria M. Sirovinskaya, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; masha_sirovinskaia@mail.ru

Битва за землю обетованную:
попытки мормонов создать теократическое государство
на западе США

Лариса В. Байбакова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, lbaibakova@yandex.ru*

Аннотация. Колонизация Запада сыграла огромную роль в формировании американского государства. Освоение приграничной полосы свободных земель во внутренних районах страны, называемой «фронтиром», создало своеобразную социально-культурную среду, отличную от обжитого и цивилизованного Северо-Востока. Специфической чертой общественной эволюции Запада являлась попытка создания адептами Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (именуемых кратко мормонами) теократического государства Дезерет во второй половине XIX в. На огромной территории, простиравшейся от Западного Колорадо до южного побережья Калифорнии, они хотели учредить социально-политический порядок, представлявший сочетание основ теократического правления с традиционными республиканско-демократическими принципами, предусмотренными Конституцией США. На практике это означало наделение клерикальной и светской властью церковных старейшин, которые через призму религиозных воззрений воздействовали на образ жизни паствы. И поскольку гражданство в новообразованном государстве предоставлялось исключительно мормонам, то именно их адепты массово избирались в органы власти. Вероучение мормонской общины, несовместимое с господствовавшими в США деноминациями, долгое время препятствовало ее интеграции в американское общество. Однако духовное наследие мормонов способствовало поддержанию устойчивого мифа среди американцев о возможности альтернативного развития отдельных регионов страны.

Ключевые слова: фронтир, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, мормоны, Джозеф Смит, Бригам Янг, полигамия, папоцезаризм, теодемократия

Для цитирования: Байбакова Л.В. Битва за землю обетованную: попытки мормонов создать теократическое государство на западе США // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 182–190. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-182-190

The battle for the Promised Land.
Mormons' attempts to create a theocratic state
in the American West

Larisa V. Baibakova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
lbaibakova@yandex.ru*

Abstract. Western colonization played a huge role in the formation of the American state. The development of a border strip of vacant land in the interior of the country, called the “frontier”, had created a kind of socio-cultural environment, different from the habitable and civilized Northeast. A specific feature of the social evolution of the West was the attempt by the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints (briefly called Mormons) to create the theocratic state of Deseret in the second half of the 19th century. In a vast territory, stretching from Western Colorado to the southern coast of California, they wanted to establish a socio-political order that combined the foundations of theocratic government with traditional Republican-democratic principles provided by the US Constitution. In practice this meant giving clerical and secular authorities to church elders who through the prism of religious beliefs influenced the way of their flock lives. And since citizenship in the newly formed state was granted exclusively to Mormons, there were their parishioners who massively elected to the institutions of state power. The Mormon's faith, incompatible with the principal U.S. denominations, had long prevented its integration into American society. However, the Mormon spiritual heritage contributed to the maintenance of a stable myth among Americans about the possibility of alternative development of individual regions.

Keywords: frontier, Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, Mormons, Joseph Smith, Brigham Young, polygamy, papocesarism, theodemocracy

For citation: Baibakova, L.V. (2024), “The battle for the Promised Land. Mormons' attempts to create a theocratic state in the American West”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 182–190, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-182-190

Периферия, или порубежье, именуемое в американской терминологии «фронтиром», – это особая социокультурная среда, отличавшаяся образом жизни от урбанизированного Востока. В середине XIX в. одним из наиболее интенсивно осваиваемых регионов страны стал Дикий Запад, расположенный в районе Скалистых гор. В его колонизации, по мнению американских ученых, наиболее преуспели последователи религиозной секты мормонов,

представлявших Церковь Иисуса Христа Святых последних дней [Allen, Glen 1976; Bigler 1998; Jortner 2022]. Бурная деятельность ее адептов вынесла на повестку дня дискуссию о взаимосвязи права и религии в общественных отношениях. В данном случае речь шла о папощезаризме, при котором глава новообразованной церкви обладал не только церковной, но и светской властью на огромной территории Запада, принимая все решения согласно божественным откровениям.

В современной российской американистике деятельность последователей Церкви Иисуса Христа Святых последних дней еще не стала объектом специального изучения. После статьи А.А. Кисловой, вышедшей несколько десятилетий назад [Кислова 1984], интерес к мормонизму в наши дни проявляет преимущественно В.В. Прилуцкий, изучающий распространенную среди мормонов традицию полигамии [Прилуцкий 2017; Прилуцкий 2022].

Цель статьи – проанализировать структуру и организацию мормонской общины, сочетавшей теократию с элементами демократии, специфические черты которой десятилетиями препятствовали ее интеграции в американское общество.

Мормонизм нередко называют специфической формой американизированного христианства, согласно которому утраченная после смерти Христа святая вера была восстановлена в США. В 1823 г. некий Джозеф Смит получил видение от ангела по имени Мороний, приведшего его к месту, где хранилась книга, написанная на золотых пластинах. Манускрипт, состоявший из 15 повествований, представлял сочинения древних христиан о путешествии из Иерусалима в Америку в библейские времена. По просьбе ангела Смит опубликовал в 1830 г. на английском языке тайное писание, названное в его честь «Книга Мормона». И хотя излагаемые события расходились с Ветхим и Новым Заветами, адепты Церкви Иисуса Христа Святых последних дней считают эту книгу дополнением Библии, в которой содержится вся полнота Евангелия. Они верят, что американцы произошли от утраченного 13-го колена детей Израиля и что сам Господь Бог около 600 г. до нашей эры привел в Новый Свет пророков, проповедовавших путь к познанию истинной веры¹.

Мормоны, взяв из христианства ряд библейских понятий и этических норм, дополнили его проповедями об «ином» Евангелии, выразившимися в особом понимании природы Бога, спасения души и загробной жизни. Они утверждали, что божественный замысел спасения каждого человека включает прохождение раз-

¹ Book of Mormon. Another testament of Jesus Christ. Salt Lake City: The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, 2013. P. 16–75.

личных стадий его существования, позволяющий ему вернуться к жизни с Богом после смерти. Более того, благодаря жертве Христа людям могут быть прощены грехи и получено право на вечную жизнь, но для этого им нужно получить благословение искупления. Веря в различные ступени рая, мормоны считают, что люди могут подняться на его самые высокие уровни, следуя божьим заповедям. Одной из них является учение о потенциале человеческого развития, согласно которому Бог-Отец когда-то был смертным человеком, но со временем, пройдя с достоинством жизненный путь, возвысился до состояния Бога. И хотя христианство строго различает недоступную для понимания суть Бога от ограниченной природы других существ, у мормонов существует выборный пророк (носитель откровения), который постоянно пребывает в контакте с Господом Богом и живыми 12 апостолами.

Современные ученые причисляют мормонизм к ереси [Дворкин 2014, с. 92–146], противоречащей церковным догматам протестантизма, поскольку книга Мормона, включающая ряд его основополагающих принципов, содержит отличия от христианской традиции. Во-первых, мормоны согласны с тем, что Бог-Отец, Сын и Святой Дух едины в целях, но не считают их одним и тем же существом. Они признают наличие множества богов, которые напрямую общаются с людьми, поскольку сам творец когда-то тоже был смертным. Во-вторых, мормоны ставят откровения и сверхъестественные видения выше авторитета Священного Писания, являющегося стержнем протестантской доктрины, объявлявшей все подобные свидетельства «от дьявола». В-третьих, человеку, считающему себя «богом в зародыше», предназначено идти по дороге прогресса и в завершение стать равным творцу, постепенно вращаясь в небесное царство. Отсюда девизом мормонов является сентенция «оптимизм и вера – это прогресс», свидетельствующая о том, что между верованием и поведением человека в повседневной жизни существует тесная взаимосвязь. В этой связи показательно, что прихожане уделяют особое внимание внешнему виду: они гладко выбриты, аккуратно подстрижены, строго одеты, интеллигентны и вежливы.

Церковь мормонов имеет многостепенную иерархию. Вертикаль священноначалия носит сложный характер, но ее низшей ступенью считается приход численностью до 500 чел. Расположенные в одной географической местности, они называются колом. Такое странное название восходит к временам ранней колонизации Запада, когда переселенцы втыкали кол в землю, чтобы за столбить за собой тот или иной приглянувшийся им участок. Церковные приходы подчиняются председательствующему епископату, который возглавляют президент и два советника. Руководящей структурой

церкви считается кворум семидесяти, руководимый президентом и советом из 12 апостолов, отвечающих за разные направления деятельности общины. Высшее руководство представлено пророком, который с помощью двух советников отвечает за управление царства божьего на земле. Наделенный даром божественного откровения, он может отменять принятые законодательные и исполнительные акты, осуществлять замены в кворуме двенадцати, в котором председательствующий становится новым пророком после смерти предшественника.

Для осуществления контроля над паствой церковь жестко регламентирует нормы жизни прихожан. Им запрещены курение и азартные игры, употребление алкоголя, чая, кофе, использование наркотиков. Мормоны, прошедшие ритуал посвящения, обязаны носить нательное белье, единое и наглухо закрытое. Одним из базовых принципов вероучения считается полигамия, нацеленная на увеличение численности народа, призванного создать американский Сион. Первыми примерами для подражания стали основатели мормонизма: так, Дж. Смит женился 55 раз, а его последователь Бр. Янг вступал в брак 72 раза.

С середины 1840-х гг. мормоны пытались реализовать проект царства божьего на земле в форме теократического государства Дезерет. Его название, упоминаемое в «Книге Мормона», ассоциировалось с трудолюбивой медоносной пчелой, обитавшей на западе страны, поэтому официальной эмблемой нового миропорядка стал улей как символ упорядоченного общества людей, отличавшихся трудолюбием и целеустремленностью в достижении поставленных целей. В июле 1847 г. мормоны прибыли в долину Большого Соленого озера в Скалистых горах, которые тогда еще являлись частью Мексики, уступившей по договору Гуадалупе-Идальго через год американцам огромную территорию, включая земли современных штатов Аризона, Калифорния, Колорадо, Нью-Мехико, Вайоминг и Юта.

В марте 1849 г. группа церковных старейшин, используя первую поправку к Конституции США о свободе вероисповедания, приняла Основной закон государства Дезерет, которым должен был управлять пророк как глава земной теократии. В таком мироустройстве мормонская церковь приобретала статус господствующей, но при этом предусматривалось наличие президента, назначаемого на четырехлетний срок пророком и кворумом 12 апостолов, а также деятельность двухпалатного законодательного собрания².

² Constitution of the State Deseret // Utah Historical Quarterly. 1940. Vol. 8. No. 2–4. P. 155–163.

В течение 1849–1850 гг. властями был принят уголовный кодекс, создана милиция, назначены судьи, установлены налоги, распределены земли между поселенцами. Кроме того, стали чеканиться собственные деньги (токены) и введен новый алфавит, с помощью которого планировалось осуществление контроля над школьным образованием. Были изобретены государственные атрибуты – флаг, герб, эмблема. Со всех прихожан взималась церковная десятина. До официального принятия огромной территории Запада в состав федеративного государства временное правительство Дезерета выполняло функции его фактической власти.

Создаваемое мормонами Царство Божье представляло сплав принципов теократического правления в сочетании с республиканскими идеалами, изложенными в Конституции США. Основу так называемой теодемократии (от *греч.* тео – бог, демос – народ, кратос – власть) разработал в 1844 г. основатель мормонизма Дж. Смит, который, с одной стороны, клялся в преданности творцу, а с другой – сохранял веру в идеалы демократии. Он считал, что в создаваемом им миропорядке «Бог и народ обладают властью праведно вершить дела людей», при этом элементы слагаемых не только не являются взаимоисключающими, но неразрывно связаны между собой, являясь залогом организации нравственного и справедливого правления [Mason 2011, pp. 357–358]. В социальном плане теодемократия означала организацию общества, где люди и Бог были соединены посредством божественного откровения, а в политическом – через совместное управление светскими делами. Подобное Царство Божье, предсказанное в Ветхом Завете, представляло утопическую попытку примирить теократические идеалы с демократической культурой, сложившейся к тому времени в американском обществе.

Однако совместное правление бога и народа у мормонов не состоялось, так как духовное начало играло более существенную роль в идеологической системе мормонизма, чем светские элементы. Не случайно конструируемый ими миропорядок ныне определяется как «демократически модифицированная теократия», поскольку власть в общине покоилась на «реальности, выходящей за рамки народовластия» [Mason 2011, p. 371]. На практике это, прежде всего, проявлялось в ходе проведения выборов, когда послушные прихожане осуществляли свой выбор в рамках доверительных отношений с церковным руководством, указывавших им на истинных посланников Бога. И поскольку гражданство в Юте предоставлялось исключительно мормонам, именно их адепты массово избирались в органы государственной власти и местного самоуправления, что явно подрывало веру американцев в легитимность демократи-

ческого процесса принятий решений [Bigler 1998, p. 214]. Между тем в глубоко религиозной Америке середины XIX в. современники вряд ли усматривали некое противоречие между утверждением принципа народного суверенитета и представлением о том, что делами человечества, в конечном счете, управляет Господь. Теодемократия казалась им наилучшей из возможных форм правления, поскольку основывалась на «послушании тех, кто откликнулся на призыв Божий и кому он даровал свою власть для работы своей церкви и царства» [Mason 2011, p. 372].

Стремление мормонов создать теократическое государство на территории, простиравшейся от Западного Колорадо до южного побережья Калифорнии, обусловило начавшиеся в декабре 1849 г. переговоры с федеральным центром об официальной легализации своего положения. Однако отправленные представители в Вашингтон для получения статуса штата вернулись ни с чем. Решением федерального конгресса, принятого в сентябре 1850 г., на территории бывших мексиканских владений к северу от 37-й параллели был создан не штат, а территория под названием Юта, куда вошла только северная часть самопровозглашенного Дезерета. Официальным предлогом тому являлось недостаточное количество населения, проживавшего в данной местности, поскольку согласно Северо-Западному ордонансу минимальная искомая цифра должна быть не менее 60 тыс. жителей. Обделенная собственным суверенитетом, Юта стала административным подразделением федерального правительства, обязанного следить за состоянием дел на местах.

Мормоны не желали отказываться от организации собственного государства: ими были восстановлены ранее принятые законы, включая подтверждение статуса церкви и института полигамии. Церковные старейшины под руководством Янга продолжали выполнять функции теневого правительства. Их стремление принять в 1856 г. собственную конституцию, означавшую выход из состава федеративного государства, завершилось так называемой войной за Юту. В июне 1857 г. президент Дж. Бьюкенен, решив покончить с вольницей на фронтире, направил туда войска, столкновения которых с силами территориального ополчения длились около года. Только в июне 1858 г. жители Юты были амнистированы при условии лояльности федеральному центру и лишения Янга поста губернатора, которого вскоре сменил южанин А. Каммингс, не принадлежавший к мормонам. Само его прибытие к месту службы в сопровождении вооруженного отряда символизировало несбыточность иллюзии о возможности построения религиозного сообщества, изолированного от окружающего мира.

Неумеренные амбиции церковных старейшин, не желавших поступиться светской властью, задержали на 46 лет обретение территорией Юты статуса штата. Стремясь сохранить контроль над жизнью общины, мормоны с 1862 по 1870 г. усиленно работали над проведением референдума о независимости Юты. Федеральное правительство также не бездействовало, одоблив в 1880-х гг. введение уголовного наказания за многоженство и запрет мормонской церкви. Движение гражданского неповиновения завершилось в 1890 г., когда на главу церковной иерархии У. Вудраффа сошло откровение о целесообразности отказа от полигамии, что на практике означало признание мормонами федеральных законов страны [Williams 1967, pp. 238–262]. В январе 1896 г. Юта стала 45-м штатом в составе США.

Литература

- Дворкин 2014 – Дворкин А.Л. Сектоведение: Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2014. 816 с.
- Кислова 1984 – Кислова А.А. Мормоны на американском Западе (к истории массовых миграций 30–50-х годов XIX в.) // Американский ежегодник – 1984. М.: Наука, 1984. С. 165–185.
- Прилуцкий 2017 – Прилуцкий В.В. Мормонская полигамия в Юте и на западных территориях США (1850–1890-е гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2. С. 96–101. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-105-115.
- Прилуцкий 2022 – Прилуцкий В.В. Завершающий период мормонской миграции и освоение Юты (1869–1911 гг.) // Вопросы истории. 2022. № 2. С. 18–28. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202402Statyi14.
- Allen, Glen 1976 – Allen J., Glen L. The story of the latter-day Saints. Salt Lake City: Deseret Book, 1976, 722 p.
- Bigler 1998 – Bigler D. Forgotten kingdom. The Mormon theocracy in the American West, 1847–1896. Logan: Utah State University Press, 1998. 411 p.
- Jortner 2022 – Jortner A. No place for Saints. Mobs and Mormons in Jacksonian America. Charles Village; Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2022. 200 p.
- Mason 2011 – Mason P. God and the people. Theodemocracy in 19th century Mormonism // Journal of Church and State. 2011. Vol. 53. No. 3. P. 349–375. DOI: org/ 10.1093/jcs/csq135.
- Williams 1967 – Williams J.D. The separation of church and state in Mormon theory and practice // Journal of Church and State. 1967. Vol. 9. No. 2. P. 238–262. DOI: org/ 10.1093/jcs/9.2.238.

References

- Allen, J. and Glen, L. (1976), *The story of the latter-day Saints*, Deseret Book, Salt Lake City, USA.
- Bigler, D. (1998), *Forgotten kingdom. The Mormon theocracy in the American West, 1847–1896*, Utah State University Press, Logan. USA.
- Dvorkin, A.L. (2014), *Sektovedenie: Totalitarnye sekty: Opyt sistematicheskogo issledovaniya* [перевод], Khristianskaya biblioteka, Nizhnii Novgorod, Russia.
- Jortner, A. (2022), *No place for Saints. Mobs and Mormons in Jacksonian America*, Johns Hopkins Univ. Press, Charles Village, Baltimore, USA.
- Kislova, A.A. (1984), Mormoný` na amerikanskom Zapade (k istorii massovy'x migracij 30–50-x godov XIX v.) нужен перевод, *Amerikanskii ezhegodnik – 1984* [перевод], Nauka, Moscow, USSR, pp. 165–185.
- Mason, P. (2011), “God and the people. Theodemocracy in 19th century Mormonism”, *Journal of Church and State*, vol. 53, no. 3, pp. 349–375, DOI: org/ 10.1093/jcs/csq135.
- Prilutskii, V.V. (2017), Mormonskaya poligamiya v Yute i na zapadnyh territoriyah SSHA (1850-1890-e gg.), перевод, *The Bryansk State University Herald*, no. 2, pp. 96–101, DOI:10.22281/2413-9912-2023-07-04-105-115.
- Prilutskii, V.V. (2022), Zavershayushchij period mormonskoj migracii i osvoenie Yuty (1869–1911 gg.), перевод, *Voprosy istorii*, no. 2, pp. 18–28, DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202402Statyi14.
- Williams, J.D. (1967), “The separation of church and state in Mormon theory and practice”, *Journal of Church and State*, vol. 9, no. 2, pp. 238–262, DOI: org/ 10.1093/jcs/9.2.238.

Информация об авторе

Лариса В. Байбакова, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр-кт, д. 27, корп. 4; lbaibakova@yandex.ru

Information about the author

Larisa V. Baibakova, Dr. of Sci. (History), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 27, Lomonosovsky Av., Moscow, Russia, 119192; lbaibakova@yandex.ru

Американская и российская глубинка:
два образа жизни и мысли
(наблюдения бывшего земца)

Ирина М. Супоницкая

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
irina.ms@mtu-net.ru*

Аннотация. Статья представляет сравнительный анализ американской и российской глубинки на рубеже XIX и XX вв., основанный на работах общественного деятеля и писателя, помещика Тверской губернии П.А. Дементьева. Эмигрировав в 1881 г. в США, он жил в разных штатах и был хорошо знаком с провинцией обеих стран. В статьях, опубликованных под псевдонимом П.А. Тверской в российских журналах, главным образом в «Вестнике Европы», и книгах, Дементьев как бывший земец уделял особое внимание системе образования и местного самоуправления. Рассмотрев школьное дело в штатах Америки и в России, он пришел к неутешительным выводам о его состоянии в отечестве, где так и не был принят закон об обязательном начальном образовании. Столь же неблагоприятен взгляд на роль земства, ограниченного в полномочиях. Основываясь на американском опыте, Дементьев настаивал на необходимости реформ в этих областях, как и в других, в первую очередь аграрной, предлагая освободить крестьянство от гнета всевозможных платежей – причины бедности провинции и неграмотности ее населения. Различия американской и российской глубинки журналист объяснял поощрением частной инициативы в Америке и ее подавлением в России, призывая уничтожить бюрократические преграды на пути развития «общественной самостоятельности».

Ключевые слова: сравнение, образование, местное самоуправление, равенство, демократия

Для цитирования: Супоницкая И.М. Американская и российская глубинка: два образа жизни и мысли (наблюдения бывшего земца) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 191–202. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-191-202

American and Russian outback.
Two ways of life and thought
(observations of a former Zemstvo member)

Irina M. Suponitskaya

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, irina.ms@mtu-net.ru*

Abstract. The paper is a comparative analysis of the American and Russian outback at the turn of the 19th and 20th centuries. It is based on the works of public figure and writer, landowner of the Tver province P.A. Dementiev. He emigrated to the United States in 1881, lived in different states and was well acquainted with outback of both countries. In his articles published under the pseudonym P.A. Tverskoi in Russian magazines, mainly in *Vestnik Evropy*, and books, Dementyev, as a former member of the zemstvo, paid special attention to the system of education and local self-government. He examined school education in the states of America and in Russia and came to disappointing conclusions about its state in his fatherland, where a law on compulsory primary education had not been adopted. Equally unfavorable is his view of the role of the zemstvo, which has limited powers. Based on American experience, Dementiev insisted on the need for reforms in these areas, as well as in others, primarily agrarian, proposing to free the peasantry from the oppression of all kinds of payments, which is the basis of the poverty of the province and the illiteracy of its population. The journalist explained the differences between the American and Russian outback by encouraging private initiative in America and its suppression in Russia, calling for the elimination of bureaucratic barriers to the development of “public initiative”.

Keywords: comparison, education, local self-government, equality, democracy

For citation: *Suponitskaya, I.M. (2025), “American and Russian outback. Two ways of life and thought (observations of a former Zemstvo member)”*, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 191–202, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-191-202

О русской провинции лучше всего сказала литература.

Фамусов грозился отправить дочь «в деревню, в глушь, в Саратов». «В столицах шум, гремят витии, Кипит словесная война, А там, во глубине России – Там вековая тишина», – писал Н. Некрасов. Из этой «вековой тишины» стремятся вырваться сестры в пьесе А. Чехова: «В Москву, в Москву».

Впрочем, с определением Некрасова о «вековой тишине» едва ли согласился бы М.Е. Салтыков-Щедрин, служивший вице-губер-

натором Рязанской и Тверской губерний и сохранивший «особую предрасположенность к российской глубинке»; начал с «Губернских очерков» и кончил циклом «Мелочи жизни» [Дмитренко 2022, с. 307].

Ностальгическое отношение характерно для российских эмигрантов первой волны: «Есть блаженное слово – провинция, есть чудесное слово – уезд. Столицами восторгаются, восхищаются, гордятся. Умиляет душу только провинция. Небольшой городок, забытый на географической карте, ...преисполняет сердце волнующей нежностью, сладкой болью. – Потерянный, невозвращенный рай!»¹.

У американцев нет пренебрежения к провинции как захолустьем, из которого надо бежать, чтобы не пропасть. Ньюйоркцев удивило признание в любви И. Ильфа и Е. Петрова к их «чисто американскому городу». «Нью-Йорк – это вовсе не Америка», – ответили они, как и жители Вашингтона, Хартфорда, так и не назвав типично американского города².

Если в России центрами остаются Москва и Петербург, то в Америке само понятие центра меняется. Прежде лидировал Северо-Восток, в наши дни усиливается дальний Запад, бывший до XX в. районом колонизации; Калифорния превратилась в самый населенный (40 млн чел.) и богатый штат США, штат Нью-Йорк по численности населения уступил Техасу и Флориде, сместившись на четвертое место. Американцы, опасаясь концентрации богатства и власти, традиционно выбирали столицами штатов небольшие города: Олбани, а не Нью-Йорк; Спрингфилд, а не Чикаго в Иллинойсе.

Община сложилась в переселенческом обществе до государственных структур и сама создавала для себя законы, подобно пилигримам на корабле «Мэйфлауэр» в 1620 г., еще не высадившимся на берег нового континента [Бурстин 1993, с. 87]. Эту особенность подметил А. Токвиль: «В Европе политическая жизнь большинства стран начиналась наверху официальной пирамиды и затем постепенно... охватывала все ячейки общества. В Америке ...же, напротив, община была образована раньше, чем округ; округ появился прежде штата, а штат – прежде, чем конфедерация»³.

Сравнением американской и российской глубинки на рубеже XIX–XX вв. невольно занялся наш соотечественник, помещик Тверской губернии, бывший земец Петр Алексеевич

¹ *Дон-Аминадо А.П.* Поезд на третьем пути. М.: Книга. 1991. С. 5.

² *Ильф И., Петров Е.* Одноэтажная Америка // Ильф И., Петров Е. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1996. С. 55–56.

³ *Токвиль А.* Американская демократия. М.: Прогресс, 1992. С. 51.

Дементьев (1850–1919), эмигрировавший в Америку в 1881 г. Он жил в нескольких штатах (Флориде, Северной Каролине, Калифорнии) и хорошо знал глубинку обеих стран. Дементьев (в Америке Питер Деменс) стал предпринимателем, разбогател, охотчательно поселившись в Калифорнии, но прославился как общественный деятель, писатель и журналист, публикуя свои работы под псевдонимом П.А. Тверской в российских журналах, главным образом в «Вестнике Европы», и книгах.

Он родился в старинном «дворянском гнезде», где было не менее 30 человек прислуги, но в 5 лет осиротел и воспитывался в имении дяди. Учился в гимназии в Петербурге, в 17 лет поступил в лейб-гвардии Гатчинский полк. Женившись в 20 лет, после отставки в 1870 г. Дементьев уехал в свое родовое имение в Весьегонском уезде Тверской губернии, чтобы заняться хозяйством. Взялся, как пишет, с рвением, привез целую сельскохозяйственную библиотеку, но литература расходилась с жизнью. Купленных дорогих коров упустил пастух, они попали на озимое поле и не дали приплода, несколько породистых лошадей пало из-за сибирской язвы, сгорел овин. Дело, которому посвятил 10 лет, работая усердно, не заладилось. К 1880 г. хозяйство оказалось на грани разорения, в результате «полное разочарование и пустой карман»⁴.

Молодого богатого помещика, гвардейского офицера в 1873 г. единогласно избрали предводителем дворянства и председателем Весьегонской земской управы, в 1875 г. – почетным мировым судьей и председателем съезда мировых судей. Он считал общественную службу своим гражданским долгом и увлекся земским движением. Много внимания уделял здравоохранению и образованию. При нем в уезде учреждена санитарная комиссия, построена земская больница, открыто начальное земское училище в г. Весьегонске.

Но в земской службе тоже разочаровался, в 1878 г. вышел в отставку; разорившись и продав свои имения, Дементьев уехал в США. «Из самого розового оптимиста в ранней юности, – писал он позднее, – я постепенно делался самым мрачным пессимистом и ехал в Америку как в последнее убежище, рассчитывая сделаться там заурядным фермером, пахать лично землю и физическим трудом переработать изломанную нравственно натуру». На решение повлияло также изменение политической ситуации в России – начало реакции после убийства Александра II; будучи по взглядам народником, он опасался репрессий [Пирумова 1977, с. 219].

⁴ *Тверской П.А.* Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. Т. 1. № 1. С. 8.

Дементьев был не первым подобным эмигрантом, в 1870-е гг. в Америке возникли русские коммуны народников (Уильяма Фрея – псевдоним Владимира Гейнса; «чайковцев»⁵), которые тоже хотели, по словам Короленко, «приобщиться к святости трудовой жизни»⁶. Но существовали они недолго, так как никто не имел навыков земледелия.

Летом 1881 г. Дементьев приехал в Нью-Йорк без знания английского языка и опыта практической деятельности; поскольку имел незначительные средства (3 тыс. долл.), решил ехать в глушь. Поселился во Флориде, в местечке Лонгвуд, в графстве Орэнж южной Флориды, которая только осваивалась. Прибыльным там были апельсиновые рощи и лесопилки. Купил небольшую ферму с маленьким домом в две комнаты и долю в небольшом лесопильном заводе. Первую сделку Дементьев запомнил надолго. Дело устроилось в 10 мин., подписаны бумаги, местный судья взыскал 25 центов за сделку, городскому суду заплатил 1 долл. Никто не спросил, кто он и откуда⁷.

Через месяц приехала семья, жене пришлось все по дому делать самой, обслуживая четырех маленьких детей. На ферме Дементьев впервые познал физический труд. Вместе с рабочими по 10 часов в сутки расчищал от леса 10 акров земли, сажал апельсиновые деревья. В тяжелом труде прошли все его нервные болезни, мучившие в России. Он вспомнил описание Л. Толстым работы Левина в поле – косьбу. Первый год был особенно труден. Через пару лет Дементьев выкупил лесопилку и начал расширять дело; восемь лет занимался лесопильным и железнодорожным бизнесом. Он получил возможность сравнить труд в России и Америке: «Здесьняя работа интенсивнее, энергичнее, напряженнее, вы никогда не увидите рабочего за делом с трубкой в зубах или жующего кусок хлеба, или ...отлынивающего, но ведь и ест он лучше и сытнее, и работает только 8 или 10 часов, а не 13 или 18, как мне самому приходилось наблюдать ...на родине. Правда, здесьний рабочий интеллигентнее и либеральнее русского мужика... работает не только мускулами, но и мозгом»⁸. Трудовой опыт сделал Дементьева сторонником 8-часового рабочего дня. Когда переехал в Северную Каролину, его

⁵ Николай Чайковский (1850–1926) – народник, революционер.

⁶ *Короленко В.Г.* Великий пилигрим // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.: Правда, 1953. С. 110.

⁷ *Тверской П.А.* Десять лет в Америке: Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Т. 1. № 1. С. 61.

⁸ *Тверской П.А.* Моя жизнь в Америке // Вестник Европы. 1894. Т. 1. № 1. С. 9–10.

попросили выступить в защиту сокращения рабочего дня, которое обсуждалось в США, на следующий день после его выступления все рабочие города забастовали и добились сокращения рабочего дня до 9 час.

Дементьев быстро почувствовал различие в жизни американской и русской глубинки: в Америке частная инициатива поощрялась властью. С ростом заказов на лесопильном заводе у него возникла проблема перевозки леса, и он проложил железную дорогу длиной 7 миль. Быстро явились грузы и пассажиры, соседние местечки тоже захотели продолжить дорогу. Первой железной дороге в районе штат передавал около 700 тыс. акров земли. Возле станций возникло несколько городов, в том числе, по инициативе Дементьева, Сент-Питерсберг и Одесса⁹. За несколько лет он разбогател. Оставив Флориду из-за жаркого тропического климата, семья переехала в Северную Каролину, но порядки на бывшем рабовладельческом Юге заставили через три года перебраться на Запад, в Калифорнию.

Как бывшего земца Дементьева интересовали в Америке вопросы самоуправления и образования, о чем писал в своих статьях. Он доказывал, что от просвещения народа зависит прогресс всей страны, что оно поможет реформировать всю Россию. Отмечал веру американцев во всемогущество образования. В США с середины XIX в. штаты начали вводить всеобщее начальное образование. Дементьева удивило, что оно было равным для всех слоев населения, в отличие от России, где образование оставалось сословным. Народная школа, полагал он, создавала, несмотря на разницу положения и материальных условий, «дух равенства и взаимного уважения». «Сыновья бедного поденщика-неудачника и богатого банкира или купца ходят в одну и ту же школу в течение пяти, иногда десяти лет, ...растут и развиваются умственно под одними и теми же влияниями, в одной и той же атмосфере, как бы ни были различны условия их домашней жизни»¹⁰.

Многие политические и общественные деятели Америки, такие как А. Линкольн, У. Грант, вышли из простого народа, составляют его частицу. То же равенство и демократизм он наблюдал в просветительских обществах для взрослых, в которых вместе с владельцем фабрики состояли его рабочие.

⁹ *Тверской П.А.* Очерки Северо-Американских Соединенных Штатов. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. С. 140–142.

¹⁰ *Тверской П.А.* Десять лет в Америке: Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Т. 3. № 5. С. 6.

Дементьев считает, что государство обязано заниматься проблемой народного образования, поскольку «народная школа – один из главных источников гражданской жизни страны»¹¹.

Систему американского образования он изучал по школьным отчетам в разных штатах, назвав Массачусетс «идеалом школьного дела в Америке». Там не только введено всеобщее начальное образование, но учебники и пособия выдаются бесплатно¹².

Эти вопросы были актуальны и в России, где они обсуждались, так как шла подготовка к введению всеобщего начального образования. Дементьев отметил важную роль благотворительности в Америке: в Массачусетсе за 1890–1891 гг. подарено три школьных здания, но особенно в этом преуспела Калифорния. Сенатор и крупный железнодорожный магнат Л. Стэнфорд основал университет в Пало-Альто. Пожертвования шли не только на образование, но на музеи, научные учреждения, библиотеки. «Демократичность американского народа, его постоянное стремление к общему равенству, ...чрезвычайно бросается в глаза в Калифорнии», – писал журналист. В 1894 г. штат выделил огромные деньги на образование – 290 тыс. долл.¹³

Сравнение американской и русской систем образования неутихательно. Тверское земство считалось одним из самых либеральных и первым в стране в 1890-е гг. приступило к подготовке реформы, отмечал Дементьев, но «во многих местностях иногда в целом сельском обществе в 400–500 душ не было буквально ни одного грамотного человека». В «мужицком невежестве» он видел «главное зло»¹⁴.

Как предводитель дворянства Дементьев был и председателем уездного училищного совета, который заведовал всем персоналом учителей и учебною частью. «В моих руках вся народная школа», – заметил он, хотя не считал себя компетентным в этом вопросе. Школы в уезде находились только в больших селениях, учителя получали низкое жалованье, жили в холодных квартирах и долго не выдерживали в деревне. Бюджет на народное образование в Весъегонском уезде бедный, и поднять его невозможно, поскольку уезд каждый год заканчивал с дефицитом. Поэтому уровень обучения низкий, большинство учеников уходило после второго года,

¹¹ Там же. Т. 2. № 3. С. 336.

¹² Там же. С. 330, 335.

¹³ *Тверской П.А.* Моя жизнь в Америке // Вестник Европы. 1894. Т. 1. № 1. С. 37, 41.

¹⁴ *Тверской П.А.* Воспоминания старого земца // Вестник Европы. 1903. Т. 5. № 9. С. 177; Т. 6. № 11. С. 236.

в лучшем случае получив грамотность; только половина населения могла стать грамотной. Специально подготовленных народных учителей мало – 20%, да и мужику школа не нужна¹⁵.

Другая важная проблема, на которую часто обращал внимание Дементьев, – местное самоуправление, он призывал поддерживать инициативу на местах. Его коллеги-земцы страдали от контроля и давления власти, отсюда неэффективность их труда, к тому же плохо оплачиваемого.

«Общая черта всех уездных учреждений, очень характерная для всего русского народа, – отсутствие самостоятельности. Уездные учреждения, не исключая земства, не только не избегали, они прямо боялись взять что-либо на свою ответственность. ... Чрезмерная централизация исключала возможность здоровой местной жизни, самостоятельность и самостоятельность уезда и деревни. Соответственно с этим главным рычагом уездной жизни слагались и частные людские отношения и сношения. Общественное дело играло в них только самую последнюю роль»¹⁶.

Дементьев признался, что «все народники 70-х, вроде меня» стали пессимистами, потому что осознали, что их «земские вождения были при существовавших общих условиях одними мечтаниями, без всякой реальной почвы для их осуществления. ... Деревня оставалась сама по себе, они – сами по себе»¹⁷. Как земский деятель он понял, что ничего не может поделать с «мужицким неустройством», когда круглый год шел сбор с крестьян различных платежей (подушные, выкупные), повинности (государственные, земские, страховые, мирские), которые невозможно выплатить¹⁸. Поэтому накапливались недоимки, долги уезда.

Изучив русские деревни, он пришел к выводу, что земские реформы оказались поверхностными и не касались мужика. Община не спасала от малоземелья и бедности. «Община – вредное и опасное орудие в руках сельских дельцов-кулаков». Она задерживала прогресс в сельском хозяйстве. «Русский деревенский мир-община представляет собой крайний предел коллективизма в общественных человеческих отношениях. Индивидуализму в нем совсем нет места, и самая возможность прогресса мужика ограничена соответственно»¹⁹. На основе американских наблюдений Дементьев пришел к заключению о необходимости «дать крестья-

¹⁵ *Тверской П.А.* Воспоминания старого земца. Т. 6. № 11. С. 245–249.

¹⁶ Там же. Т. 5. № 10. С. 672–673.

¹⁷ Там же. Т. 6. № 11. С. 285.

¹⁸ Там же. Т. 5. № 9. С. 177, 181.

¹⁹ Там же. № 10. С. 627–629.

нам свободу действия и передвижения, избавиться от государственных, земских начальников и общинного гнета. ...Уничтожить все бюрократические преграды для «исполнения общественной самостоятельности»²⁰.

В Америке наш соотечественник тоже наблюдал не только радужные картины, особенно в южных штатах. «Юг отстал от Севера на целые полстолетия», – заметил он. Жизнь в Эшвилле, в Северной Каролине, где семья обосновалась, едва ли отличалась от жизни в русском уездном городе. На Юге меньше школ, ниже качество образования и жалование учителей, частные школы доступны только для состоятельных людей. В Северной Каролине 21% неграмотных, самый высокий в стране, близки к ней Южная Каролина, Миссисипи, Луизиана²¹. Его сына, закончившего единственную в городе публичную школу, пришлось отправить на Север для продолжения образования. Университет Северной Каролины не допускал женщин, почти нет университетов, существующих на пожертвования частных лиц. Штаты Юга, по наблюдению Дементьева, много ездившего по региону, напоминают русские бывшие богатые помещичьи губернии с разорившимися усадьбами, с «огромными запущенными плантациями, с большими, роскошными давно заколоченными домами и заглохшими садами»²². Много общего в психологии южных плантаторов и русских захудалых дворян, прежде всего в пренебрежении к бывшим рабам и крепостным, нежелании заняться трудом, предпринимательством²³.

Неприятнь россиянина вызывал расизм. На выборах Дементьев голосовал за республиканцев (для участия в них, за исключением нескольких штатов, гражданство не требовалось), хотя в его графстве Орэнж во Флориде, как и на всем Юге, поддерживали в основном демократов, а большинство негров вовсе не голосовало. В день выборов вооруженные люди дежурили около участков и не пускали черных и республиканцев. Демократы в таких условиях победили, даже в Южной Каролине, где преобладало черное население. Один из южан заявил: «Юг никогда не признает за ними право на голос». Бывшие рабовладельцы, полагал Дементьев, – «точная копия

²⁰ Там же. Т. 3. № 5. С. 314, 316.

²¹ *Тверской П.А.* Моя жизнь в Америке // Вестник Европы. 1894. Т. 1. № 1. С. 21, 26–27; *Он же.* Десять лет в Америке: Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Т. 2. № 3. С. 321.

²² *Тверской П.А.* Моя жизнь в Америке // Вестник Европы. 1894. Т. 1. № 1. С. 23.

²³ Там же. С. 27–28.

русских крепостников», несмотря на то что прошло 25 лет после освобождения рабов. «Весь Юг успел обратиться в деспотически управляемую страну на военном положении»²⁴.

Публикации Дементьева пользовались популярностью в России, читатели узнавали в них подробности о малоизвестной стране. Во время поездки в Россию в декабре 1906 г. в качестве независимого русского и американского журналиста, и специального представителя Associated Press Дементьев беседовал с политическими деятелями, в том числе с П.А. Столыпиным, С.Ю. Витте. Столыпин приветствовал его как старого знакомого, признавшись, что много лет читает его статьи в российских журналах. Согласившись с мнением Столыпина, что община задерживает государственное и экономическое развитие России, Дементьев отметил необходимость также реформы земства, «расширение его полномочий»; что обществу нужно «дать возможность к самостоятельности и участию в государственном управлении»²⁵.

Сравнение Дементьевым двух глубинок оказалось не в пользу отечества, где и в 1917 г. долго обсуждавшийся закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят. Более того, в эпоху контрреформ после убийства императора Александра II права земств были ограничены и усилен государственный контроль над ними.

Идеи Дементьева о важности местного самоуправления и народного образования, конечно, не новы. Еще в начале XIX в. Джефферсон советовал российскому императору Александру I подготовить страну к самоуправлению, «приняв меры для распространения в народе просвещения и сознания своих естественных прав...»²⁶. В «Автобиографии» сторонник сильной местной власти так объяснил ее необходимость: «Если бы указания о том, когда сеять и когда жать, поступали к нам из Вашингтона, то мы вскоре остались бы без хлеба. Именно благодаря последовательному разделению ответственности, нисходящей от общей к частной, можно наилучшим образом обеспечить руководство выполнением массы людских дел для всеобщего блага и процветания»²⁷.

²⁴ *Тверской П.А.* Десять лет в Америке: Из личных воспоминаний // Вестник Европы. 1893. Т. 1. № 2. С. 495–498.

²⁵ *Тверской П.А.* К историческим материалам о покойном П.А. Столыпине // Вестник Европы. 1912. Т. 4. № 4. С. 192.

²⁶ Т. Джефферсон – Д. Пристли, 29 ноября 1802 г. // Россия и США: становление отношений, 1765–1815. М.: Наука, 1980. С. 235.

²⁷ *Джефферсон Т.* Автобиография: Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. С. 78.

Через сто лет П. Кропоткин убеждал В. Ленина развивать инициативу на местах в письме от 4 марта 1920 г.: «Без участия местных сил, без строительства снизу – самих крестьян и рабочих – постройка новой жизни невозможна»²⁸. Он полагал, что «идеал жандармского... сильного государства ...стоит на пути развития местной жизни и местной самостоятельности»²⁹.

В России реформаторы всегда решали вопрос в пользу сильной государственной власти, что объяснил в начале XX в. министр финансов С.Ю. Витте. В анонимной брошюре, изданной в Германии, он заявил о несовместимости самодержавия и местного самоуправления, поскольку при усилении последнего авторитаризм не удержится³⁰.

В сущности, в этом кроется основная причина отличий глубинок двух стран.

Литература

- Бурстин 1993 – *Бурстин Д.* Американцы: Национальный опыт. М.: Прогресс, 1993. 619 с.
- Дмитренко 2022 – *Дмитренко С.* Салтыков (Шедрин). М.: Молодая гвардия, 2022. 506 с.
- Пирумова 1977 – *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. М.: Наука, 1977. 287 с.

References

- Burstin, D. (1993), *Amerikantsy: Natsional'nyi opyt* [Americans. National experience], Progress, Moscow, Russia.
- Dmitrenko, S. (2022), *Saltykov (Shchedrin)* [Saltykov (Shchedrin)], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
- Don-Aminado, P. (1991), *Train on track three*, Moscow, Russia.
- Pirumova, N.M. (1977), *Zemskoe liberal'noe dvizhenie* [Zemstvo liberal movement], Nauka, Moscow, USSR.

²⁸ *Кропоткин П.* Записки революционера. М.: Московский рабочий. 1988. С. 36.

²⁹ Там же.

³⁰ *Витте С.Ю.* Самодержавие и земство. Stuttgart: I.H.W. Dietz nachf., 1901. С. 4.

Информация об авторе

Ирина М. Супоницкая, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 117334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32-А; irina.ms@mtu-net.ru

Information about the author

Irina M. Suponitskaya, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32-A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 117334; irina.ms@mtu-net.ru

Битва за медные рудники Монтаны:
превращение северо-западной окраины
в один из индустриальных центров США

Михаил М. Грузков

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, ml-m-gr@outlook.com*

Аннотация. В работе проанализирована деятельность «медных королей» в Монтане с целью иллюстрации роли американской глубинки в индустриальном развитии США в конце XIX – начале XX в. Будучи одним из наиболее богатых медью регионов страны, Монтана привлекла капитал предпринимателей из Новой Англии и других промышленных регионов США, благодаря чему стоимость акций ведущих компаний возросла. Индустриальное развитие региона спровоцировало исследование новых месторождений, из-за чего между ключевыми владельцами компаний началось противостояние за доминирование в регионе. Политический характер борьбы значительно ослабил финансовое положение двух ключевых игроков – М. Дейли и У. Кларка. Стоимость акций компаний М. Дейли и У. Кларка стала падать, что сделало проникновение новых игроков – Ф. Хайнца и Дж. Рокфеллера – более простым, и противостояние приобрело более ожесточенный характер. Использованные материалы прессы, а также журналистские материалы макрейдера-разоблачителя преступления Standard Oil Т. Лоусона помогли более детально описать механизм финансовых спекуляций, которые производились в Бостоне и которые привели к скупке компаниями Г. Роджерса и Дж. Рокфеллера всех крупных активов штата.

Ключевые слова: Монтана, Рокфеллеры, добыча меди, монополизация, Standard Oil, макрейдеры

Для цитирования: Грузков М.М. Битва за медные рудники Монтаны: превращение северо-западной окраины в один из индустриальных центров США // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 203–212. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-203-212

Copper kings' war in Montana.
The emergence of the northwestern outskirts
of the United States as an industrial center

Mikhail M. Gruzkov

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
ml-m-gr@outlook.com*

Abstract. The author analyzes the activities of the “copper kings” in Montana in order to illustrate the role of the American heartland in the industrial development of the United States at the turn of 20th century. Being one of the most copper-rich regions of the country, Montana attracted the capital of entrepreneurs from New England and other industrial regions of the United States, which increased the share price of leading companies. The industrial development of the region provoked the exploration of new smelters, which led to a confrontation between the key owners of the companies for dominance in the region. The political nature of the struggle has significantly weakened the financial position of two key players – M. Daly and W. Clark. The share price of the companies M. Daly and W. Clark began to fall, which made the penetration of new players F. Heinz and J. Rockefeller simpler, and the confrontation became more violent. The press materials used, as well as the journalistic materials by muckraker T. Lawson helped to describe in more details the mechanism of financial speculation that was carried out, which led to the purchase by the companies of G. Rogers and J. Rockefeller of all the major copper assets of the state.

Keywords: Montana, Rockefeller, copper extraction, monopolization, Standard Oil

For citation: Gruzkov, M.M. (2025), “Copper kings' war in Montana. The emergence of the northwestern outskirts of the United States as an industrial center”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 203–212, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-203-212

«Медные короли» – это сформировавшееся в историографии название группы американских предпринимателей, которые боролись за политическое влияние и за владение медными рудниками в штате Монтана на рубеже XIX–XX вв. Данное противостояние активно освещалось в американской прессе, в том числе в *New York Times*, а также в местных газетах штатов [Glasscock 1935]. Противостояние медных королей не имело исключительно экономическую основу. Во многом борьба развернулась и за политическое влияние в Монтане. Битвы представляли из себя самовольные

захваты рудников, а также судебные дела по вопросам добычи и постройки железных дорог и ответвлений от них. Основные действия происходили в залах суда, где предприниматели предъявляли друг другу различные требования и претензии. Данный сюжет являлся еще одной частью, формировавшей представления о деятельности компании Рокфеллера и о монополизации индустрии не только в области нефтедобычи, но и в области добычи полезных ископаемых в целом. Война «медных королей» расширяла представление о преступлениях Standard Oil и, с точки зрения журналиста-расследователя Томаса Лоусона, являлась основным фактором формирования «Системы», поглощения предприятий этим индустриальным гигантом семейства Рокфеллеров. Во многом именно война «медных королей» повлияла на процесс урбанизации главного города Монтаны – Бьютта [Glasscock 1935].

Битва «медных королей» также являлась битвой за умы населения Монтаны и соседних штатов. Противостоящие лагеря выпускали газеты, в которых так или иначе разоблачали деятельность друг друга, пытаясь переманить жителей на свою сторону. Однако помимо их доверия каждая из сторон пыталась заполучить средства вкладчиков. Ради этой цели были выпущены сотни акций компаний, специализировавшихся на добыче меди, что превратило Монтану в поле для противостояния различных предпринимательских кланов со своими целями и задачами.

В данной статье проанализированы основные факты и обстоятельства, которые показывают особенности экономического развития штата Монтана и какую роль в экономическом развитии штата Монтана сыграли войны «медных королей», где к 1906 г. установилось абсолютное доминирование компаний Дж. Рокфеллера. Основное внимание в статье будет уделено экономической деятельности старейших владельцев медных месторождений Монтаны – Маркуса Дейли и Уильяма Кларка, представителю молодого поколения предпринимателей штата – Францу Хайнцу и представителям компании Standard Oil – Генри Роджерсу и журналисту, разоблачителю экономических преступлений семейства Рокфеллеров Томасу Лоусону.

Освоение рудников Монтаны началось сразу после окончания Гражданской войны. В 1864 г. в штат прибыл предприниматель Уильям Кларк, который вложил средства в добычу меди. В 1876 г. в Монтану приехал Маркус Дейли, который был представителем компании Walker Walker Brothers и приехал в Монтану, чтобы исследовать рудник Alice и впоследствии выкупить его у братьев Уолкеров. Появление в Монтане предпринимателей, которые готовы были вложить свои финансы в развитие промышленности

штата, было крайне желательно, поскольку с вложением капитала в добычу меди параллельно с освоением рудников шло также заселение штата, что продолжало продвижение фронта на запад. Появление Маркуса Дейли, например, было крайне тепло встречено в прессе штата Монтана¹. Город, в котором располагалась шахта, назывался Уолкервилль и начал активно разрастаться в 1870-х гг. В прессе Уолкервилль представлялся как активно развивавшийся город, который за несколько недель преобразился от «пустыни» до «места, где активно звучат молотки»². Уолкервилль стал одним из конкурентных мест, куда стягивался большой ресурс из станков и машин. Общий вес техники составил 120 тыс. футов. На протяжении многих лет в газетах можно найти отчеты по грузоперевозкам в Уолкервилль, что говорит о постепенном наращивании мощностей производства³.

Ситуация изменилась в 1880 г., когда М. Дейли расторг договор с Walker Co. и купил на собственные деньги скважину Anaconda, которая была богата медью. С 1881 г. начинается проникновение железной дороги в Бьютт, что во многом ускорило процесс индустриализации Монтаны и усиление компании Anaconda Mining Co⁴. Так, на протяжении 1880-х гг. Монтана становится одним из центров индустриального развития в глубине страны.

Похожая судьба была и У. Кларка, который приехал в Монтану, осваивая медные месторождения, активно богател и к началу 1870-х гг. стал одним из влиятельнейших людей Монтаны, что впоследствии позволило ему претендовать на политическую карьеру.

Основным инструментом продвижения интересов была пресса. Так, под контролем Маркуса Дейли была газета “The Anaconda Review”, которая восхваляла деятельность М. Дейли и агитировала

¹ The new North-West. [volume] (Deer Lodge, Mont.). 1876. 25 Aug. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20170509114153/http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84038125/1876-08-25/ed-1/seq-3.pdf> (дата обращения 06.07.2024).

² Helena weekly herald. [volume] (Helena, Mont.). 1877. 18 Oct. P. 4. URL: <https://web.archive.org/web/20151128012435/http://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84036143/1877-10-18/ed-1/seq-4/thumbnaill.jpg> (дата обращения 03.07.2024).

³ The new North-West...

⁴ The weekly miner. [volume] (Butte, Mont.). 1881. 6 Sept. P. 4. URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ndnp/mthi/batch_mthi_jewelwing_ver01/data/sn84036032/0029586056A/1881090601/0943.pdf (дата обращения 03.07.2024).

жителей вкладывать финансы в его компании. Под контролем У. Кларка была газета “The Butte Miner”, которая была перекуплена Кларком и которая впоследствии атаковала Дейли и его компанию. “The Anaconda Review” вышла в свет в 1889 г., в газете в основном печатались актуальные новости, связанные с жизнью Бьютта, и особое место занимали деловые новости, где указывались стоимости акций ведущих компаний. Газета отчасти была политической, в ней публиковались списки выборных кандидатов от демократов, которые в 1889 г. выступали за предоставление экономических прав и свобод фермерам и промышленникам, которые, выходя на свободный рынок, получали средства для осуществления своей экономической деятельности. Платформа партии провозглашала, что партия демократов будет бороться с бюрократией выборов. В этом Кларк и Дейли видели свою цель в своих политических кампаниях, будучи союзниками по партии. Борьба приобрела политический характер⁵.

Острая фаза схватки приходится на 1893 г., когда У. Кларк баллотировался на выборы в Сенат от штата Монтана. Важно понимать, что его политическим оппонентом на предыдущих выборах был Уилбур Сандерс, который избирался в 1889 г., когда Монтана только вступила в Союз. Сандерс был юристом и историком, который отстаивал права и свободы национальных меньшинств, имеющих свой бизнес в стране [Bakken, Kindell 2006, pp. 541–542]. Кларк же – представитель бизнеса в Монтане, для которого приоритетом был поиск экономических рычагов давления на конкурентов и активизация его производства. После отставки Сандерса у Кларка появилась возможность попасть в Сенат, однако свою кампанию против него начал М. Дейли. В его газете на протяжении всего 1893 г. выходили провокационные статьи о деятельности Кларка: для Дейли главной целью было создать Кларку как можно более сложные условия для избрания ввиду отсутствия поддержки со стороны представителей Демократической и Республиканской партий в Монтане⁶.

Приход Кларка, по мнению партии демократов, был невозможен, поскольку Кларк увяз во взятках, что делало его репутацию

⁵ The Anaconda standard. [volume] (Anaconda, Mont.). 1889. 19 Sept. P. 3. URL: <https://web.archive.org/web/20151127155303/http://chronicling.america.loc.gov/lccn/sn84036012/1889-09-19/ed-1/seq-3/> (дата обращения 29.06.2024).

⁶ The Anaconda standard. [volume] (Anaconda, Mont.). 1893. 14 Feb. P. 2. URL: https://tile.loc.gov/storage-services/service/ndnp/mthi/batch_mthi_elk_ver01/data/sn84036012/0029455032a/1893021401/1309.pdf (дата обращения 29.06.2024).

крайне сомнительной. Для партии такой человек не являлся авторитетом, который сможет работать в Сенате, представляя штат⁷. Во многом на такое восприятие деятельности Кларка повлияла информационная кампания М. Дейли, который объединился с популистами для устранения конкурента. Политическая карьера Кларка сопровождалась коррупционными скандалами, что привело к конфронтации внутри Демократической партии. Кларк же, в свою очередь, также обвинял Дейли во взяточничестве. Несмотря на все эти обстоятельства, Кларк не получил трех голосов до избрания, что привело к ситуации, когда от штата Монтана не был выбран представитель, что впоследствии только ожесточило борьбу [Joralemon 1934, p. 79].

Начиная с 1894 г. в борьбу за влияние в Монтане вступил молодой предприниматель из Нью-Йорка – Фредерик Хайнц. Он был сыном состоятельных переселенцев из Ирландии, отлично владел иностранными языками и в 1889 г. получил наследство в размере 50 тыс. долл. В 1889 г., в возрасте 19 лет, он впервые приехал в Монтану для поиска работы. Он устроился в Boston & Montana Mining Co. (буд. Boston & Butte Mining Co.). Однако через год Хайнц уехал в Нью-Йорк, где стал работать в редакции журнала “Engineering and Mining Journal”. В 1891 г. он выкупил акции на рудник Estella, в котором были обнаружены значительные запасы меди, благодаря чему Хайнц вложил свои средства в ее функционирование и стал получать доходы⁸. Важно отметить, что деятельность Кларка и Дейли в основном была завязана на получение места в Конгрессе, в то время как Август Фредерик Хайнц скупал акции и развивал свои месторождения [La Grande 1971, p. 8]. Такой подход был крайне результативен для Хайнца, так как имевшийся у него опыт работы под землей в шахте формировал представление о количествах запасов полезных ископаемых, что отличало его от многих конкурентов.

Ситуация также осложнилась тем, что в 1893 г. в США начался экономический кризис, причиной которого стали многочисленные финансовые махинации на бирже. Акции компаний значительно упали в цене, при этом Маркусу Дейли и его компании необходимо было заключать соглашения по вопросу сотрудничества с железной дорогой Northern Pacific Railroads, которая связывала Монтану с другими западными штатами. Финансовая паника на рынке была крайне выгодна для строителей дороги и для про-

⁷ Ibid.

⁸ Dictionary of American biography. Vol. 8: Grinnell to Hibbard / ed. by D. Malone. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1935. P. 507–508.

мышленников, устанавливавших тарифы на перевозки, которыми ранее спекулировали Рокфеллеры [Согрин 2001, с. 198]. Строительство же самой дороги представлялось необходимой мерой для Монтаны, поскольку производства штата требовали оперативной транспортировки добытого материала между цехами и городами [White 1988, p. 14].

Компания Ф. Хайнца Montana Ore Purchasing Co. для повышения объемов добычи своей шахты расширила свою скважину, границы которой заходили на собственность компании Boston & Butte Co., которая находилась под влиянием М. Дейли. Компания обвинила Хайнца в хищении ее собственности.

В это же время начались судебные разбирательства по поводу конфликта Хайнца и Boston & Butte Co., которые осложнились финансовыми проблемами компании. Для улучшения ситуации учредители Boston & Montana Co. стали сотрудничать со Standard Oil, которая к тому моменту постепенно скупала акции бостонских компаний в Монтане. Ситуация изменилась, когда в 1899 г. путем слияния нескольких компаний под руководством М. Дейли появилась Amalgamated Miner Co., с которой уже сотрудничал брокер, финансист и журналист Т. Лоусон. Противостояние с Ф. Хайнцем продолжалось.

Влияние на публику удавалось завоевать за счет покупки различных газет Монтаны, которые в 1890-х гг. испытывали финансовые трудности, и они могли добровольно согласиться на выпуск определенного материала, который дискредитировал политических оппонентов. В период 1899–1901 гг. компаньоны М. Дейли начали расследования преступлений Кларка в подкупе выборщиков. Это породило ряд судебных дел, однако в 1900 г. М. Дейли умер, что дало повод Standard Oil усилить свой контроль над активами Amalgamated Mining Co., что, в свою очередь, вывело противостояние Ф. Хайнца и Г. Роджерса на новый уровень [La Grande 1971]. Так, Standard Oil смогли сконцентрировать все ресурсы М. Дейли на борьбе с Ф. Хайнцем, практически не беря во внимание интересы У. Кларка.

Генри Роджерс предложил сотрудничество успешному финансисту и в будущем автору разоблачительных статей о работе Standard Oil Томасу Лоусону. Г. Роджерс и Дж. Рокфеллер рассчитывали, что Томас Лоусон сможет мотивировать людей покупать акции Standard Oil, что позволяло компании расширять свое экономическое влияние. Лоусон отдельно подчеркивал, что никакого отношения к системе заработка Рокфеллера не имел и наравне со всеми вкладчиками был обманут влиятельнейшей семьей. Однако он отмечал, что его основная цель не обманывать вкладчиков

и давать им максимально выгодные предложения по финансовым операциям на бирже⁹.

Его план заключался в сближении Standard Oil с бостонскими компаниями по добыче меди в Монтане, которые находились под контролем М. Дейли и были на грани банкротства в Монтане. На момент прихода Т. Лоусона в штат стоимость акций Butte & Boston Co. варьировалась от 25 до 30 долл. за акцию, однако из-за продолжавшихся судебных разбирательств цены были нестабильны и могли достигать отметок в 10 и даже 2 долл. Лоусон внимательно следил за акциями компаний на бостонской бирже и принял решение вложить средства компании в медную промышленность, когда цена на акции Butte & Boston Co. составляла 2,75 долл. за акцию. Однако Лоусон понимал, что «Система» Standard Oil могла уничтожить меднодобывающие компании, поскольку вместо дивидендов вкладчики получали бы акции и фьючерсы других компаний Standard Oil. Поэтому, выкупая 46 тыс. акций Boston & Butte Co., Т. Лоусон вкладывал свои личные средства в покупку акций, что в значительной степени повышало доверие к данной спекуляции и позволяло компании положиться на капитал из Бостона¹⁰.

Т. Лоусон рассчитывал на сговорчивость местных акционеров, которые поверят в благородство действий брокера и поддержат его начинание. Однако действия Лоусона рассматривались как провокация со стороны Standard Oil, в связи с чем Лоусон, работавший на Рокфеллеров, в глазах акционеров стремился захватить полностью рынок и взвинтить цены до 130 долл. за акцию. Такой сигнал был виден в сообщении Лоусона, что он будет держать акции бостонской компании до тех пор, пока они не вырастут в стоимости до 50 долл. за акцию¹¹. Таким образом, он брал все возможные риски на себя и рисковал собственным бюджетом, имея долю бюджета Роджерса.

Газеты Монтаны и Бостона писали, что выходцы из Новой Англии стремились заполучить контроль над активами Монтаны, поскольку цели, обозначенные Лоусоном, нереалистичны, так как поднять стоимость акций до 50 долл. за акцию было весьма проблематично во многом из-за политических разногласий. В качестве своего оружия Лоусон планировал использовать для продвижения своих акций рекламные бюллетени, которые включались в газеты Монтаны. К 1899 г. Лоусону удалось добиться признания публики,

⁹ *Lawson Th.W. Frenzied finance, the crime of amalgamated.* N.Y.: The Ridgway-Thayer Company, 1905. P. 39–40.

¹⁰ *Ibid.* P. 24–25.

¹¹ *Ibid.* P. 30–31.

которое выразилось в росте цен акций бостонской компании по добыче меди практически в пять раз. Незадолго до появления Amalgamated Co. цена за одну акцию Boston & Butte Co. достигала 115 долл.

Планы Лоусона представлялись Роджерсу и Рокфеллеру чрезмерно амбициозными, так как Лоусон к 1898 г. привлек слишком много внимания общественности, из-за чего цена на Boston & Butte Mining Co. была крайне нестабильна, в то время как в интересах Рокфеллера было сохранение низких цен акций Boston & Butte Co. В этих условиях Роджерс и Рокфеллер нарушили договоренности с Лоусоном и вместе с представителями компаний бостонских предпринимателей в Монтане создали объединенный трест Amalgamated Mining Co., основу которого составляло производство М. Дейли и его производства на скважине Anaconda. Такое действие партнеров было очень болезненно воспринято Лоусоном, который впоследствии заявил в своем расследовании преступлений семейства Рокфеллеров Frenzier Finance, что он – жертва обмана «Системы» Роджерса, главная цель которой – консолидировать все возможные ресурсные активы страны до полного доминирования в индустриальном секторе экономики. Обман же, по выражению Лоусона, заключался в том факте, что Standard Oil не дала брокеру завершить начатую им операцию по перекупке акций бостонской компании, вследствие чего он потерял более 300 тыс. долл. Консолидировав все подконтрольные меднодобывающие компании, Standard Oil дала сигнал управляемым ею банкам и инвесторам, которые начали приобретать акции Amalgamated Co, в то время как сторонние вкладчики получали фьючерсы или векселя вместо дивидендов¹².

Таким образом, Ф. Хайнц остался один на один с могущественной системой семейства Рокфеллеров, которая захватила большую часть активов «медных королей» в Монтане. Так, переход контрольного пакета акций Montana Ore Purchasing Co. оставался лишь вопросом времени, что и произошло в 1906 г., сделав компанию Standard Oil абсолютным доминионом в Монтане.

Литература

- Согрин 2001 – *Согрин В.В.* Политическая история США XVII–XX вв. М.: Весь мир, 2001. 400 с.
- Glasscock 1935 – *Glasscock C.B.* The war of the Copper Kings. Builders of Butte and Wolves of Wall Street. N.Y.: Grosset and Dunlap, 1935. 304 p.

¹² Ibid. P. 11–12.

- Joralemon 1934 – *Joralemon I.B.* Romantic copper. Its lure and lore. N.Y.: Appleton-Century Co., 1934. 294 p.
- La Grande 1971 – *La Grande D.J.* Voice of a copper king. A study of the (Butte) Reveille 1903–1906. Master of Arts Thesis. Butte: The University of Montana, 1971. 233 p.
- White 1988 – *White W.T.* Commonwealth or colony? Montana and the railroads in the first decade of statehood // *Montana: The Magazine of Western History*. 1988. No. 4 (38). P. 12–23.

References

- Glasscock, C.B. (1935), *The War of the Copper Kings. Builders of Butte and Wolves of Wall Street*, Grosset and Dunlap, New York, USA.
- Joralemon, I.B. (1934), *Romantic copper. Its lure and lore*, Appleton-Century Co., New York, USA.
- La Grande, D.J. (1971), *Voice of a copper king. A study of the (Butte) Reveille 1903–1906*. Master of Arts Thesis, The University of Montana, Butte, USA.
- Sogrin, V.V. (2001), *Politicheskaya istoriya SSHA XVII–XX vv.* [Political history of the USA 17th – 20th centuries], Ves Mir, Moscow, Russia.
- White, W.T. (1988), “Commonwealth or colony? Montana and the railroads in the first decade of statehood”, *Montana: The Magazine of Western History*, vol. 38, no. 4, pp. 12–23.

Информация об авторе

Михаил М. Грузков, магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; ml-m-gr@outlook.com

Information about the author

Mikhail M. Gruzkov, master's student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; ml-m-gr@outlook.com

К 100-летию юбилею киностудии Уолта Диснея

УДК 791.228(73)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-213-225

Волшебная сказка и волшебство мультипликации

Мария В. Маркова

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,
maria.ifj097@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается контекст создания первого полнометражного анимационного фильма киностудии Уолта Диснея – «Белоснежка и семь гномов» (1937) – и приводится гипотеза о том, что успех диснеевских экранизаций европейских сказок связан в том числе с типологическим сходством технологии мультипликации и поэтики народной сказки. На примере «Белоснежки» проанализировано, каким образом цветной фильм, представляющий плоское и яркое изображение, одновременно универсально понятное и отвечающее на запросы эпохи Великой депрессии, стал эталонной экранизацией сказки и лег в основу американского переосмысления европейского сказочного материала. Черты европейской сказки, выделенные М. Люти (в особенности одномерность, отсутствие глубины и абстрактный стиль), рассматриваются в соотношении с их анимационной репрезентацией в диснеевских мультфильмах. Отсутствие удивления персонажей при встрече с волшебными существами (при тщательной проработке волшебных эпизодов с целью удивить зрителя – но не героя), внимание к внешнему, а не к внутреннему (т. е. репрезентация характера и чувств героев через предметы или понятные поступки), а также акцент на ярких цветах и четких силуэтах – все это определило популярность мультипликационной версии сказки и обеспечило ее «канонизацию» как в контексте американской сказочной традиции, так и в контексте американского кинематографа.

Ключевые слова: волшебные сказки, американский кинематограф, Великая депрессия, мультипликация, Уолт Дисней, Белоснежка, Макс Люти

© Маркова М.В., 2025

Для цитирования: Маркова М.В. Волшебная сказка и волшебство мультипликации // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 213–225. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-213-225

The wonder tale and the wonder of animation

Maria V. Markova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia,
maria.ifi097@gmail.com*

Abstract. This paper examines the context of creation of the first full-length animated film by Walt Disney – *Snow White and the Seven Dwarfs* (1937) – and suggests a hypothesis that the reason behind the success of Disney adaptations of European fairy tales may be found, among other things, in the typological similarity between the animation technology and the poetics of folk tales. Using *Snow White* as an example we will analyze the way in which color film, a flat and bright image, universally understandable and at the same time responding to the specific demands of the Great Depression era, became the reference fairy tale film adaptation and formed the basis of the American reinterpretation of European fairy tale material. The features of the European fairy tale highlighted by M. Lüthi (especially its one-dimensionality, depthlessness and abstract style) are considered in relation to their animated representation in Disney animated movies. The lack of surprise when characters meet magical creatures (even though magical episodes are carefully created in order to surprise the viewer – but not the hero), attention to the outside rather than the inside (i.e., representation of characters' personal attitude and feelings through objects or easily understandable actions), as well as an emphasis on bright colors and clear silhouettes – all this determined the popularity of the animated versions of the fairy tales and ensured their “canonization” both in the context of the American fairy tale tradition and in the context of American cinema.

Keywords: fairy tales, American cinema, the Great Depression, animation, Walt Disney, Snow White, Max Lüthi

For citation: Markova, M.V. (2025), “The wonder tale and the wonder of animation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 213–225, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-213-225

Как существует волшебная сказка в США? Когда мы думаем о сказках, в голову приходят исключительно сюжеты, известные по европейским версиям: «Золушка», «Красавица и Чудовище», «Белоснежка», «Русалочка». Но очень часто эти сказки всплывают в нашем сознании в виде кадров из диснеевских мультфильмов: вот Золушка моет пол и отражается в мыльных пузырях, вот Белль спускается по лестнице в прекрасном золотом платье, вот Белоснежка с короткими черными кудрями поет у колодца, вот Ариэль пытается причесаться вилкой. Уолт Дисней и его киностудия создали современный канон волшебной сказки – как сюжетный, так и визуальный, – и эта американская мечта, выросшая из европейского материала, заслуживает отдельного рассмотрения. Теперь, через сто лет после создания студии, мы можем с относительной уверенностью судить о вкладе, который Дисней внес в американскую и мировую культуру.

К XX в. волшебные сказки окончательно утратили интерес для взрослых (Толкин сравнивал их с облезлой и старомодной мебелью в детской, которую переставили туда лишь потому, что в парадных комнатах она больше не нужна [Tolkien 1994, pp. 143–144]) и перешли в поле воспитательной детской литературы. Отдельные писатели иногда обращались к жанру, но эти сказки были написаны на оригинальные сюжеты и почти ничего общего не имели с поэтикой народной и литературной сказки. Но в 30-е гг. самые известные сказочные сюжеты обрели новую жизнь благодаря деятельности киностудии «Дисней», и с этого момента современное бытование и восприятие жанра определяет американская культура.

Объяснить этот интерес Америки к европейским сказкам помогает представление, сформулированное Дж. Кавелти: «Эволюция и замена формулы – это процесс включения в устоявшиеся структуры воображения новых интересов и ценностей. Особое значение приобретает этот процесс в плюралистических, лишенных непрерывной преемственности культурах, таких как современные индустриальные общества. Поэтому в таких обществах и процветают литературные формулы» [Кавелти 1996, с. 62], они обеспечивают «непрерывность в культуре», которую невозможно обрести никаким другим способом.

В контексте американской литературы особенно заметно это отсутствие непрерывности. Волшебная сказка в силу особенностей американской истории часто воспринималась как атрибут Старого Света, не прижившийся на американской почве. Однако в предисловии к сборнику американских сказок «Золушка в Америке» (2007) У.Б. Маккарти утверждает, что сказочная традиция в США насчитывает пятьсот лет и обусловлена региональной природой

американской культуры, в контексте которой исконно европейские сказки, вобравшие в себя «опыт иммигрантов» [McCarthy 2007, p. 13], подстроились под новые условия бытования и превратились в истории о переселенцах, лесорубах и дельцах. Американское обращение к традиции Старого Света, таким образом, обусловлено исторически.

По мнению С.Дж. Броннера, уже в своей первой полнометражной экранизации сказки, в «Белоснежке и семи гномах» (“Snow White and the Seven Dwarfs”, 1937), Уолт Дисней создал «волшебную сказку, которую он назовет своей – и американской» [Bronner 1998, p. 207], сказку, которая казалась «народной», хотя отсылки к немецкой традиции отсутствовали. Критики того времени сразу же отметили, что сказка братьев Гримм стала американской, а мультфильм Диснея стал новым «американским изобретением для всего мира»: действительно, сразу после премьеры фильм «перевели на десять языков и показали в сорока шести странах» [Bronner 1998, p. 209]. Новейшие американские технологии 30-х гг., использованные Диснеем, были восприняты как новый виток фольклорного бытования и новый способ передачи сказочного сюжета: «Подобно тому, как народные сказки когда-то передавались из племени в племя и от народа к народу, так что почти все имели свою версию “Золушки” или “Аладдина”, у нас могут быть народные фильмы» [Bronner 1998, p. 210].

Сам же Уолт Дисней стал «американским Гриммом», который «не только адаптирует, но и создает народные сказки» [Bronner 1998, p. 210]. Так, «Белоснежка», выпущенная в эпоху после Великой депрессии, помогла оживить поблекнувшее представление об американской мечте. Как пишет Т. Моллет, в этом мультфильме Дисней показал, что награду получают скромные и трудолюбивые – не только сама Белоснежка, но и «простые американцы» – гномы, которые в его версии, в отличие от оригинала братьев Гримм, стали истинными героями истории [Mollet 2013, p. 118]. Кроме того, центральную роль здесь играет природа, изображенная в отчетливо пасторальном духе (чего также не было в сказке-источнике). В Америке 30-х гг., когда «городские банки подвели нацию», стремление к «джефферсоновскому возвращению к земле» [Mollet 2013, p. 120] проявилось во многих фильмах эпохи.

В XX–XXI вв. влияние диснеевских версий сказок на восприятие жанра стало преобладающим и создало национальную «сказочную» традицию (К. Баккилега даже пишет о триаде «Перро – братья Гримм – Дисней» [Bacchilega 2013, p. 27]). И, как кажется, важность Диснея определяется не только тем, что он создал новый фольклор, укорененный в американской истории и культуре

и с восторгом принятый всем миром, но и тем, что он придал классическим сказкам запоминающуюся визуальную форму – при помощи технических возможностей американского кинематографа.

На этом аспекте хотелось бы остановиться подробнее. При всем обилии исследований творчества Диснея и обилии трактовок его фильмов, сравнительно мало говорится о технической стороне его творчества, а точнее – о том, насколько адекватным, органичным и типологически схожим оказалось в его случае сочетание формы и содержания. Имеется в виду сказка как содержание главных и самых известных диснеевских мультфильмов – и мультипликация как техника, воплотившая ее в жизнь. Представляется, что волшебная сказка оказалась идеальным материалом для Уолта Диснея, который в конце 30-х гг. XX в. решил представить публике рисованный, цветной, музыкальный фильм (мюзиклы – еще один эскапистский жанр американского кинематографа того времени). Сама природа мультипликации очень органична для воплощения сказки – она позволяет самым буквальным образом подчеркнуть «плоскую» природу самой сказки (как жанра и как формы), при этом оставляя и место для любых менее вневременных, более актуальных элементов.

Тем не менее ученые – например, Дж. Зайпс – постоянно обвиняют Уолта Диснея в том, что он уничтожил «оригинальность» народной сказки, легшей в основу фильма, и превратил ее в машину для исполнения желаний среднего класса [Zipes 1995]. Другие – скажем, Моллет – защищают его от этой критики, утверждая, что, во-первых, не существует никакой «оригинальной» народной сказки. Моллет указывает, что сказочные сюжеты пересказывались и перепересказывались долгие сотни лет, и определить степень оригинальности той или иной версии не представляется возможным. Во-вторых, Моллет утверждает, что диснеевская «Белоснежка» отчетливо обращается к важнейшей проблеме собственного времени – Великой депрессии. В то время как американцы погружались в мечты о светской жизни или головокружительных приключениях, дающие им возможность кратковременного побега от тоскливой и беспросветной реальности, Дисней показал им привлекательную, но вместе с тем и похожую на них самих героиню, которая не боится тяжелой работы и продолжает надеяться на лучшее.

Согласно данным, собранным Р. Скларом и Моллет, «в самые темные дни Депрессии каждую неделю в кино ходило в среднем 60–75 млн человек» [Sklar 1994; Mollet 2013, p. 112]; к 1939 г. это количество увеличилось до 85 млн. Не знаю, нужны ли еще какие-то доказательства силы и популярности кинематографа в то время. Кинотеатр был буквально самым безопасным местом:

там было достаточно тепло, там можно было дешево перекусить – и при этом погрузиться в эскапистский мир фантазий. Американцы того времени «жаждали избавления от своих черно-белых жизней, заполненных безработицей, голодом и отчаянием, и надеялись <через экраны кинотеатров> сбежать в красочную утопию» [Mollet 2013, p. 112].

«Красочная» – это, конечно, в данном случае просто метафора. В то время было еще очень мало цветных фильмов; знаменитый переход от сепии к цвету в «Волшебнике страны Оз» произойдет только через два года, в 1939-м. Но Дисней реализовал эту метафору – как указывает Моллет, он первым в Голливуде использовал «Техниколор» в анимации [Mollet 2013, p. 122] и тем самым подарил своим зрителям то самое фантастическое бегство от реальности, на которое они надеялись. Поэтому можно говорить о том, что первый полнометражный диснеевский мультфильм действительно воплотил мечту – причем даже двумя способами. «Белоснежка» буквально «расцветила» американский кинематографический пейзаж эпохи Депрессии и одновременно с этим представила волшебную сказку в наиболее органичной для нее форме.

Швейцарский ученый Макс Люти выделил пять черт, характеризующих европейскую народную сказку: это одномерность, отсутствие глубины, абстрактный стиль, изолированность и универсальная взаимосвязанность, а также сублимация и всеохватность (или даже всевключенность) [Lüthi 1986]. В контексте мультипликации нам важнее первые три категории. Насколько мне известно, никто никогда не обращал внимания на тот факт, что эти черты – или хотя бы некоторые из них – абсолютно сообразны техническим характеристикам ранней мультипликации. Именно на этом аспекте кажется важным сосредоточиться.

Следует оговорить, что, хотя триумфальный взлет анимационной волшебной сказки пришелся на время Великой депрессии, возникшая тогда выигрышная комбинация сюжетного материала и плоской, цветной, нарочито простой формы является определяющей и для диснеевских мультфильмов более позднего времени – следовательно, к примерам из них я также буду обращаться, чтобы продемонстрировать общий механизм этого взаимодействия. Надо также сказать, что черты сказки по Люти, на которые мы будем ориентироваться, хотя и были сформулированы позже, чем Дисней создал свою первую анимационную сказку, представляются одним из важнейших взглядов на природу народной европейской сказки в принципе – природу, которую, по всей видимости, Дисней уловил.

Будет нелишним заметить, что, когда Люти говорит о народной сказке, на самом деле он имеет в виду волшебную сказку, древнюю

(«изначальную») форму которой мы можем реконструировать по существующим версиям – большей частью, конечно, литературным, как в случае сказок братьев Гримм. Ведь даже в салонных французских сказках конца XVII в. мы легко можем различить фольклорную основу (подробнее см. [Гистер 2015]), украшенную для определенной риторической ситуации. Для наших же целей (как и для целей студии «Дисней») нет никакой разницы между «Белоснежкой» братьев Гримм, которая более или менее близка к своим народным истокам, и «Красавицей и Чудовищем» мадам де Бомон – отчетливым продуктом эпохи Просвещения.

Итак, по Люти, «одномерность» сказки относится к пространству сказки и заключается в неразличении мира людей и потустороннего, волшебного мира. Герой встречает ведьм, фей, говорящих животных, танцующие звезды, поющую траву – но не видит разницы между собой и ими и не испытывает ни удивления, ни сомнений, ни страха. Как остроумно замечает Люти, «<г>ерой народной сказки действует, и у нет ни времени, ни необходимого склада характера, чтобы интересоваться тайнами окружающего его мира»; у него нет «чувства необычного» [Lüthi 1986, p. 7]. Так, Золушка не удивляется появлению феи-крестной и не задумывается о механике превращения тыквы в карету.

Это, возможно, не самая заметная черта диснеевских мультфильмов – главным образом потому, что изумление и восхищение зрителя были заданы изначально: он должен был быть заморожен тем, что увидит на экране. Поэтому моменты «чистого» волшебства должны были быть максимально выделены, максимально подчеркнуты. Можно вспомнить мрачный эпизод колдовства Злой Королевы в «Белоснежке», или то, как постепенно засыпает и утрачивает краски замок Спящей Красавицы, или превращение обрывков платья Золушки в бальный наряд, или снятие проклятия с замка Чудовища. Важно, что почти во всех этих случаях реакция героя не видна зрителю – чудо демонстрируется *ему* и рассчитано на то, чтобы вызвать *его* восторг. А когда, к примеру, Золушка созерцает превращение своего платья, мы видим ее изумление – но оно отражает наше собственное, так что оценить меру удивления и радости самой героини невозможно. Тем не менее ни во время появления феи в этом мультфильме, ни во время встречи принца Филиппа с крестными принцессы Авроры в «Спящей Красавице» герои не слишком изумлены – сверхъестественные силы, магия и волшебные существа являются органичной частью их мира.

В народной сказке, по мнению Люти, ничего не описывается, только называется – в традициях «истинной эпической техники» [Lüthi 1986, p. 25]. Поэтому вторая черта волшебной сказки – это

отсутствие глубины. Эта категория отчасти напоминает категорию одномерности, но речь идет уже не о восприятии бытового и волшебного пространства, а о самом герое сказки. Он сам является двухмерной фигурой – у него «нет внутренней жизни, нет окружения, нет отношений с прошлыми или будущими поколениями и даже с временем» [Lüthi 1986, p. 37]. Народная сказка «вытягивает всю трехмерность из предметов и феноменов и показывает их нам в виде плоских фигур и событий на ярко освещенной поверхности» [Lüthi 1986, p. 23].

Так, в сказке характеристики персонажей даются посредством их действий. Герой не назван смелым – мы просто видим, как он сражается с драконом; он не назван добрым – но мы видим, как он спасает лису или муравья. Отношения героев выведены исключительно в область внешнего – например, герои обмениваются подарками, и по ним мы можем судить о том, как они относятся друг к другу; духовная или психологическая дистанция показана исключительно через физическое расставание героев (девушка стаптывает железные башмаки, пока ищет возлюбленного – и так мы можем судить и о тяготах пути, и о прошедшем времени, и о ее печали и тоске). Психологические страдания обозначаются – или подменяются – физическими: в «Рапунцель» мы не читаем о том, как принц страдает от разбитого сердца, вместо этого мы «видим», как ведьма выбрасывает его из окна, и он теряет зрение. Но даже физические страдания героями не очень ощущаются – они лишь бесстрастно констатируются.

Принцип «показывай, а не рассказывай» – это, конечно, основной принцип кинематографа вообще, не только анимации. Но анимация, «оживляющая» сказку, может использовать эту общую черту максимально удачно. Одна картинка – и мы понимаем, что представляет собой герой, что его окружает. Вспомним сцену из «Белоснежки», в которой героиня печет пирог для гномов, и ей помогают ее новые лесные друзья: мы сразу понимаем, что она не только добра и приветлива, но и что она любит заниматься домашними делами. Напротив, сцена побега фей-крестных из замка Спящей Красавицы: их крошечный размер, резко противопоставленный огромному замку и мрачному миру, сразу передает нам ощущение того, в какой опасности находится новорожденная принцесса.

Отсутствие глубины, присущее народной сказке, приводит и к формированию особого «абстрактного стиля». И, на мой взгляд, с мультипликационной точки зрения именно эта категория оказывается самой важной. Присущая сказке динамичность не оставляет в повествовании места для длинных описаний, поэтому упомина-

ется лишь то, что важно для стремительного развития сказочного сюжета: «Народная сказка являет чистое действие и предшествует подробному описанию. <...> Леса, родники, замки, домики <...> упоминаются только в том случае, если от них зависит развитие сюжета – они не служат для того, чтобы описать место действия» [Lüthi 1986, p. 38]. И если даже герой сказки «отправляется на стеклянную гору, он делает это не из желания исследовать прекрасную вершину, а потому, что там живет принцесса, которую нужно спасти» [Lüthi 1986, p. 7]. Так, по Люти, в сказке «освещен», максимально ярко и резко, только узкий путь, по которому идет герой – все остальное остается в темноте. При этом все названные предметы четко определены и отделены от всего прочего. Как полагает Люти, в европейской сказке детальные описания, напротив, дают ощущение недосказанности.

Если мы вспомним, сказочные миры и королевства, нарисованные Диснеем (как минимум, в его ранних мультфильмах и даже на классической заставке со схематичным замком), обладают этой абстрактностью. Мы видим очень немногое, но именно поэтому наше воображение ничем не сдерживается. Нам показано несколько четких, отдельных объектов, а мы можем почувствовать ту атмосферу волшебства, которая создает мир вокруг них.

Посмотрим на извилистую дорогу, по которой Золушка едет в замок. Замок на горизонте светится, непропорционально огромный, а между ним и каретой – туман, облака и темные силуэты деревьев. Или вспомним вид, открывающийся на замок Спящей Красавицы – между передним планом, на котором стоят героини, и самим замком располагается пространство, пересеченное стилизованными под изображения на средневековых гобеленах рошицами и рекой. Здесь минимум деталей, почти нет конкретики – но мы чувствуем, что за этим стоит целый мир. За каждым светящимся окном в замке прячется комната, за каждым чуть намеченным деревом – белка или цветок.

Более того, те немногие предметы, которые все-таки упоминаются в сказке, часто сделаны из твердых и ценных материалов (дерева, стекла, но чаще всего – металлов или минералов) и имеют очень четкий контур (кольца, мечи, яблоки, орехи...). Люти утверждает, что «не только города, мосты и туфельки могут быть сделаны из камня, железа или стекла, а дома и замки – из золота и бриллиантов, но леса, лошади, утки и люди могут быть сделаны из золота, серебра, железа, меди, или обращаться в камень» [Lüthi 1986, p. 27]. Из металлов сказка отдает предпочтение ценным и редким. То же самое относится и к цветам. В реальном мире беспримесных цветов мало, нас окружают бессчетные оттенки.

В сказке же, как полагает Люти, предпочтение отдается чистым, ярким, простым цветам – золотому, серебряному, красному...

Как проявляется абстрактный стиль сказки в мультипликации? Уже сама технология диктует двухмерное и плоское изображение персонажей. Они нарисованы яркими, чистыми цветами. Что интересно – они призваны создать ощущение сказочной старинности, но на самом деле их одежда не соотносится ни с каким историческим периодом. Это именно абстрактное представление о «сказочности». Диснеевская Белоснежка с ее короткой стрижкой и тонко выщипанными бровями гораздо больше похожа на девушку 30-х гг., чем на средневековую немецкую принцессу – можно сказать, что ее «современность» несколько выводит ее за рамки чистой абстракции (зато приближает к зрителю). Тем не менее ее внешность – напрямую взятая из сказки – крайне органична именно для ранней мультипликации. Черные волосы, белая кожа, красные губы – и почти никаких переходных оттенков. То же самое можно сказать и о ее платье. Золушка, в свою очередь, явно репрезентирует идеал женской красоты 50-х гг., но и она остается плоской, а цвета, отличающие ее портрет, «абстрактными» (золотистые волосы, голубые глаза). Даже в 2009 г., в момент возвращения к классической технике рисованной анимации, одна из последних «двухмерных» диснеевских героинь – Тиана из «Принцессы и лягушки» – по-прежнему сохраняет черты своей сказочной «природы», впервые визуализированной в довольно ограниченных технических условиях мультипликации 30-х.

Итак, мы видим, что «плоская» сказка напрочь лишена реализма – и это следует рассматривать как ее сильную сторону. Именно отсутствие любых частных характеристик превращает сказку, по Люти, в «мир чистой вероятности». Можно ли представить себе более удачный сюжетный источник для амбициозного, дорогого, уникального, эскапистского проекта Уолта Диснея? Если волшебная сказка – это поле чистой возможности, то полнометражная сказка в 1937 г. казалась мечтой – дикой и почти недостижимой. Но эта мечта воплотилась в жизнь. И представляется, что она реализовалась настолько успешно в том числе и в силу типологического сходства форм: сама технология мультипликации оказалась идеальным средством визуального воплощения «плоской», абстрактной, яркой волшебной сказки (хотя художники студии черпали вдохновение в том числе из гравюр Доре, иллюстраций Рэкема и офортов Пиранези).

Две оставшиеся характеристики сказки, выделенные Люти, – изолированность и универсальная взаимосвязанность, а также сублимация и всевключенность – в меньшей степени достижимы визуальными средствами, поэтому подробно останавливаться

на них мы не будем. Однако стоило бы упомянуть изолированность. По Люти, она рождается из простоты сюжета, сплетенного из отдельных эпизодов, между которыми перемещается герой. Кажется, эта черта сказки может быть весьма эффективно проанализирована в связи с техникой создания сценария для анимационного фильма.

Сегодня экранизации сказок, а особенно игровые версии когда-то созданных студией «Дисней» мультфильмов, отошли от этого способа репрезентации сказочного сюжета. Теперь они усложнены, персонажи должны быть психологически глубокими, а лапидарный сказочный сюжет оборачивается слоями обстоятельств разной степени убедительности, которые должны приблизить сказку к реальности. Но именно это усложнение делает сказку ограниченной: она перестает быть универсальной, перестает волновать наше воображение. Представляется, что именно понимание абстрактности и универсальности природы волшебной сказки, равно как и абстрактности и универсальности природы «сказочной» мультипликации (свидетелями которой мы являемся вот уже вторую сотню лет), может помочь нам при дальнейшем анализе наследия Уолта Диснея.

Литература

- Гистер 2015 – *Гистер М.А.* Мари-Катрин д’Онуа и литературная сказка: у истоков жанра // Д’Онуа М.-К. Кабинет фей / изд. подгот. М.А. Гистер; отв. ред. Н.Т. Пахсарьян. М.: Ладомир: Наука, 2015. С. 821–877.
- Кавелти 1996 – *Кавелти Дж.Г.* Изучение литературных формул / пер. с англ. Е.М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
- Vacchilega 2013 – *Vacchilega C.* Fairy tales transformed? 21st-century adaptations and the politics of wonder. Wayne: Wayne State University Press, 2013. 296 p.
- Bronner 1998 – *Bronner S.J.* The Americanization of the Brothers Grimm // Following tradition. Folklore in the discourse of American culture. Louisville: Utah State University Press, 1998. P. 184–236.
- Lüthi 1986 – *Lüthi M.* The European folktale. Form and nature / transl. by J.D. Niles. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1986. 172 p.
- McCarthy 2007 – *McCarthy W.B.* Introduction. Yarns older than uncle Sam // *Cinderella in America. A book of folk and fairy tales* / comp. and ed. by W.B. McCarthy. Jackson: University Press of Mississippi, 2007. P. 3–23.
- Mollet 2013 – *Mollet T.* “With a smile and a song...”. Walt Disney and the birth of the American fairy tale // *Marvels and Tales*. 2013. Vol. 27. No. 1. P. 109–124.
- Sklar 1994 – *Sklar R.* Movie-made America. A cultural history of American movies. N.Y.: Vintage Books, 1994. 432 p.

- Tolkien 1994 – *Tolkien J.R.R. On fairy stories // Poems and stories*. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1994. P. 113–188.
- Zipes 1995 – *Zipes J. Breaking the Disney spell // Bell E., Haas L., Sells L. From Mouse to Mermaid. The politics of film, gender, and culture*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 21–42.

References

- Bacchilega, C. (2013), *Fairy tales transformed? 21st-century adaptations and the politics of wonder*, Wayne State University Press, Wayne, USA.
- Bronner, S.J. (1998), “The Americanization of the Brothers Grimm”, in *Following tradition. Folklore in the discourse of American culture*, Utah State University Press, Louisville, USA, pp. 184–236.
- Cawelti, J.G. (1996), “The study of literary formulas”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 22, pp. 33–64.
- Gister, M.A. (2015), “Marie-Catherine d’Aulnoy and the literary fairy tale. At the roots of the genre”, in *d’Aulnoy, M.-C. Kabinet fei [The cabinet of the fairies]*, *Ladomir, Nauka, Moscow, Russia*, pp. 821–877.
- Lüthi, M. (1986), *The European folktale. Form and nature*, Indiana University Press, Bloomington, Indianapolis, USA.
- McCarthy, W.B. (2007), “Introduction. Yarns older than uncle Sam”, in McCarthy, W.B., comp, ed., *Cinderella in America. A book of folk and fairy tales*, University Press of Mississippi, Jackson, USA, pp. 3–23.
- Mollet, T. (2013), “ ‘With a smile and a song...’. Walt Disney and the birth of the American fairy tale”, *Marvels and Tales*, vol. 27, no. 1, pp. 109–124.
- Sklar, R. (1994), *Movie-made America. A cultural history of American movies*, Vintage Books, New York, USA.
- Tolkien, J.R.R. (1994), “On fairy stories”, in *Poems and stories*, Houghton Mifflin Company, Boston, New York, USA, pp. 113–188.
- Zipes, J. (1995), “Breaking the Disney spell”, in Bell, E., Haas, L. and Sells, L., *From Mouse to Mermaid. The politics of film, gender, and culture*, Indiana University Press, Bloomington, USA, pp. 21–42.

Информация об авторе

Мария В. Маркова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 84; maria.ifi097@gmail.com

Information about the author

Maria V. Markova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; 84, Vernadskogo Av., Moscow, Russia, 119571; maria.ifi097@gmail.com

Сказочный сюжет о принцессе и лягушонке
сквозь призму столетий: ответ на вызовы нового времени
в интерпретации студии Дисней

Арина Р. Шевченко

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, sheara@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена диалогу со сказочной традицией, представленному в анимационном фильме компании Дисней «Принцесса и лягушка» (2009). В основе сценария – детская книга американской писательницы Элизабет Доусон Бейкер «Принцесса-лягушка» (2002), представляющая собой интерпретацию сюжета сказки Братьев Гримм «Король-лягушонок, или Железный Генрих» (1812). Помимо характеристики особенностей художественного взаимодействия претекстов и кинотекста, обращение к мультфильму «Принцесса и лягушка» также предоставляет возможность выявить специфику существенных модификаций в диснеевском каноне. Трансформация типичного образа принцессы; смещение акцента с ожидания «принца на белом коне» в роли спасителя на идею об осуществлении мечты о карьере и независимости; изображение синтеза французской, афроамериканской и «белой» американской культур – все это позволяет определить рассматриваемый нами материал как продукт нового времени, выступающий в качестве визуализации фундаментальных изменений в социуме и культуре. В ходе анализа, выстроенного согласно принципам историко-литературного и сопоставительного методов исследования, мы приходим к выводу об эволюции сказочной традиции и архетипов в контексте современной гетерогенной действительности, где обращение к классике выступает в качестве своеобразной платформы для реализации актуальных идей.

Ключевые слова: Бр. Гримм, диалог с классикой, Дисней, интерпретация, мультипликационная картина, ремейк, сказочный сюжет, экранизация, Элизабет Бейкер

Для цитирования: Шевченко А.Р. Сказочный сюжет о принцессе и лягушонке сквозь призму столетий: ответ на вызовы нового времени в интерпретации студии Дисней // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1. С. 226–239. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-226-239

© Шевченко А.Р., 2025

The fairy tale plot on the princess and the frog
through the prism of ages.
A response to the New Times' challenges
in Disney's interpretation

Arina R. Shevchenko

Kazan Volga Region Federal University, Kazan, Russia,
sheara@inbox.ru

Abstract. The article is focused on the dialogue with fairy tale tradition presented in *The Princess and the Frog* (2009), an animated film by Disney Company. *The Frog Princess* (2002), a book by Elizabeth Dowson Baker, an American female children's writer, lies in the basis of the script. Baker's work, in turn, is an interpretation of the Grimm brothers' fairy tale *The Frog-King, or Iron Henry* (1812). Besides the characteristics of the artistic interaction between the pretexts and cinematographic text and its features, appealing to *The Princess and the Frog* also allows us to bring out the specifics of significant modifications in Disney canon. The typical princess image transformation; the shift in emphasis from the expectation of Prince Charming in the role of a savior to the idea on the dream about career and independence come true; the depiction of French, Afro-American and "white" American cultures' synthesis – all these enables us to define the material taken under study as the modern age product, acting as the visualization of certain fundamental changes in society and culture. In the analysis based on the principles of historical and literary and comparative research methods, we make a conclusion about the evolution of fairy tale tradition and archetypes with regard to contemporary heterogeneous reality, where addressing the classics functions as a peculiar platform for the implementation of relevant ideas.

Keywords: animated picture, Brothers Grimm, dialogue with the classics, Disney, Elizabeth Baker, fairy tale plot, interpretation, remake, screen version

For citation: Shevchenko, A.R. (2025), "The fairy tale plot on the princess and the frog through the prism of ages. A response to the new times' challenges in Disney's interpretation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 1, pp. 226–239, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-1-226-239

Каждая экранизация как «перекодирование художественного текста на принципиально иной язык» [Щукина 2010, с. 45] или же «перевод одной художественной системы на язык другой» [Мильдон 2011, с. 9], является уникальным продуктом и самостоятельным произведением кинематографического искусства. В настоящем ис-

следовании мы обращаемся к искусству мультипликационному, а именно к 49-му анимационному фильму компании Дисней «Принцесса и лягушка» (*The Princess and the Frog*). Данная работа завершает эпоху диснеевской «Постренессанса» – так кинокритики обычно называют период работы студии с начала 2000-х гг. до второго десятилетия XXI в., – вышел на большой экран в 2009 г. В России премьера состоялась в 2010 г. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет взаимодействие формальной стороны, представленной своеобразной творческой манерой создателей «Принцессы и лягушки», и содержательной, являющей собой диалог с традициями классической и современной литературной сказки. В основе сценария – дебютная детская книга американской писательницы Элизабет Доусон Бейкер «Принцесса-лягушка» (*The Frog Princess*, 2002)¹. Она представляет собой интерпретацию сюжета сказки Братьев Гримм «Король-лягушонок, или Железный Генрих» (*Der Froschkönig oder der eiserne Heinrich*, 1812)². История, изложенная немецкими романтиками, в целом оказавшая большое влияние на множество авторов из разных стран³, настолько вдохновила Бейкер, что после выхода первой книги о принцессе и лягушонке она опубликовала целую серию произведений о полюбившихся как ей самой, так и читательской аудитории героях⁴.

¹ Здесь и далее мы ссылаемся на следующее издание Э. Бейкер: *Baker E.D. Tales of the Frog Princess*. L.: Bloomsbury Children's Books, 2007. 772 p.

² *Гримм В.Я. Король-лягушонок, или Железный Генрих*. М.: Энигма, 2016. 16 с.

³ В разных частях света существуют собственные варианты подобного сюжета: «Замечательная Лягушка» (В. Генри Джонс и Льюис Л. Кропф, Венгрия); «История о Королеве, которая искала волшебный напиток» (Дж.Ф. Кэмпбелл, Шотландия); «Источник Конца Света Паддо» (Роберт Чемберс, Шотландия); «Дева и лягушка» (Джеймс Орчард Халливел-Филлипс, Англия); «Добрая падчерица и лягушка» (В. Генри Джонс и Льюис Л. Кропф, Англия); «Принц-лягушка» (Х. Паркер, Шри-Ланка); «Муж-лягушка» (Уильям Эллиот Гриффис, Корея); «Жених-жаба» (Зонг Ин-Соб, Корея) и мн. др. Все они были опубликованы в книге известного американского фольклориста Хайди Энн Хайнер: *Heiner H.A. The Frog Prince and other frog tales from around the world. Fairy tales, fables and folklore about frogs*. Scotts Valley: CreateSpace, 2010. 296 p.

⁴ *Baker E.D. Dragon's breath*. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2003. 320 p.; *Idem. Once upon a curse*. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2004. 272 p.; *Idem. No place for magic*. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2006. 256 p.; *Idem. The Salamander spell*. N.Y.: Bloomsbury USA

Сюжет братьев Гримм является лишь фабульным стержнем для цикла Элизабет Бейкер. У знаменитых немецких сказочников на капризной принцессе, не сдержавшей обещание о поцелуе, данное после того, как говорящий лягушонок помог достать из колодца ее любимый мяч, лежала ответственность лишь за то, чтобы расколдовать его и помочь превратиться в человека. В свою очередь, Бейкер существенно расширяет систему образов первоисточника и значительно усложняет сюжет. В ее произведении появляются новые герои, такие как добрая колдунья Грассина – тетушка главной героини-принцессы – и злая ведьма Ваннаби, а также персонажи из животного мира, готовые прийти на помощь главным героям, как, например, летучая мышь Лил или змея Фэнг. Более того, современная американская писательница обратила в лягушку и саму принцессу. Героиня Бейкер принцесса Эмеральда, чье говорящее имя, образованное от английского “emerald”, в переводе обозначающего «изумруд», можно охарактеризовать как метафору ее нового цвета кожи, вообще не очень похожа на типичных королевских особ из сказок. Она неуклюжа, не грезит мечтами о замужестве, а ее смех и вовсе похож на звуки, издаваемые ослами: «мама постоянно говорит мне об этом. Она считает, что смех принцессы должен быть подобен звону колокольчика, а не ржанию осла»⁵. Эмеральда соглашается одарить нежностью превращенного в лягушку принца Эдрика, хоть и изо всех сил сдерживает свое отвращение, в отличие от своего менее доброго и исполнительного прототипа. В самой ранней версии сказки братьев Гримм принцесса швыряет лягушонка об стену, что, собственно, и помогает ему обрести первоначальный облик. Впоследствии подобная жестокость, присущая большинству старинных сказочных сюжетов, в некоторых версиях была заменена на ночь, проведенную на подушке прекрасной принцессы в качестве способа снять заклятье. Поцелуй, кстати говоря, пришел на смену двум предшествующим и гораздо менее романтичным способам борьбы с дурной магией лишь в англоязычных переводах сюжета, появившихся в XX в. В книге Элизабет Бейкер после того, как магия поцелуя явно срабатывает не так, как хотелось бы обоим героям, они буквально обречены на совместный квест в компании

Children's Books, 2007. 256 p.; *Idem*. The Dragon princess. NY.: Bloomsbury USA Children's Books, 2008. 224 p.; *Idem*. Dragon kiss. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2015. 304 p.; *Idem*. A Prince among frogs. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2010. 224 p.; *Idem*. The frog princess returns. N.Y.: Bloomsbury USA Children's Books, 2017. 208 p.

⁵ *Baker E.D.* Tales of the Frog Princess. P. 5. Здесь и далее перевод мой. – А. III.

соратников из мира животных в попытке обрести способ вернуть свой прежний облик. Поиск, как это часто бывает в литературных квестах, из фактического превращается в тот, что направлен на переосмысление своего «я» и дарует, помимо искомой материальной, еще и духовную награду. Ей в случае с «Принцессой-лягушкой» Э. Бейкер являюется способность героев побороть собственные страхи, обретение новых друзей, взаимопонимания, поддержки и взаимной любви. Интересно и то, что А.В. Жучкова отмечает особую символику и психологическую составляющую образа лягушки в сказочной традиции: «из-за природной предрасположенности амфибии к эволюционным трансформациям лягушка в фольклоре становится символом внутреннего изменения героев. В русской сказке о Царевне-лягушке и в немецких сюжетах о Принце-лягушке и Королевиче-лягушонке этот образ маркирует необходимость личностного роста персонажей» [Жучкова 2014, с. 107]. Также исследовательница говорит и о схожей идейно-тематической специфике подобных сказочных сюжетов, где «оба героя должны пройти через определенные изменения личной картины мира и своего отношения к происходящему. Характер этих изменений коррелирует с гендерными ролями героев» [Жучкова 2014, с. 111]. Несмотря на то что Бейкер значительно осовременивает взятый за основу сюжет претекста и создает развернутый, усложненный нарратив, на наш взгляд, она придерживается обозначенной Жучковой сложившейся стратегии в репрезентации взаимоотношений подобных героев, делая в своем произведении основной акцент именно на внутренней трансформации главных героев.

Так, именно интерпретация Элизабет Бейкер легла в основу экранной адаптации Диснея, оказавшейся в числе номинантов премий «Золотой глобус» и «Оскар», что также вполне объяснимо и в связи с фактом, упоминаемым Дж. Зайпсом: «хотя другие режиссеры и аниматоры тоже создают немало замечательных фильмов по мотивам известных сказок, Диснею удалось получить право культурного господства в этом жанре» [Зайпс 2013, с. 39]. Помимо этого, исследователь отмечает, что эта корпорация «самым революционным образом превратила жанр сказки через кинематограф в самостоятельную институцию» [Зайпс 2013, с. 48]. Безусловно, многие из работ, созданных Диснеем, интересно рассматривать и с точки зрения применения жанровых стратегий ремейка, и в контексте самобытного творческого метода одной из крупнейших анимационных компаний.

Буквально с первых кадров зритель может насладиться диалогом с классикой, не только литературной, но и мультипликационной. «Принцесса и лягушка» – первый после десятилетнего

перерыва полнометражный фильм, выполненный в технике традиционной рисованной анимации. В прорисовке образов героев угадываются черты полюбившихся зрителю историях об Ариэле и принце Эрике, Аладдине и Жасмин, красавице Белль и Чудовище и мн. др. В данном случае мы также согласны с мнением Дж. Зайпса, который верно подметил, что «сила диснеевских сказочных мультфильмов не в их уникальности или новизне технологий, а в неподражаемом таланте Диснея управлять старомодными, но всегда стабильными ценностями общества через посредство анимации и использования новейших технологий в кино так, чтобы они служили исполнению его идей и взглядов» [Зайпс 2013, с. 60]. Отказ от 3D, современной компьютерной графики и спецэффектов вполне объясним и с точки зрения выбора хронотопа «Принцессы и лягушки». Помимо сцен, изображающих приключения героев в лоне дикой природы, основное действие происходит в Новом Орлеане 1920-х гг. Подобное сюжетное решение позволило режиссерам Джону Маскеру и Рону Клементсу – так называемой старой гвардии кинокомпании, работавшей над созданием «Русалочки» (*The Little Mermaid*, 1989) и «Аладдина» (*Aladdin*, 1992), – и композитору Рэнди Ньюману воссоздать дух изображаемого времени и снять настоящую «оду» Золотому веку джаза, «ревушим двадцатым» и Гарлемскому ренессансу, выполненную в лучших традициях диснеевских мюзиклов, чье музыкальное оформление, как правило, является отдельным видом искусства. В фильме невероятный саундтрек, который отличает гармоничное сочетание джаза, соула и ритм-энд-блюза.

«Принцесса и лягушка», подобно «101 далматинцу» (*One Hundred and One Dalmatians*, 1961), «Котам-аристократам» (*The Aristocrats*, 1970) или же «Леди и Бродяге» (*Lady and the Tramp*, 1955), вписывается в ряд «городских» диснеевских историй, где сосуществуют магическое и реалистическое, чудесное и обыденное. Важно отметить, что во время работы над мультфильмом его создатели посетили штат Луизиана, побывали на центральных улицах Нового Орлеана и отправились в круиз по Миссисипи на единственном местном пароходе «Натчез», что помогло им с предельной точностью воссоздать аутентичную атмосферу⁶. Рисованный мультипликаторами городской ландшафт луизианской столицы с ее старейшей частью, Французским кварталом, и скромными афроамериканскими районами – невероятно реалистичен и с точки зрения художественного воплощения синтеза французской,

⁶ Kurtti J. The art of the princess and the frog. San Francisco: Chronicle Books, 2009. P. 18–19.

африкано-американской и «белой» американской культур, столь характерного для данного города.

Даже культ Вуду, привнесенный в Луизиану афроамериканцами, любопытным образом нашел отражение в образах центральных персонажей мультфильма. Так, например, главный злодей «Принцессы и лягушки» – Доктор Фасилье – буквально списан с Барона Субботы, вудистского духа-посредника между земным и загробным миром, традиционно изображаемого в виде скелета или худощавого высокого темнокожего мужчины в черном фраке и цилиндре, с сигарой во рту, чьими основными символами являются крест и гроб. Несмотря на то что в мультипликационной картине зло исходит от маскулинного, а не от феминного персонажа, как в книге Э. Бейкер, традиционная для сказочных отрицательных героев злоедающая и мрачная цветовая гамма в сочетании с отталкивающими чертами внешности перекликаются с тем, как писательница изображает ведьму Ваннаби: «женщина напоминала привидение. С плеч свисали взерошенные, косматые волосы. Длинные, темные одеяния волочились по земле, цепляясь за ветки и собирая грязь»⁷. Говорящее имя данной героини – в оригинале “Vannabe” – содержит в себе элемент языковой игры, так как отсылает к англоязычному “want to be”, что в переводе означает «хочет быть». Данный прием содержит в себе авторскую иронию по отношению к описываемой ей бесталанной, посредственной ведьме, невзирая на ее полное внешнее соответствие подобным героиням: «ее длинные вьющиеся волосы были выкрашены в черный, сквозь который у корней проглядывался мышинный оттенок. Глаза были темными и впалыми, щеки казались изможденными, а кожа – бледной. Одета она была также с головы до ног во все черное, будь то ее длинное, поношенное платье, убогая шаль или стоптанные кожаные башмаки»⁸. Номинация символично отражает неудачи Ваннаби на колдовском поприще и тщетное желание могущества, которому, согласно сюжету, где традиционно добро побеждает зло, не суждено сбыться, как и в «Принцессе и лягушке». Важно отметить, что Фасилье, наделенный выдающимися чертами внешности и являющийся воплощением «вселенского» зла, также демонстрирует и некий возврат к каноническим образам злодеев Золотого века Дисней (1937–1942), характерный для диснеевского постренессанса начала 2000-х гг.

Образ шаманки Мамаи Оди, помогающей главным героям мультипликационной картины развезать злые чары и превратиться

⁷ Baker E.D. *Tales of the Frog Princess*. P. 65.

⁸ Ibid. P. 67–68.

из лягушек в людей, содержит в себе отсылку к доброй колдунье Грассине Элизабет Бейкер. Ее имя, образованное от английского слова “grass” – «трава», отражает ее связь с силами природы, к которым прибегает и Оди. Единение героинь с природой противопоставляется отрицательному описанию жизни в королевском дворце в книге Бейкер: «разница между комнатой моей тети и другими помещениями в замке была поразительной. Если дворец был, по большей части, холодным, сырым и мрачным, то комната Грассины – теплой и уютной. За декоративной железной решеткой, украшавшей камин, всегда потрескивал огонь <...> На холодных каменных полах лежали толстые, плетеные коврики различных оттенков зеленого цвета, будто вокруг был лес, залитый солнечным светом»⁹ и изображению чопорного мира богатой наследницы Лотти Ля Бафф и ее отца в мультфильме. Цветовая параллель между именами Грассины и ее племянницы Эмеральды, которое содержит в себе отсылку к изумруду, является художественным воплощением эмоциональной связи и теплых взаимоотношений двух героинь, а также своего рода предзнаменованием передачи магического дара от старшей героини младшей согласно авторской задумке.

Примечательно, что и в мультфильме, и в книге образы злых и добрых волшебников строятся по принципу бинарных оппозиций. Как и в случае с Фасилье, в образе Мамы Оди присутствует вудистский компонент и угадываются черты Мари Лаво – «мамбо», или, иначе говоря, верховной жрицы и легендарной основательницы луизианского Вуду. Она была одной из самых влиятельных женщин Нового Орлеана XIX в., как правило, изображавшейся в тюрбане, со змеей на шее и посохом в руках. Так, вышеперечисленные особенности помогли команде, работавшей над «Принцессой и лягушкой», реализовать принцип двойного кодирования. Если самые юные представители зрительской аудитории получают возможность сосредоточиться на увлекательных приключениях главных героев, то взрослая ее часть может насладиться новоорлеанской карнавальной эстетикой и культурно-историческими реалиями, интересным образом переданными на экране.

Безусловно, «Принцесса и лягушка» стоит упоминания не только как рисованная версия ярчайшего периода американской истории между Первой мировой войной и Великой депрессией. Учитывая, что представителям Дисней всегда удавалось сочетать демократичность, ориентацию на современность и использование различных технологий [Зайнс 2013, с. 50–51], «Принцесса и лягушка», в первую очередь, картина, где происходит изменение

⁹ Ibid. P. 11.

канонического образа сказочной принцессы, который в случае с работами Дисней уже стали определенным «лингвокультурным типажом» и экранным воплощением «модельной личности», по мнению А.В. Валяйбоб [Валяйбоб 2017, с. 90]. Согласно точке зрения А.Э. Байриевой, «кинематограф – зеркало эпохи, и с его помощью можно пронаблюдать динамику социальных процессов <...> То же самое касается и такого вида кинематографа, как мультипликационные фильмы» [Байриева 2019, с. 415]. Аналогичные тенденции прослеживаются и в «Принцессе и лягушке». Главная героиня мультфильма афроамериканка Тиана – первая чернокожая принцесса в истории Дисней, что в определенном смысле делает «Принцессу и лягушку» по-настоящему революционной с точки зрения традиций кинокомпании. Тиана – простая официантка из скромной семьи, отличающаяся невероятным трудолюбием и амбициозностью. Ее история – это путь в первую и последнюю очередь к мечте, а не к принцу. Можно сказать, что принц Навин появляется сам, «по ходу дела», что отражает новый виток феминистских веяний XXI в. Об этом в статье, посвященной эмансипации и феминизации женских образов в картинах Дисней, пишет и Е.Н. Потапова: «с каждым последующим мультфильмом роль мужчины становится все менее выраженной. Подвиги принцев и свадьбы – это пример классического “Диснея” <...> Героини прекрасно справляются с трудностями и без героев либо же используют мужчин в своих целях» [Потапова 2017, с. 133]. П. Шихавцова также отмечает, что «происходят изменения в гендерных режимах прежде традиционных сказочных сюжетов. Современные женские персонажи – это девушки, рационально добивающиеся своей цели, более не являющиеся пассивными акторами, как это было характерно для классического типа девушки наподобие Рапунцель, которая терпеливо ждала в высокой башне своего спасителя-принца» [Шихавцова 2020, с. 75]. Объяснение этому исследовательница связывает с социальными процессами, происходящими в настоящей действительности: «гендерные контракты как контракты между основными героями направлены на демонстрацию возможностей социальной активности героини, другими словами, на иллюстрацию принципа равноправия между женщиной и мужчиной. Это характерно как для современного института семьи, так и для рынка труда. Более того, женские персонажи не боятся сражаться наравне с мужчинами, что говорит о запросе на изменения в нормах общества <...> Современные персонажи имеют тенденцию думать о приземленных вещах, но в то же самое время и о таких, которые помогут самореализации или достижению цели» [Шихавцова 2020, с. 73]. Так и в «Принцессе и лягушке» происходит смещение акцента с типичного для диснеевских сказочных сюжетов

прежних лет ожидания «принца на белом коне» в роли спасителя на идею о реализации мечты о карьере и независимости, несмотря на внешние препятствия. Подобная трансформация образа классической принцессы началась еще в мультфильме «Мулан» (*Mulan*, 1998), где главной целью центральной героини не является принц и прохождение череда испытаний только ради него одного, а сама она – не только прекрасна внешне, но и активна, свободолюбива и сильна духом.

Интересно, что мечта Тианы – открыть собственный ресторан – вполне материальна, в чем в полной мере чувствуется прагматизм как составляющая американского национального менталитета. Образ Тианы является воплощением настоящей “self-made girl”, сосредоточенной на карьере, в финале осуществляющей свою американскую мечту, став хозяйкой фешенебельного заведения. В данном случае невольно возникают ассоциации с Опррой Уинфри, первой чернокожей женщиной-миллионером в мировой истории, чей жизненный путь стал источником вдохновения как для создателей мультфильма, так и для многих афроамериканок. Кстати, О. Уинфри озвучила одну из героинь рассматриваемой нами картины – мать Тианы Эдурю. Интересно и то, что по сюжету Тиане удастся «обойти» Шарлотту «Лотти» Ля Бафф, богатую и капризную наследницу белого американца с французскими корнями, которая, казалось бы, больше подходит на роль типичной диснеевской героини. Этот факт, с одной стороны, говорит о дани сказочной традиции вознаграждать тех, кто добивается всего собственным честным трудом, храбростью и смекалкой. С другой – то, что в финале белая героиня остается в тени триумфа темнокожей Тианы, также свидетельствует и о социокультурных изменениях в современной реальности, нашедших свое отражение в новых героях для нового поколения американцев, чьи судьбы больше не определяются расовой принадлежностью. Знаковым является и то, что релиз мультфильма состоялся спустя десять месяцев после инаугурации первого чернокожего президента США Барака Обамы. На наш взгляд, данное событие, ознаменовавшее новую веху в американской истории, также повлияло на расширение рамок классической «белой» диснеевской системы образов. Неслучайно и внешнее сходство отца главной героини Тианы, погибшего в Первой мировой войне, с Обамой, а верный соратник центральных героев аллигатор Луи, способный мастерски играть джаз на трубе, является отсылкой к фигуре легендарного джазмена Луи Армстронга. В данном случае любопытно и то, что на американском сленге XX в., в особенности в Новом Орлеане, родном городе Армстронга, талантливых джазовых музыкантов называли аллигаторами.

Что касается образа принца Навина в «Принцессе и лягушке», то здесь также можно проследить определенную эволюцию в сравнении с типичным «функционалом» данного героя, как в более ранних мультипликационных картинах компании, так и в классических сказочных сюжетах. Любопытно, что образ Навина до превращения в лягушонка коррелирует с тем, как в своей книге Элизабет Бейкер описывает внесценического персонажа принца Хорхе, за которого королевская чета хочет выдать замуж свою дочь Эмеральду, а не с изображением заколдованного Эдрика: «он настолько самовлюбленный, что не оставит никому места рядом с собой. Ты когда-нибудь видела, как он разглядывает собственное отражение в зеркале? Даже псу от этого стало бы тошно!»¹⁰. Это свидетельствует об определенной многогранности продукта компании Дисней в отношении интерпретации претекста, взятого за основу. Рэнди Хэйкок, один из аниматоров, работавших над образом принца-лягушонка, прокомментировал это следующим образом: «У Диснея существует многолетняя традиция принцев, но всем им не хватает характера. Они – только функции, объект любви принцессы. У нас ни разу не было принца, который бы серьезно повлиял на героиню; всегда была любовь с первого взгляда. На этот раз мы взяли за основу принцип романтической комедии, когда после первой встречи парень и девушка совсем не нравятся друг другу. Как и у многих людей, недостатки Навина – логичное продолжение его достоинств. У героини тоже есть недостаток – она не умеет по-настоящему ценить жизнь. Она не умеет радоваться, и этому ее научит Навин. Он покажет ей, как важно порой остановиться, оглядеться и насладиться тем, что вокруг. Веселиться, радоваться тому, что у тебя есть»¹¹. Тиана же, в свою очередь, делает принца менее капризным, самовлюбленным и своенравным и рассказывает ему о мире простых людей, чьи желания не исполняются по шелчку пальцев лишь потому, что они принадлежат к королевской семье.

Несмотря на присутствие в финале мультфильма традиционного как для диснеевских картин, так и классических сказок счастливого финала, озаменованного бракосочетанием главных героев, его создатели все же следуют за идеей истории Элизабет Бейкер. После череды испытаний и приключений Эмеральды и Эдрика главная героиня предпочитает повременить с замужем-

¹⁰ Baker E.D. Tales of the Frog Princess. P. 26.

¹¹ Interview with The Princess and the Frog animators. URL: <https://pursuitist.com/interview-with-the-princess-and-the-frog-animators/> (дата обращения 01.07.2024).

ством и выбирает, выражаясь языком нового времени, саморазвитие: «Я не думаю, что готова связать себя узами брака. У меня есть возможность стать очень хорошей ведьмой, и я думаю, что сейчас пришло время хорошенько поработать над этим. Даже если я и решу выйти замуж в дальнейшем, колдовские способности мне всегда пригодятся»¹². Так, основной акцент делается не столько на решении матримониальных вопросов изображаемой пары и последующем “happily ever after”, сколько на том, что главным в их отношениях становится способность найти общий язык, научить друг друга чему-то новому, стать, в первую очередь, друзьями, партнерами, готовыми прийти на помощь в испытаниях, уготованных им судьбой, что значительно ближе современной аудитории. В данном случае мы солидарны с точкой зрения Е.Э. Панченко. Она также отмечает, что компания Дисней «реагирует на социальные изменения в обществе и положение женщины в нем, а трансформация образов женских и мужских персонажей делает их анимационную продукцию актуальной и конкурентоспособной» [Панченко 2020, с. 194].

Таким образом, рассмотренную нами мультипликационную картину можно охарактеризовать как любопытный ремейк классики американской детской литературы, где некий синтез сюжетных перипетий первоисточника и истории Элизабет Бейкер «приправлен» наиболее актуальными для XXI в. тенденциями.

Литература

- Байриева 2019 – *Байриева А.Э.* Гендерные модели в зарубежных и отечественных мультипликационных фильмах // Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 1 (3). С. 406–415.
- Валяйбоб 2017 – *Валяйбоб А.В.* Эволюция лингвокультурного типажа «принцесса Дисней» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 8 (121). С. 90–93.
- Жучкова 2014 – *Жучкова А.В.* Образ лягушки как символ внутренней трансформации героя в русском и немецком фольклоре // Вестник славянских культур. 2014. № 4 (34). С. 107–115.
- Зайнс 2013 – *Зайнс Дж.* Разрушая чары Дисней // Детские чтения. 2013. № 2 (4). С. 38–62.
- Мильдон 2011 – *Мильдон В.И.* Что же такое экранизация? // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 9–14.

¹² *Baker E.D.* Tales of the Frog Princess. P. 214.

- Панченко 2020 – *Панченко Е.Э.* Образ диснеевской принцессы: трансформация поведения и ее отражение в языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 11 (840). С. 185–194.
- Потапова 2017 – *Потапова Е.Н.* Роль эмансипации и феминизации в формировании женского образа на примере анимации “The Walt Disney Company” // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). С. 130–133.
- Шихавцова 2020 – *Шихавцова П.* Гендерные режимы в мультфильмах, или О том, какой должна быть современная Золушка // *Inter*. 2020. № 1. С. 65–80.
- Щукина 2010 – *Щукина Д.А.* Экранизация художественного текста // Кино/текст: материалы XXXIX Международной филологической конференции, 18–19 марта 2010 г. Вып. 1. СПб., 2010. С. 45–49.

References

- Bairieva, A.E. (2019), “Gender models in foreign and domestic cartoons”, *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, vol. 3, no. 1, pp. 406–415.
- Mil'don, V.I. (2011), “What does it mean – screening?”, *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 9–14.
- Panchenko, E.E. (2020), “Disney princess image. Behavior dynamics and its reflection in language”, *Moscow State Linguistic University. Bulletin. Humanities*, vol. 840, no. 11, pp. 185–194.
- Potapova, E.N. (2017), “The role of emancipation and feminization in the female image formation by the example of ‘The Walt Disney Company’ animation”, *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, vol. 71, no. 5, pp. 130–133.
- Shchukina, D.A. (2010), “A screen adaptation of a literary text”, in *Kino/tekst: materialy XXXIX Mezhdunarodnoi filologicheskoi konferentsii, 18–19 marta 2010 g.* [Cinema/Text. Proceedings of 39th International Philological Conference, 18–19 March 2010], iss. 1, Saint Petersburg, Russia, pp. 45–49.
- Shikhavtsova, P. (2020), “Gender regimes in animation movies or About what modern Cinderella should be”, *Inter*, no. 1, pp. 65–80.
- Valyaibob, A.V. (2017), “Evolution of the linguocultural type ‘Dysney Princess’”, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 121, no. 8, pp. 90–93.
- Zhuchkova, A.V. (2014), “Frog as a symbol of personal development in the Russian and Germanic folklore”, *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 34, no. 4, pp. 107–115.
- Zipes, J. (2013), “Breaking the Disney spell”, *Detskie chteniya*, vol. 4, no. 2, pp. 38–62.

Информация об авторе

Арина Р. Шевченко, кандидат филологических наук, Казанский (При-
волжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420111, Россия,
Казань, ул. Кремлевская, д. 18; sheara@inbox.ru

Information about the author

Arina R. Shevchenko, Cand. of Sci. (Philology), Kazan Volga Region Fed-
eral University, Kazan, Russia; 18, Kremlevskaya St., Kazan, Russia, 420111;
sheara@inbox.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 1
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 12 раз в год

Подписано в печать 20.02.2025
Выход в свет 27.02.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 13,6. Усл. печ. л. 15,0
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2120

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru